

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 6 (27)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ
№ 6 (27)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2017

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)

ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит.н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крамер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-ВШП, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупштерла, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит.н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н., чл.-кор. (ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС); Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), М.П. Одесский, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ;ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбагова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-корр. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ;МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственный за выпуск Г.И. Зверева, д-р ист. н., проф. (РГГУ).

© Российский государственный гуманитарный университет, 2017

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования по теории культуры

<i>Ж.В. Уманская</i> Проблема репрезентации идей неклассического естествознания в обыденном сознании	9
<i>Ю.А. Асоян</i> Новоевропейская генеалогия морали в концепции Макинтайра	19
<i>Е.С. Пронкина</i> Методологические проблемы изучения репрезентаций эмоционального опыта в социальных медиа	34
<i>О.А. Янцуги</i> Типология культурно-исторических образовательных моделей	42

Культурно-исторические исследования

<i>Д.Д. Новгородова</i> Каталоги Минерального кабинета Кунсткамеры XVIII в. в контексте культурной истории коллекций	50
<i>С.О. Зотов</i> Алхимия в раннем СССР	65
<i>О.С. Рымаренко</i> Писатели-фантасты как генераторы научных идей	81

Визуальные исследования

<i>Е.Е. Савицкий</i> Визуальные репрезентации социальных различий в конце XIX в.: «Художественный альбом фотографий с натуры» А.О. Карелина	90
--	----

<i>И.Н. Захарченко</i>	
Цифровые презентации искусства в контексте мультимедийных экспозиций: проблемы восприятия	107

<i>А.В. Дроздова</i>	
Визуальные способы представления повседневности в новых медиа	114

Исследования субкультур

<i>А.О. Лисовская</i>	
Образ «молодости» в восприятии пользователей социальной сети Instagram	125

<i>А.В. Тарасова</i>	
Мое ароматное «Я»: групповая и индивидуальная самоидентификация пользователей парфюмерных форумов Рунета	135

Abstracts	152
---------------------	-----

Сведения об авторах	157
-------------------------------	-----

CONTENTS

Culture theory studies

<i>Zh. Umanskaya</i> An issue of the modern scientific knowledge representation in ordinary consciousness	9
<i>Yu. Asoian</i> New European morality genealogy of MacIntyre's conception	19
<i>E. Pronkina</i> Methodological issues in studying emotional experience's representations of users of social media	34
<i>O. Yanutsh</i> Typology of cultural and historical education models	42

Cultural and historical studies

<i>D. Novgorodova</i> The Kunstkammer Mineral cabinet catalogs of the 18th century in the context of the collections cultural history	50
<i>S. Zotov</i> Alchemy in early USSR	65
<i>O. Rymarenko</i> Sci-fiction writers as generators of the scientific ideas	81

Visual studies

<i>E. Savitskiy</i> Visual representation of social differences at the end of the 19th century. "An artistic album of life photographs" by A.O. Karelin	90
--	----

I. Zakharchenko
Digital art presentations in the context of multimedia expositions.
Perception issues 107

A. Drozdova
Visual representation of the everyday in new media 114

Subcultures studies

A. Lisovskaya
The image of “youth” in the perception of Instagram users 125

A. Tarasova
My own fragrant self. Group and individual self-identification
of perfume forums users in Runet 135

Abstracts 152

General data about the authors 159

Проблема репрезентации идей неклассического естествознания в обыденном сознании

В статье с позиции социологии знания рассматриваются различные аспекты проблемы репрезентации идей неклассического естествознания и современной естественно-научной картины мира в обыденном сознании студентов гуманитарных специальностей, выпускников средних и высших учебных заведений.

Ключевые слова: социология знания, эпистемологический конструктивизм, социальные репрезентации, репрезентация научности в повседневности, обыденное мышление, современная естественно-научная картина мира, научная популяризация.

Значимость и включенность научных представлений в индивидуальное мировоззрение составляют проблему репрезентации научности в обыденности, разрешение которой предполагает исследование взаимоотношений между ментальными продуктами обыденного и научного мышления, характерными для выбранного отрезка времени и определенных социальных страт. Анализ проводится в русле идей эпистемологического конструктивизма, поэтому имеет смысл дать краткую характеристику и историю данного подхода.

В 30-е годы XX в. на фоне споров о критериях истины и возможности достижения полного соответствия между объектом и системой представлений о нем¹ была сформулирована идея зависимости содержания знаний от социокультурного контекста². В 1970-х годах сложилось особое научное направление – социология знания, логическим продолжением которого стали различные варианты конструктивной эпистемологии или эпистемологического конструктивизма – учения об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений³.

Конструктивизм интересуется тем, как получено знание, какие социальные факторы обусловили его появление, каким образом оно трансформирует последующую социокультурную реальность, в том числе процессы получения нового знания и включение его в повседневность.

Для конструктивистской программы характерен *скепсис* в отношении любого знания (как порождение коммуникации, оно непрерывно изменяется и не может быть абсолютным и объективным) и *антиэссенциализм* (система знаний детерминирована исторически и культурно), при этом всячески подчеркивается связь между познавательной деятельностью и социальными процессами, влияние господствующей системы знаний на все формы поведения социума⁴.

В работе Д. Блура⁵, одного из основателей направления, задаются четыре базовых положения социологии знания («сильная программа»): каузальность (обоснование социальных детерминант знания), беспристрастность (одинаковая ценность истинного знания и заблуждений), симметричность (общие детерминанты для объяснения истинного и ложного), рефлексивность (применение перечисленных выше принципов к изучению самой социологии знания).

Б. Латур и К. Кнорр-Цетина, пожалуй, самые авторитетные исследователи в русле эпистемологического конструктивизма, обращают внимание на особую роль лабораторий⁶ в производстве научных фактов. Исследования в лабораториях, в местах с искусственно созданной средой, не тождественны непосредственному созерцанию и моделированию природы в естественных условиях. Эмпирические факты, полученные в лаборатории, не являются «самой реальностью», их появление требует наличия второй реальности – определенной аппаратуры, сложных инструментов и технологий, которых нет в природе. Как отмечает Я. Хакинг, эксперимент не просто предоставляет возможность наблюдать явление, а *впервые создает* его, конструирует: «...люди создают ключи, но также, видимо, и замки, которые ими открываются»⁷. Несмотря на искусственное происхождение, новые научные факты, становясь достоянием общественности, начинают проявлять собственную активность и включаются в сложную социальную сеть, состоящую из отдельных субъектов взаимодействий (научные факты, лаборатории, отдельные люди, группы, государства). Как продукт действия двух факторов: социокультурного и природного, акторы являющиеся смешанными (гибридными) объектами, и их содержание исторически обусловлено социокультурным контекстом. Анализируя труды Б. Латура, О. Столярова пишет о запрете на любой вид

редукционизма: «Ни *природа*, ни *культура* не являются ключами к шифру под названием «мир». Единственный приемлемый путь – начать с гибрида, акторов в сети, и следовать за ними в том, как они совместно создают «общество» и «природу» (производные от смешанной реальности)»⁸. Атомы, клетки, черные дыры и вирусы – примеры акторов, существующих только в контексте современной научной парадигмы. Изменения в коммуникационной системе (изменения контекста) приводят к исчезновению научного факта.

Включение новых научных фактов в социокультурный контекст – процесс длительный и неоднозначный. Несмотря на периодические увлечения и моду массовой культуры на новости науки, теоретические представления о мире проникают в массовое сознание с большим трудом. Более ста лет от публикации в 1687 г. потребовалось теории тяготения Ньютона, чтобы стать базовым представлением о причине свободного падения на бытовательском уровне. Лишь достаточно бурное обсуждение открытия новых планет (Урана в 1781 г. и Нептуна в 1846 г.) интегрировало идеи гравитации в личные представления. В этом году сто лет общей теории относительности А. Эйнштейна, идеям М. Планка и Н. Бора чуть больше этого срока, но за это значительное время картина мира человека, далекого от современной физики, почти не изменилась – она по-прежнему в основном ньютоновская. Активное массовое «переваривание» идей столетней давности фактически только начинается. Свидетельство тому – проникновение их в сюжеты высокобюджетных фильмов с огромной прокатной аудиторией («Интерстеллар», 2014⁹; «Марсианин», 2015¹⁰, и др.). Эти кинематографические продукты, помимо собственно физических знаний, фоновых для сюжета, транслируют очень простую мысль – этого не знать уже нельзя (неприлично, немодно, несовременно), что приводит к масштабному интересу обывателей ко всей естественно-научной тематике. Во многом благодаря таким фильмам будет преодолен первый образовательный этап – уровень информированности с эффектом узнавания. Следующим шагом, возможно, станет интеграция этих идей в личностные картины мира на уровне убеждения.

Позволим себе длинную цитату: «Социальные репрезентации (представления) – идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, разделяемые людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях, прежде всего под влиянием средств массовой информации. Это конструктивное воспроизведение свойств объекта на уровне конкретных понятий, организованное вокруг одного центрального значения и неотделимое от символической активности субъекта в социальном поле (К. Херцлих); обыденное мышление, практическое освоение социального, материального и идеального

окружения (Д. Жоделе)... Они одновременно являются результатом коммуникации и служат ее основой, обеспечивая разделяемые коды социального взаимодействия и групповую идентичность»¹¹.

Теория *социальных* представлений активно разрабатывалась С. Московичи и его последователями. Суть методологической позиции этой школы подробно изложена А.И. Донцовым и Т.П. Емельяновой¹². По С. Московичи, три функции социальных представлений (познавательная, ценностно-ориентационная и адаптационная) позволяют гармонизировать взаимоотношения индивидуума и мира – новая информация описывается, объясняется, получает ценностные маркеры и интегрируется в уже существующие представления практического мышления.

О. Баксанский объединяет принципы С. Московичи и идеи И. Лакатоса–Ст. Тулмина, что позволяет ему ввести определение *научных* представлений и их подробную классификацию: «...научным представлением предлагается называть репрезентацию результатов социально обусловленного процесса научного познания, существующих на данный конкретно исторический момент, включая совокупность методов, средств, норм и регулятивных принципов, составляющих научный способ познания реальности»¹³. Соответственно в данном контексте, говоря о представлениях, имеют в виду именно когнитивные (мыслительные), а не образные репрезентации.

Отдельный человек непрерывно включен во взаимодействие с окружающей средой: организм получает различные сигналы, обрабатывает полученную информацию и каким-либо образом реагирует на нее. В организме, функционирующем без патологий, мыслительный процесс осуществляется на протяжении всей жизни, человек все время о чем-то думает. В каком случае говорят о *научном познании*, а в каком – об *обыденном*¹⁴?

Одно из отличий обыденного познания от научного – это *его неосознанность (нерефлексируемость)*. Структуры мозга перерабатывают огромные количества информации, минуя сознание. Повседневные ошибки и победы оцениваются высшей нервной системой, и организм выдает решение в автоматическом режиме и логически (рационально) необоснованное. Некоторые исследователи называют эту способность *эмоциональным интеллектом*¹⁵.

В научном познании, помимо четко сформулированной проблемы исследования, определены цель и задачи поиска, план разрешения проблемы. Если же решение проблемы происходит как-то само собой, то мы имеем дело с *обыденным познанием*.

Когда неясная проблема каким-то образом находит свое решение, в *обыденном познании* формируется образ окружающего нас

мира, фиксированный на частностях, деталях конкретного взаимодействия. Модели обыденного познания не выходят за пределы эмпирического уровня. Для обыденного сознания возможен лишь один вариант: «Солнце всходит и заходит. Земля – плоская». Для научного познания вопрос о форме и движении планеты не ограничен единственным вариантом, а зависит от выбора геофизической и астрономической модели. Гибридная сеть акторов Б. Латура не может естественным образом стать частью индивидуального сознания, включение научных фактов в личную картину мира – это всегда плод целенаправленных воспитания и образования, спонтанно-го влияния окружения.

Итог обыденного познания – фиксация *определенного решения* для *определенной ситуации*. Обыденное сознание не имеет готовых ответов для новых случаев: система, лишённая гибкости, корректирует реакции лишь после негативных последствий. Сиюминутность и ситуативность соседствуют с *фрагментарностью*. *Капсулированность* частного обыденного познания – также один из его отличительных признаков. Со смертью индивида уходит и его уникальный невыказанный образ мира.

Философские истоки понятия «картина мира» лежат в монадохологии Г. Лейбница, по мысли которого, каждая монада – неделимое и элементарное духовное начало – отражает в себе весь мир, но монады различаются по степени совершенства, поэтому точки зрения на мир различных монад не тождественны: «...монада является постоянным живым зеркалом универсума. И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы перспективно умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады»¹⁶. Позднее стали говорить не только о точке зрения как определенной позиции, но и о результате индивидуального восприятия мира – картине мира.

В современном понимании, картина мира – это обобщенный образ, составляющая мировоззрения, которая включает в себя описание структурных особенностей организации окружающего мира, его регулятивных особенностей и генезиса. Картина мира дает системную модель того, из чего состоит мир, как он устроен и как меняется, но без ценностных, оценочных и эмоционально окрашенных суждений¹⁷. Л.В. Лесков выделяет основные методологические принципы, на которых строится современная модель реальности (научная картина мира): натурализм, опора на теоретический аппарат точных и естественных наук, фаллибилизм,

фальсификационизм, историзм и модернизм. Опора на эти принципы обуславливает фундаментальные свойства современной научной картины мира: «...она динамична, постоянно находится в движении и способна к развитию»¹⁸.

Все перечисленные выше позиции могут стать критериями, по которым можно будет оценивать степень представленности философских оснований современной картины мира в обыденном сознании.

Современная научная модель действительности – это мир, который строится на принципе глобального эволюционизма, т. е. всеединой, нелинейной, самоизменяющейся, самоорганизующейся системы, в недрах которой возникают и исчезают целостности – от физических полей и элементарных частиц до биосферы и более крупных систем. Эта картина мира охватывает экспериментальные и теоретические достижения неклассической и постнеклассической науки, отражает характерные отношения к случайному и детерминированному, стационарному и эволюционирующему, конечному и бесконечному, дискретному и континуальному. Представленность и степень осознанности этих понятий и их отношений в личных картинах мира – это также отдельное направление в теме репрезентации научности¹⁹.

Картины мира имеют разную степень общности в зависимости от того, чьи взгляды в них отражены: различают индивидуальные (личные) картины мира и групповые. И для отдельной личности, и для сообщества (сословия, профессиональных объединений, партий) картина мира является продуктом интеграции различных форм познавательной деятельности. В каждой картине мира – и личной и групповой – присутствует доля обыденного, мифологического, художественного, религиозного и естественно-научного восприятия и описания, а соотношение этих частей зависит от ментальных, культурных, национальных и прочих особенностей социума.

Описание репрезентации научности в обыденности распадается на два потока: что люди могли знать и что они на самом деле знали. Важно понять, каким образом то или иное знание работало, т. е. детерминировало их поведение. Такое исследование требует выделение групп, радикально отличающиеся друг от друга по своему образованию, воспитанию и основным каналам получения информации о новых научных фактах, в том числе явно популяризаторских каналов и неявных – через рекламные, сетевые и медийные продукты.

Педагогический эксперимент показывает, что для большого числа студентов, причем не только гуманитариев, характерна

смесь доклассических (аристотелевских) и некоторых классических (ньютоновских) представлений о мире, в том числе по базовым вопросам – о причинах движения и его изменениях²⁰. Модели неклассической (квантовой) физики либо отсутствуют, либо сформированы на уровне первичного узнавания. Редкий студент перевел эти знания в свои убеждения, т. е. на личностном уровне воспринимает мир с позиций неклассического естествознания: материю описывает с квантово-полевых позиций, а гравитацию объясняет через искривление пространственно-временного континуума²¹. Современная естественно-научная модель мира является органичной частью личностных картин лишь для определенного узкопрофессионального сообщества.

Аналогичная ситуация и с включенностью в личное сознание базовых биологических положений из теории эволюции или генетики. Например, построения структурно-иерархических отношений для понятий клетки, органеллы, хромосома, ДНК, гена вызывают у студентов-гуманитариев сильное затруднение.

Интерес представляет не столько факт незнания фундаментальных физических или биологических теорий, сколько причины, его породившие, ведь все вопросы касались содержания программ школьного полного образования. Анализ причин сложившейся ситуации предполагает описание всей коммуникативной сети, включающей научные факты, отдельного человека и социальную систему посредников между ними. Конечно же, в первую очередь требуется исследование, направленное на поиск конкретных условий, которые помогут большей части элементов современных представлений все же найти дорогу к головам учащихся через определенным образом организованные обучение и воспитание.

Особое место в сети, обеспечивающей трансляцию знаний, занимает феномен популяризации, интерес к которой резко возрос в последние годы. Цели и задачи, темы и методы, влияние занятия популяризаторской деятельностью на академическую карьеру²², взаимодействие с фондами и властными структурами (например, история фонда «Династия») – вот неполный перечень тем обсуждений на круглых столах²³ и в публикациях²⁴.

Формальная цель научной популяризации – введение новых знаний (фактов, социокультурно- и природно-детерминированных гибридов, если следовать Латуру) в повседневность (в социальные связи и сети), благородное дело просвещения широких слоев населения. В реальности поступление адаптированной научной информации продуцировано более разнообразными целями и желаниями как со стороны потребителя, так и ее источника. Только интеграция нового знания в социокультурное пространство

может обеспечить ему ценность и статус методологического и экономико-политического регулятора в научном сообществе и во всех организационных структурах, которые поддерживают существование этого сообщества. Уровень адаптации, причины выбора какого-либо определенного факта из многочисленного набора новых знаний, продуцируемых в лабораториях мира, как и многое другое, влияют на то, в каком объеме и качестве популяризируемые знания займут место в групповых и личных картинах мира людей и как их в итоге изменят.

Очень часто индивид является адресатом взаимоисключающих утверждений из разных, но равно достоверных для него потоков информации. Личный выбор одного из утверждений как истинного связан с уровнем обыденного и научного мышления адресата, особенностями его социальных сетей, статусом и авторитетностью информаторов. Какая из версий станет частью представлений, совершенно не зависит от их истинности или ложности в «родном» контексте строгой научной теории. Детерминировать итог будут исключительно социальные факторы. Качественная популяризация интересна тем, что, являясь конгломератом научного и обыденного и опираясь на особенности мышления в рамках здравого смысла, трансформирует содержание представлений в сторону большей научности, параллельно решая массу дополнительных целей поставщиков и заказчиков популяризируемого продукта.

Исследования современности позволяют изучить эти явления в мельчайших деталях: выставочная деятельность музеев, научно-популярный контент радио- и телевизионных каналов, статьи в журналах и на порталах научно-популярных сайтов, содержание книг и прочей печатной продукции соответствующей направленности – все это источники данных для анализа темы. Социальная и коммерческая реклама оказывает мощнейшее воздействие на умы миллионов. Вместе с основным рекламируемым продуктом часто продают и набор научных штампов, в которые он (продукт) бывает «обут и одет». Объемы выпускаемой продукции, целевая аудитория, рейтинги, доля и место в эфире/в общих продажах, навязываемые мнения и манипуляции, формы и время подачи материалов, источники финансирования, эмоциональная окраска материалов, доступность и научность изложения – вот неоднородный перечень возможных позиций для исследования. Любой из этих факторов будет влиять на возможность «продаваемой» научной информации стать частью нашей повседневности и привычных представлений об окружающем мире.

Уровень естественно-научных знаний современных студентов гуманитарных отделений свидетельствует и о том, что пока потоки

информации в рамках просветительских проектов либо малочисленны, либо текут мимо ушей и глаз потенциальных потребителей. Анализ причин сложившейся ситуации – это также тема отдельной линии исследований.

Картина мира начинается с отдельного человека, анализ включенности научных знаний в обыденность предполагает сбор большого количества данных, описывающих конкретные частные случаи. Без полевого исследования и методик социальной метрологии в этом вопросе не обойтись.

Примечания

- ¹ Теория «корреспондентной истины». См., например: *Порус В.Н.* Корреспондентная теория истины // Новая философия. энцикл.: В 4 т / Под ред. *В.С. Стёпина*. М.: Мысль, 2001; Толкование термина «корреспондентная теория истины» [Электронный ресурс] // Академик.URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8515/КОРРЕСПОНДЕНТНАЯ (дата обращения: 07.07.2017).
- ² См.: *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университет. кн., 2000.
- ³ Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. *И.Т. Касавина*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 373–377.
- ⁴ *Вархотов Т.А.* Конструктивистская программа в философии и методологии науки // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж, 2006. С. 90–125.
- ⁵ *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 162–185.
- ⁶ *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер. с англ. *П. Куслий* // Там же. С. 211–242.
- ⁷ *Хакинг Я.* Представление и вмешательство: Введение в философию естественных наук. М.: Логос, 2001. С. 262.
- ⁸ *Столярова О.* Социальный конструктивизм: онтологический поворот // Вестн. МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. С. 39–51.
- ⁹ Награды/Интерстеллар [Электронный ресурс] // КиноПоиск URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/258687/awards/> (дата обращения: 07.07.2017).
- ¹⁰ Награды/Марсианин [Электронный ресурс] // КиноПоиск URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/841700/awards/> (дата обращения: 07.07.2017).
- ¹¹ Толкование термина «социальные представления» [Электронный ресурс] // Академик. Социология: Энциклопедия / Сост. *А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко*. URL: http://sociology_academic.ru/1021/СОЦИАЛЬНЫЕ_ПРЕДСТАВЛЕНИЯ_%28социальные_репрезентации%29(дата обращения: 07.07.2017).
- ¹² *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.

- ¹³ *Баксанский О.Е.* Современные когнитивные репрезентации о мире // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002; То же. [Электронный ресурс] URL: <http://iph.ras.ru/page49682148.htm> (дата обращения: 07.07.2017).
- ¹⁴ См. подробнее: *Уманская Ж.В.* Наука и обыденное познание // История и методология науки: Учеб. для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Ю.С. Воронкова, А.Н. Медведь, Ж.В. Уманской. М.: «Юрайт», 2016. С. 138.
- ¹⁵ См.: *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013; *Свааб Д.* Мы – это наш мозг. От матки до Альцгеймера. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013.
- ¹⁶ *Лейбниц Г.В.* Монадология. П. 56–57 [Электронный ресурс] // Цифровая б-ка по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000493/> (дата обращения: 07.07.2017).
- ¹⁷ См.: Научная картина мира / Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. кол.: И.Т. Фролов и др. М.: Республика, 2003. С. 553.
- ¹⁸ Введение в историю и философию науки / Л.В. Лесков [и др.]. М.: Академ. проект, 2007. С. 350–351.
- ¹⁹ К сожалению, вся эта тематика практически не затрагивается в рамках школьных программ предметов естественно-научного цикла, которые являются для многих гуманитариев единственным и последним источником систематизированных знаний о природе.
- ²⁰ По мнению многих опрошенных, для движения необходимо внешнее воздействие.
- ²¹ Обе обсуждаемые модели не поддаются визуализации, так как в первом случае невозможно изобразить объект, который является одновременно и дискретным, и континуальным (корпускулярно-волновой дуализм), а во втором случае необходим выход в четырехмерное пространство для наблюдения искривлений в трехмерном. В лучшем случае опрашиваемые нарисуют планетарную модель атома, не всегда правильно изобразив ее составляющие, и укажут притяжение Земли как причину падения свободных тел. См. подробнее: Историко-научные картины мира, их формы и функции // История и методология науки: Учеб. для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Ю.С. Воронкова, А.Н. Медведь, Ж.В. Уманской. С. 49.
- ²² *Берснева Е.* Академическая карьера VS популяризация науки [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Научная Россия» 01.03 2016. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/akademicheskaya-karera-vs-populyarizatsiya-nauki> (дата обращения: 07.07.2017).
- ²³ Круглый стол «Популяризация науки: зачем и как» 18 марта 2016 [Электронный ресурс] // Сайт НИУ «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/178262206.html> (дата обращения: 07.07.2017).
- ²⁴ *Курек Д.* Пять вопросов к тем, кто рассказывает о науке [Электронный ресурс] // RUSBASE. URL: <http://rusbase.com/opinion/about-science/> (дата обращения: 07.07.2017).

Новоевропейская генеалогия морали в концепции Макинтайра

В статье рассматривается концепция Аласдера Макинтайра¹. Рамкой для ее интерпретации избрана проблематика новоевропейской генеалогии моральной теории. «Генеалогическая» проблематизация концепции Макинтайра содержит некоторую трудность. Она состоит в том, что сам он не определяет свой проект как генеалогический. Тем не менее автор статьи показывает, что генеалогическое рассмотрение новоевропейских моральных теорий, категорий и понятий этики (в ситуации их возникновения) представляет собой важный ракурс исследования. Его проблематика связана с обсуждением противоречивого значения универсалистского проекта «рационального обоснования морали» в эпоху Просвещения, формированием конструкции «индивида» и тем, как это отразилось на понятийном поле моральной теории.

Ключевые слова: генеалогия морали, проект Просвещения, моральный универсализм, концепция индивида.

В статье обсуждается концепция Аласдера Макинтайра – философа, историка этики и теоретика морали. Предметом рассмотрения будет известный труд англо-американского автора. Книга «После добродетели...» увидела свет в 1981 г.² Центральной в ней представляется тема, связанная с интерпретацией теоретических обоснований этики в XVIII–XIX вв. Сразу скажем, что материал, к которому обращается Макинтайр, далеко выходит за пределы отмеченной эпохи. Взгляд автора охватывает как античную «предысторию» европейской моральной философии, так и «актуальное состояние» моральной теории в XX в. Однако, как уже было отмечено в аннотации, нас будет интересовать «генеалогическая перспектива» исследования Макинтайра и, в частности, выстраиваемая в его работе новоевропейская генеалогия моральной теории. Генеалогия предполагает обсуждение происхождения. В нашем случае (применительно к Макинтайру) речь пойдет об исходных принципах построения моральной теории в эпоху Нового времени.

Рамка «генеалогии морали» в отношении к труду Макинтайра содержит некоторую трудность, которую, во избежание недоразумений, нельзя не отметить. Она заключается в том, что сам Макинтайр не определяет свой проект в категориях генеалогии³. Тем не менее мы попытаемся показать, что генеалогическое рассмотрение новоевропейских моральных теорий, категорий и понятий этики представляет собой важный ракурс исследования Аласдера Макинтайра, и в этом смысле его концепцию было бы полезно соотнести с другими проектами генеалогии морали и этики⁴. Основная проблематика концепции Макинтайра связана с обсуждением значения универсалистского проекта рационального обоснования морали в эпоху XVIII в., возникновением и ролью концепции «индивида» и тем, как это отражается на трансформации понятия о морали.

Вообще говоря, подход Макинтайра-этика предполагает не одну, а сразу несколько теоретических перспектив: в частности, он может быть соотнесен с концепцией морального сознания как коммуникативного действия Ю. Хабермаса⁵. Вместе с тем на эту работу полезно взглянуть и в связи с формирующимися в последней трети XX столетия подходами исторической семантики понятий. В книге нет ссылок на непосредственно предшествующие по времени исследования Рейнхардта Козеллека или его единомышленников⁶, но выводы, к которым приходит Макинтайр, явно перекликаются с некоторыми заключениями «историков понятий» (где предметом рассмотрения оказываются важнейшие семантические сдвиги ключевых социальных концептов на рубеже XVIII и XIX вв.).

Применительно к Макинтайру говорить об истории, равно как и генеалогии понятий, в смысле последовательно выстраиваемой и активно применяемой методологии можно лишь с известной осторожностью, обращение к исторической семантике этических концептов чаще предстает у него как отдельные вкрапления в историко-теоретический анализ моральной философии. Тем не менее пересечений с той же историей понятий больше, чем может показаться на первый взгляд. Первое из них состоит в тезисе о принципиальной *новизне «морали»* (ниже мы поясним этот кажущийся довольно странным тезис), второе касается роли моральной философии XVIII–XIX вв. не только в рациональных обоснованиях морали, но и в выработке новых представлений о *принципах работы моральных понятий*.

Языки этики и проект рационального обоснования морали

Свою книгу автор начинает главой, содержащей одно гипотетическое и, как ему кажется, весьма «неприятное предложение»: «Представим себе, что естественные науки внезапно исчезли в результате катастрофы. В целом ряде несчастий, постигших окружающую среду, общественное мнение обвинило ученых. В ходе всеобщих беспорядков были разрушены лаборатории, толпа линчевала физиков, а книги и инструменты были уничтожены. Власть захватило политическое движение, выступившее под лозунгами ЗА НЕЗНАНИЕ, вынудившее немедленно прекратить преподавание науки в школах и университетах, заключив в тюрьму и казнив оставшихся ученых». Позднее наступило отрезвление, «просвещенные люди попытались возродить науку, хотя по большей части было прочно забыто, что это такое». В их распоряжении остались фрагменты научных знаний и оторванные от теоретического контекста эксперименты⁷.

Тем не менее это стало основой возрождения множества практик с воскрешенными названиями физики, химии и биологии. Дети усердно изучали сохранившиеся остатки периодической таблицы Менделеева и хором, как заклинания, повторяли некоторые теоремы Евклида. Новоявленные специалисты в сфере науки спорили о достоинствах теории относительности, эволюционной теории и теории флогистона, хотя обладали очень скудными сведениями обо всем этом. Они имели в своем распоряжении не целостные теоретические выкладки, а лишь осколки, напоминающие «тексты» досократиков. «Все, что новоявленные ученые делали и говорили, удовлетворяло определенным канонам непротиворечивости и согласованности, но контекст, который мог бы придать смысл всем их действиям, был утерян и, вероятно, безвозвратно»⁸.

Образ катастрофы, постигшей науку, нужен Макинтайру, чтобы сделать следующее гипотетическое предположение, которое имеет гораздо более тесное отношение к той предметной области, которой он непосредственно занимается. Дело в том, что нечто напоминающее описанную выше «катастрофу» произошло, согласно Макинтайру, и в сфере языка морали. «Моя гипотеза состоит в том, – пишет он, – что в нашем действительном мире язык морали находится в таком же состоянии беспорядка... В области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения»⁹. Видимость целостного языка моральных понятий продолжает существовать, несмотря на то что *«целостная субстанция морали в значительной степени*

фрагментирована и даже частично разрушена» (здесь и далее в цитатах курсив наш, за исключением отдельных оговоренных случаев. – Ю. А.)¹⁰.

Но если в языке морали произошла некая катастрофа, сопоставимая с той, что описана выше, то почему же о ней не дошло до нас никаких сообщений? – развивает свою версию Макинтайр. Почему случившееся не было осознано и почему в нашем распоряжении нет свидетельств этой катастрофы? Ответ может быть сформулирован примерно так: во-первых, потрясения «проявляются не в тех немногих значительных событиях, характер которых без сомнения ясен, а в более длительных и менее идентифицируемых». Во-вторых, они произошли не только до основания академической истории, «которой от роду не более двух веков», но и, более того: «...моральные и другие оценочные предпосылки академической истории являются производными от тех форм беспорядка, которые описаны мною»¹¹.

Пресловутый «беспорядок» языков этики Макинтайр связывает не только с конкурирующими проектами рационального обоснования морали в европейской философии XVII–XVIII вв., но и с выработкой современного (в широком смысле этого слова) понятия о морали, непосредственно зависящего от нового представления об индивиде или, как выражается сам Макинтайр, тесно связанного «с концепцией индивида». Самая общая рамка его видения истории такова: после революции протестантизма – с одной стороны, на фоне роста секулярной рациональности XVIII столетия – с другой, «религия (как полагает Макинтайр) не давала уже общего основания для морального дискурса и действия». В новых условиях функцию обоснования морали попыталась взять на себя философия.

С этой ее ролью связан небывалый взлет моральной философии в эпоху XVIII столетия. Однако просветительский проект рационального обоснования морали, полагает Аласдер Макинтайр, «решительно провалился»: «...и неудача философии в обеспечении того, что не могла уже сделать больше религия, была важной причиной (последующей. – Ю. А.) потери философией ее центральной культурной роли», что также «обусловило превращение философии в маргинальную, узко академическую дисциплину»¹². От этой неудачи пострадала и вся теоретико-моральная сфера. «Мораль... нашей культуры, – утверждает автор, – до сих пор лишена какой-либо общерациональной основы», при том, что значимость последней до сих пор невероятно переоценивается нами.

Проект универсалистского истолкования и рационального обоснования морали имел своим основанием то, что можно назвать

«концепцией индивида». Настоящим изобретением моральной философии Нового времени, считает Макинтайр, как раз и был «индивид». «Когда было изобретено отчетливо современное Я, его изобретение потребовало не только по большей части нового социального устройства, но также и устройства, которое определялось не всегда совместимыми верами и концепциями»¹³. «С одной стороны, индивидуальный моральный субъект, освобожденный от теократии и теологии, [который] воспринимает себя и воспринимается моральными философами как суверен в своем моральном авторитете»¹⁴, а с другой – унаследованные от прошлого, утратившие свой контекст, но не утратившие влияния правила и предписания морали, теряющие былую функциональность.

Макинтайр размышляет о невиданной социальной универсализации языка моральных предписаний и требований, которая характеризует «проект Просвещения», о том, что эта универсализация входит в противоречие с локальными социальными контекстами прежних моральных практик и их обоснований. Существовавшие ранее морально-этические практики и их описания отрываются от контекста своего смыслопорождения, вводятся в новый всеобъемлющий контекст, притом в ранге универсалий, а потому перестают срабатывать. По Макинтайру, «нагромождение» моральных теорий, вырванных из своего исторического контекста и помещенных в контекст единых требований универсальной морали, обращенных к «человеку вообще»¹⁵, как раз и создает «поразительную невнятицу».

Хотя «поверхностная риторика нашей культуры, – пишет Макинтайр, – приспособлена к тому, чтобы говорить о моральном плюрализме вполне благодушно, но при этом понятие плюрализма слишком расплывчато»¹⁶, оно вполне допускает рядом с собой представление о фундаментальном единстве языка моральных понятий и требований. «Мы слишком часто считаем моральных философов прошлого людьми, которые вели один и тот же спор по поводу относительно неизменного предмета»¹⁷. Кроме того, саму мораль рассматриваем в основном как директорию вечных истин. Показательно, что, несмотря на головокружительный взлет культурной и исторической антропологии в XX в., такие «нормативные» дисциплины, как этика и логика, оставили его для себя почти совершенно неотмеченным.

Генеалогия морали и конструкция индивида

Впрочем, об одном результате антропологического поворота применительно к интерпретации морали можно говорить вполне определенно. Он касается проблемы ее генезиса. Едва ли не со школьной скамьи нас учат рассматривать мораль как древнейшую сферу жизни общества, предшествующую сферам правового или политического регулирования. Результатом часто оказывается представление об исключительной древности как самого феномена морали, так и представления о ней. Это убеждение нередко разделяют и далекие от вопросов этической теории обыватели, и специалисты, занимающиеся проблемами этики.

В то же время в европейской интеллектуальной традиции, а именно она является предметом Макинтайра, первые попытки теоретической рефлексии и обоснования морали связываются с античностью (где произошла первая эмансипация этических знаний). Недаром же обе эти категории (мораль и этика) принято возводить к греко-римскому миру. Но, по Макинтайру, даже это неоправданно удревляет то понятие о морали, которым мы оперируем сегодня. Близкое нам представление о морали, полагает он, возникло относительно недавно. Понятие морали смело можно отнести к категориям ложноклассическим. «В латинском языке, как и в древнегреческом, *нет* слова, которое можно было бы правильно перевести нашим словом “мораль”» (курсив автора. – Ю. А.)¹⁸.

Хотя термин «мораль» (*moral*) и является преемником латинских *mos*, *mores*, хотя чисто лингвистически это понятие произведено от прилагательного *moralis*, но все эти латинские понятия слишком далеки от такой современной категории, как «мораль». Латинское *mores* означает просто «обычай» и «нравы», так же как и греческое *θη* (в форме *pluralis'a*). Ближайший предшественник нашего слова «мораль» – прилагательная форма *moralis*. Можно считать, что это слово изобрел Цицерон. В трактате «О судьбе» он использовал *moralis* для перевода греческого *ethikos*, обозначающего нечто «имеющее отношение к характеру». Но, как и *ethikos*, *moralis* означает у него лишь то, что «относится к характеру», причем понятому в качестве предрасположений к определенному поведению, к тому, чтобы вести определенный образ жизни¹⁹, – не более.

Итак, в новоевропейских языках существительное «мораль» произведено от прилагательного «моральный». Значение этого существительного в литературных пассажах – «практический урок», «жизненное наставление» («полезное извлечение»). И то,

что в нашей «морали» связано с представлением о ней как о чем-то практическом, утверждает Макинтайр, гораздо ближе к латинскому значению. Только в XVIII столетии понятие морали приближается к универсальному нормативному значению, разделяемому большинством из нас сейчас. Но характерно, что перед этой нормативной универсализацией оно переживает радикальное сужение, вплоть до того, что преимущественно использовалось лишь в отношении сексуального поведения, откуда идут такие устойчивые обозначения сексуальной распущенности как «аморальное поведение» или просто – «быть аморальным»²⁰.

По отношению к этой интерпретации Макинтайра можно привести следующую аналогию: когда в университетском курсе философии заходит речь о «практической философии» Канта, нам поясняют, что «практическое» у него является синонимом «нравственного»²¹. Преподаватели философии нередко пользуются этим примером, чтобы показать уязвимую узость «практического» в понимании Канта (в сравнении с современным его значением). Вместе с тем столь характерное сближение морального и практического следовало бы использовать скорее для того, чтобы показать широкое и, так сказать, неспецифическое моральное понимание самой «морали». Понятие о «моральных добродетелях» появляется в значении «практической добродетели», и оно до недавнего времени не означало ничего более.

По Макинтайру, эпоха, когда мораль стала названием той конкретной сферы, в которой правилам поведения, не являющимся ни теологическими, ни правовыми, ни эстетическими, было позволено занять собственное культурное пространство, охватывает примерно два столетия, с середины XVII в. вплоть до начала или середины XIX в. Это время, когда различие морали и теологии, этики и права, этического и эстетического пробивало себе дорогу, пока не стало наконец общепринятой доктриной. В истории моральной философии этот период отмечен грандиозными попытками независимого (от других сфер) рационального обоснования морали (Д. Юм, А. Смит, И. Кант, в этот список Макинтайр включает и Кьеркегора, поставившего проблему выбора эстетического или этического принципов жизни).

И все-таки, согласно нашему автору, новоевропейский проект рационального обоснования морали «решительно провалился»²². Его неудача была предreshена кризисом телеологического способа мышления как такового. Раньше представление о человеке необходимо включало в себя представление о его предназначении (а последнее, в свою очередь, диктовалось теми социальными ролями, в которых всякий раз выступал тот или иной человек).

Новоевропейские попытки рационального обоснования морали XVII–XVIII вв. сопровождались (и инициировались) отказом от телеологического воззрения. Представление о предназначении человека, полагает Макинтайр, не включалось более в состав теории изначально, вместо этого оно должно было быть *выведено из нее путем рациональных обоснований*.

Мы подошли к одному из ключевых моментов этой концепции. «Моральные аргументы в рамках классической аристотелевской традиции – будь то древнегреческая или средневековая версии – включают, – пишет Макинтайр, – по крайней мере одну функциональную концепцию, а именно концепцию *человека*, имеющего существенную природу или существенную цель или функцию» (курсив автора. – Ю. А.)²³. Разговор о сущем предполагает те или иные долженствования, которыми сущее, собственно, и определяется. В «Никомаховой этике» (1095а 16) Аристотель «в качестве отправной точки этического исследования полагает, что отношение “человека” к “праведной жизни” аналогично отношению “арфиста” к “хорошей игре на арфе”»²⁴. Таким образом, понятие цели и долженствования заключено в его понятии о сущем.

Из «есть» здесь всегда выводимо «должно», или «следует». И наоборот – моральные долженствования *рассматриваются как фактические суждения*. Человек здесь, как образно выражается Аласдер Макинтайр, всегда «хороший человек», «часы – хорошо идущие часы». Это положение вещей сохраняет силу и позже. Даже Иммануил Кант уже в совершенно иную эпоху отмечал, что «без телеологического обрамления весь проект морали становится *непостижимым*»²⁵. Но именно в его время, или даже несколько ранее, телеологический принцип соотнесения «сущего» и «должного», предмета и его предназначения подвергся существенной коррозии. Он был дискредитирован и отброшен, причем не только классиками новоевропейской науки, но и в более широких мировоззренческих сферах.

Уже в сочинениях моральных философов начала XVIII в. можно видеть последовательное «разрушение связи между предписаниями морали и констатациями о человеческой природе». Макинтайр приводит важное рассуждение Юма: он замечает, что «в каждой системе морали, с которой он когда-либо сталкивался, ее автор [неизменно] делает переход от утверждений о Боге или человеческой природе к моральным суждениям: так что вместо соединения суждений с помощью *есть* или *не есть*, я все время встречаюсь с суждениями, связанными с помощью *следует* или *не следует*» (курсив автора. – Ю. А.)²⁶. Но, полагает Юм, должны быть, по крайней мере, приведены резоны, обосновывающие возможность такого

перехода и показывающие, как это новое отношение выводимо из других, полностью от него отличных.

Ощущение разрыва между суждениями факта и телеологическим (а также ценностным) воззрением на мир (с позиций долженствования) зашло так далеко, что едва не привело к выводу о принципиальной невозможности морального заключения из множества фактических посылок истинной логики. Это подкреплялось апелляцией к теории вывода: в заключении не может появиться ничего такого, чего нет в посылаках. А. Прайор²⁷ высказал контраргументы к такого рода построениям. Из суждения-констатации «Он является морским капитаном» при определенных обстоятельствах с необходимостью выводится долженствование «Ему следует делать то, что пристало капитану». Аналогичным образом из суждения «Он является врачом» при известных обстоятельствах с необходимостью выводится долженствование «Он должен оказать медицинскую помощь пострадавшему».

Иными словами, посылка «есть» может давать и дает заключения по типу «следует». Но чтобы этот переход был осуществлен, необходим все же надлежащий контекст, определенный «вырезок действительности», ситуация или фрейм, связанные с той или иной ролью человека. «Быть человеком – значит выполнять множество ролей, каждая из которых имеет свою собственную точку зрения и цель: член семьи, солдат, философ, слуга Господа. *И только когда человек начинает пониматься как индивид до и независимо от всех ролей, “человек” перестает быть функциональной концепцией*²⁸. («Как только из морали исчезает понятие существенных человеческих целей или функций, трактовка моральных суждений как фактических утверждений начинает казаться неправдоподобной»²⁹.)

Когда понятие о человеке перестало связываться с «функциональной концепцией», моральная теория перестала ориентироваться на те конкретные и очень разные модусы человеческого бытия, на те положения, к которым она необходимо была прикреплена прежде. Ее предписания, за исключением выделенных впоследствии узких сфер так называемой профессиональной этики, стали универсальными, адресованными человеку вообще. Спецификация моральной проблематики, связанная с последовательным различением морали и религии, права, ряда других сфер жизни, словно бы «компенсировалась» в XVIII столетии установками антропологического универсализма. Выделение специфической «моральной сферы» сочеталось с осознанием универсальной предписанности морали, что не было свойственно ей прежде.

Поскольку предписания морали перестали быть «функционально ориентированными»³⁰, они стали все более отдаляться

от прагматики (ориентирующей не на универсальные долженствования, а на характер морального поведения в совершенно конкретных средах). По Макинтайру, ницшевскую критику морали надо рассматривать не иначе как ответ на такое положение вещей. Ницше, считает Макинтайр, довольно ясно осознал тенденцию морального дискурса эпохи, связанную с универсализацией социально и исторически ограниченных смыслов. В «Генеалогии морали» он обращается к социально-историческому происхождению и связанному с ним ограниченному смыслу тех ценностей, которые претендуют теперь на всеобщность и общезначимость.

Генеалогия морали и история социальных понятий

Если рассматривать концепцию Макинтайра только в рамках этической специальности (т. е. в рамке истории и теории морали), то ее горизонт не только будет сильно ограничен, но и может быть несколько искажен. Макинтайра-этика нетрудно выставить в роли этакого «социологизатора» или, более того, «радикального историзатора» морали, а весь его пафос свести к тому, чтобы любая этическая доктрина рассматривалась в ситуации ее смыслопорождения, в социальном и историческом контексте эпохи. Хотя все это важно и верно, в тени оказывается не менее значимая сторона его концепции. Подход Макинтайра не сводится к идее исторической относительности тех этических доктрин, которые до сих пор нередко обсуждаются под знаком их незыблемости и вечности. Он интереснее и несколько сложнее.

«Мораль, – пишет Макинтайр, – не есть то, чем была когда-то»³¹. Но это надо понять не в смысле просто *другого содержания* в рамках всегда одного и того же представления о том, что относится к сфере компетенции моральных высказываний, а в смысле кардинального изменения сферы самой этой компетенции. В домодерном обществе мораль едва ли не целиком определялась социальными, групповыми долженствованиями, носила статусный характер, *она не только не заключала в себе универсального нравственного смысла, но как раз такая претензия могла восприниматься как направленная против морали*. Значение, приписываемое моральным суждениям как таковым, настаивает Макинтайр, изменилось в конце XVIII и в XIX в. кардинально³².

Выше мы уже отмечали, что выводы Макинтайра, как нам представляется, корреспондируют с наработками «истории понятий» как субдисциплины, возникшей на пересечении социально-

исторических исследований и интеллектуальной истории. Стоит указать теперь и на ту ближайшую предметную сферу, которая попадает в поле обоюдного интереса «историков понятий» (не обязательно только круга Р. Козеллека) и Макинтайра. Прежде всего это тема параллельного обнаружения и со-конструирования сфер социального и морального дискурсов³³. Речь идет о ситуации, связанной с одновременным формированием и последующими трансформациями категорий морали и общества. У Макинтайра, как и у историков понятий, интерес сфокусирован на универсализации представлений о морали и обществе в эпоху Просвещения, причем происходящей в двух этих категориальных сферах параллельно и на фоне их семантического сближения.

Генеалогическое рассмотрение истории моральных понятий не просто идет «рука об руку» с тем, что можно было бы назвать когнитивной историей общества (подходами, в той или иной степени разрабатываемыми и развиваемыми идею о позднем его обнаружении в европейской интеллектуальной истории), но и, по существу, оказывается вплетено в нее. Иными словами, когда за обществом закрепляется сфера моральной, а за государством – юридической регламентации, то эта ситуация интересна не только в связи с формированием современных различий государственного и общественного, но и в связи с историческими перипетиями «морального толкования общества». Представляется, что в контексте проблематики социальной истории понятий позиция Макинтайра определяется более точно, и она, конечно, не сводится только к истории этики...

Возникают некоторые замечания и наблюдения, имплицитные подходом Макинтайра. Они касаются как происходящих параллельно однонаправленных (?) трансформаций понятий о морали и обществе на рубеже XVIII и XIX вв., так и их синонимической близости. Характерно, что понятие о «социальных науках» в дисциплинарных порядках европейского знания заняло место предшествовавшего ему понятия о «моральных науках». Если в начале XX в. заговорили о «социально-политическом знании», то за столетие до этого было принято говорить о «моральных и политических науках». Иными словами, в композите социально-политического *социальное* заняло место субститута *моральное*; предшественником «социальных наук» являлось понятие о науках «моральных» (*moral sciences*).

Те, кого сегодня отнесли бы к когорте «теоретиков общества» и «социальных философов», сплошь и рядом самоопределяются в XVIII столетии как «моральные философы». *Теория общества еще принадлежала пространству «моральной философии».*

Показательно, что энциклопедия Дидро и д'Аламбера относит общество к рубрике «моральных понятий»³⁴. Если сегодня достаточно обычным является отнесение морали как предмета изучения к сфере компетенции социальной теории, то в XVIII в. дисциплинарное соотношение знания об «обществе» и «морали» выглядит противоположным образом: общественное составляет тематику моральной философии, у социального попросту еще нет иного (отличного от «морали») места в структурах знания. На смену моральной теории общества XVIII в. пришла (уже в XIX и XX столетиях) социальная теория морали. Тем не менее публичные оценки поведения индивидов и групп по-прежнему производятся с позиций «общезначимой морали» (и морального детерминизма в оценке социальных событий).

Социальные теоретики и историки понятий нередко полагают, что в становлении универсалистского концепта *society* значимую роль сыграло понятие «гражданское общество»; именно оно придало «обществу» масштабность государства и страны в целом³⁵. Историю «гражданского общества» рассматривают обычно как следствие понятийного разделения «государства» и «общества», как результат выделения *общественного* из нерасчлененного социально-политического понятийного комплекса. Стоит отметить, однако, противоречивую роль этого понятия в развитии новоевропейской социально-политической семантики: термин *гражданское общество*, хоть в его «поле» и происходило формирование отличий *общества* от *государства* и *правительства*, на первых порах сам воспринимался как понятие, идентичное *политическому обществу*.

Петер Козловски полагал, что неполитическая семантика «гражданского общества» впервые была осознана лишь представителями шотландского Просвещения – А. Смитом и А. Фергюсоном³⁶. Признак «гражданского состояния» они усмотрели не в политической организации общества, а в организации им *материальной цивилизации*. Результатом стала выработка идеи и понятия *цивилизованного общества*, и притом как нетождественного с «гражданским», более того, выходящего за его пределы (и тоже вступающего на путь универсализации). Поэтому именно понятие *цивилизованного общества* Козловски предлагает рассматривать как «прорыв» в направлении сближения гражданского общества с обществом экономическим, во-первых, и как понятие, обеспечившее своего рода первое выпадение категорий социальной сферы из нерасчлененного прежде социально-политического комплекса, во-вторых³⁷.

С этим можно согласиться, добавив тем не менее что если понятия *цивилизованности* и *цивилизации* рассматривать в качестве

важного направления формирования новоевропейской семантики «общества» (с чем связан универсалистский концепт «цивилизованного общества»), то другим направлением в формировании представлений об обществе в Европе XVIII и в начале XIX в. (и в России соответственно) являются язык и проблематика морали. Универсализация морали, о которой размышляет Макинтайр, «подталкивала» возникновение универсалистского представления об обществе и сама испытывала на себе его обратное воздействие. Кризис универсалистского представления о морали, имевший значение переломного момента для практик теоретического обоснования морали, в свою очередь, связан с обнаружением неустранимой множественности (международных и внутриобщественных) социальных порядков и культур.

* * *

Именно эта проблема социальной и культурной множественности как вновь приводящая к вопросу о множественности моралей является ключевой во всех рассуждениях Макинтайра-этика, когда он обращается к актуальным вызовам современности. Современное общество с легкостью принимает плюрализм мнений и декларирует множественность выбора – эстетического, экономического, даже политического, – но не декларируемая, а реально существующая драматическая множественность морали способна поставить в тупик любое, даже самое толерантное мировоззрение. Как писал в своей «Этике» Ален Бадью, «афишируемые апостолы этики и “права на различие” явным образом *впадают в ужас от любых мало-мальски резких отличий...* С пресловутым “другим” можно иметь дело, только если это *хороший* другой, а кто же это, как не такой же, как мы? Ну конечно, – саркастически замечает Бадью, – уважение к различиям! Но с той оговоркой, что отличающийся должен представлять парламентскую демократию, придерживаться рыночной экономики, поддерживать свободу мнений, феминизм, экологическое движение...» (курсив автора. – Ю. А.)³⁸.

Примечания

¹ Макинтайр (*Macintyre*) Аласдер – англо-американский философ. Преподавал в университетах Англии и США, до последнего времени – профессор университета Нотр-Дам (США). Круг интересов – теория и история морали, социальная и политическая философия, методология социальных наук. «При всей тематической многоплановости интересы Макинтайра вращались вокруг идеи о необ-

ходимости поместить моральную философию в конкретный социальный и исторический контекст» (Современная западная философия: Энциклопед. слов. / Под. ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова, при участии Т.А. Дмитриева. М., 2009. С. 298). Эта идея получает развитие в работе «Чья справедливость? Какая рациональность? (Whose Justice? Which Rationality? Notre Dame, 1988), в которой «Макинтайр на примере этической мысли Древней Греции, Средних веков и Шотландского просвещения, показывает неправомерность притязаний современных моральных теоретиков на создание универсальных концепций справедливости и рациональности» (Современная западная философия... С. 299).

- ² *Macintyre Al.* After virtue. A study of Moral Theory. Indiana: Notre Dame Univ. Press, 1981; *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М., 2000.
- ³ Хотя свой подход в изучении морали Макинтайр и не определяет в категориях генеалогии, тем не менее историко-теоретическая рефлексия по поводу генеалогического подхода в обосновании морали – существенное место в исследованиях Макинтайра-методолога. Этому, в частности, посвящена одна из его работ – «Три конкурирующие версии морального исследования: энциклопедия, генеалогия и традиция» (см.: *Macintyre Al.* Three Rival Versions of Moral Enquire: Encyclopaedia, Genealogy and Tradition. Notre Dame, IN: Univ. of Notre Dame Press, 1990).
- ⁴ Об этом см.: *Асоян Ю.А.* Проект генеалогии: от «генеалогии морали» Ницше к «генеалогии этики» Фуко. [В печати.]
- ⁵ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. Впервые изданная в 1983 г. во Франкфурте-на-Майне книга не только содержит ссылки на работу А. Макинтайра, но и в ряде принципиальных моментов прямо отталкивается от ее результатов. Хабермас проводит различие когнитивистских и коммуниктивистских подходов к теории морали, помещая Макинтайра в ряду последних (*Хабермас Ю.* Указ. соч. С. 34–67).
- ⁶ *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1979. См. также: Словарь основных исторических понятий: Избр. ст.: В 2 т. М., 2014.
- ⁷ *Макинтайр А.* Указ. соч. С. 5.
- ⁸ Там же. С. 5–6.
- ⁹ Там же. С. 7.
- ¹⁰ Там же. С. 10.
- ¹¹ Там же. С. 8–9.
- ¹² Там же. С. 72.
- ¹³ Там же. С. 88.
- ¹⁴ Там же. С. 89.
- ¹⁵ Кант видит существо этического знания не в том, чтобы спрашивать, каким надо быть, чтобы быть солдатом или добрым христианином, а в том, чтобы спрашивать, каким надо быть, чтобы быть человеком (как таковым): «Чрезвычайно важно для человека знать, – пишет Кант, – как надлежащим образом занять место в мире и понять, каким надо быть, чтобы быть человеком». При этом

- предписания нравственного закона распространяются не только на всякого человека, но и на любое разумное существо вообще (см.: *Кант И. Основание метафизики нравов // Кант И. Лекции по этике. М., 2005. С. 254*).
- 16 *Макинтайр А. Указ соч. С. 17.*
- 17 Там же. С. 18.
- 18 Там же. С. 56.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 57.
- 21 «Понятие практического здесь, – пишет Т. Адорно, – не следует путать с тем искаженным понятием, в которое оно превратилось в наши дни и которое имеют в виду, когда говорят о “практическом человеке”, то есть о человеке, который знает, как полнее манипулировать вещами и как получше устроить свою жизнь» (*Адорно Т. Проблемы философии морали. М., 2000. С. 6–7*).
- 22 *Макинтайр А. Указ соч. С. 72.*
- 23 Там же. С. 83.
- 24 Там же. С. 84.
- 25 Там же. С. 80.
- 26 Там же. С. 80–81.
- 27 Речь идет об Артуре Нормане Прайоре (1914–1969) – новозеландском философе и логике, Прайор – один из создателей так называемой «временной» логики. Основная его работа: *Prior A. Past, present and future. Oxford: Clarendon Press, 1967.*
- 28 *Макинтайр А. Указ соч. С. 84.*
- 29 Там же. С. 85.
- 30 Функциональная ориентированность морали, это, несмотря на все пояснения, едва ли не самое темное место в концепции Макинтайра.
- 31 *Макинтайр А. Указ соч. С. 33.*
- 32 Там же. С. 110; ср. положение Макса Шелера о том, что мораль это не сама по себе та или иная система ценностей, а своего рода «кристаллическая решетка», или «система правил предпочтения самих ценностей» (*Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 66*).
- 33 См.: *Donzelot J. L'Invention du social. Essai sur le déclin des passions politiques. P: Seuil, 1994*; См. также: *Согомонов А.Ю., Уваров Ю.П. Парадоксы вывихнутого времени, или Как возникло социальное // Конструирование социального. М., 2001. С. 135–159.*
- 34 История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 62 и сл.
- 35 См.: *Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.*
- 36 См.: *Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998.*
- 37 Ср.: *Розанваллон П. Утопический капитализм: История идеи рынка. М., 2007.*
- 38 *Бадью А. Этика: Очерк о сознании зла. СПб., 2006. С. 43.*

Методологические проблемы изучения репрезентаций эмоционального опыта в социальных медиа

В данной работе предпринимается попытка описания некоторых задач, с которыми сталкивается исследователь в процессе работы с репрезентациями личных эмоциональных переживаний пользователей в пространстве социальных медиа. Эмоциональные переживания рассматриваются как конструкты, ориентированные на самопрезентацию пользователя и коммуникацию с другими пользователями в социальных медиа. Поднимается вопрос о том, как социальные медиа опосредуют репрезентации эмоциональных переживаний.

Ключевые слова: эмоциональные переживания, социальные медиа, репрезентации.

Исследовательский интерес в области социокультурного фокусируется на самых разнообразных явлениях. Объектом изучения могут стать практики и репрезентации различных эмоциональных переживаний. Сегодня эмоциональные переживания расцениваются не только как составляющая личной жизни человека, но как неотъемлемая часть социального уклада, о чем свидетельствуют концепции эмоционального труда¹, общества переживаний² и эмоционального капитализма³. Репрезентации эмоциональных переживаний являются предметом изучения таких дисциплин, как история эмоций, антропология эмоций, социология эмоций, психология эмоций, психолингвистика. На сегодняшний день написано множество разнообразных работ, посвященных изучению этой проблематики. Исследователи заявляют о контекстуальности эмоциональных переживаний и ставят вопросы о том, каким образом определяются культурные значения и способы выражения стыдливости⁴, гнева⁵, любви⁶ и других эмоциональных переживаний. Существует достаточно большое количество исследований, ориентированных на изучение эмоциональных переживаний в контексте массмедиа. Однако менее

заметно представлены исследования репрезентаций эмоциональных переживаний в социальных медиа.

С развитием информационных технологий человек становится частью цифровой культуры, которая трансформирует его повседневные практики. Пользование социальными медиа сопровождается переносом своего «я» в это специфическое виртуальное пространство. Рядовой пользователь социальных медиа перестает быть только пользователем, но становится активным производителем информационного продукта. Эта трансформация сопровождается всеобщим подчинением диспозитиву медийной исповеди, в результате чего разнообразные аспекты интимной жизни человека становятся частью публичного пространства⁷. В рамках этого диспозитива пользователи регулярно производят репрезентации собственных переживаний. Таким образом, ключевым вопросом оказывается проблема воздействия пространства социальных медиа на процесс репрезентации субъективных переживаний пользователей. Являются ли социальные медиа особой площадкой для репрезентации разнообразных проявлений пользовательской субъективности или же они в определенной степени конституируют данные репрезентации?

Говоря об эмоциональных переживаниях в рамках социогуманитарных перспектив, исследователи, в принципе, зачастую обращаются к идеям социального конструктивизма. Например, в работе, посвященной анализу роли эмоций в организации труда, А. Хохшильд обращает внимание на существование неких нормативных представлений об эмоциях, разделяемых людьми, находящимися в рамках определенного контекста. Эти нормативные представления состоят из правил чувствований, предписывающих переживание тех или иных эмоций в зависимости от конкретной ситуации, и правил выражения чувств, задающих определенный набор репрезентаций эмоций⁸. В соответствии с этой концепцией человек может осуществлять акт самоцензурирования и принуждать себя к выражению, а то и к переживанию определенных эмоций, находясь под властью различных социальных установок. Поскольку эмоциональные переживания не существуют в отрыве от социально-культурных контекстов, вокруг них также производятся определенные режимы и пороги их репрезентаций. Взгляд на репрезентации как на социальные конструкты не отрицает их связи с социальной действительностью, но в то же время утверждает их самодостаточность⁹.

Однако если мы признаем конструктивистскую природу репрезентаций, мы также должны понять, какую роль в конструировании этих репрезентаций играют социальные медиа. В современном

медиапространстве, инкорпорировавшем человеческую повседневность, все человеческое становится продуктом этой медиасреды, а тело человека медиатизируется, т. е. размывается граница, разделяющая человека и технологии¹⁰. На призрачность этой границы до исследователей новых медиа указывал еще М. Макклюэн, рассматривая разнообразные виды медиа как расширение человеческого тела¹¹. Метафора киборга Д. Харауэй с указанием на гибридную природу человеческого тела и проницаемость границ между реальностью социальной и фиктивной перестает быть метафорой¹². Если человеческое тело продолжается в медиа, то эмоциональные переживания также даются нам через язык медиа и производятся в них. Устанавливаются определенные отношения между цифровой реальностью и реальностью вне медиа. Определение этих отношений является одним из важнейших аспектов изучения современной медиасреды. Вместе с тем существует ряд методологических проблем, связанных с изучением человека в социальных медиа и, в частности, его переживаний.

Репрезентации эмоциональных переживаний представляют собой достаточно сложный и не вполне определенный объект изучения, так как речь идет о самых изменчивых проявлениях человеческой субъективности. В своем труде «После метода» Дж. Ло утверждает, что традиционные методы стремятся упорядочить подобные беспорядочные феномены, придать форму не имеющим четкой формы явлениям, тем самым внося значительное искажение в предмет исследования. Поэтому необходим более «мягкий» метод, похожий на свой предмет изучения и представляющий собой «технику умышленной, осторожной неточности»¹³. Фактически Ло апеллирует к идее контекстуальности любого типа знания и его конструктивной природы. Соответственно и подход должен быть обусловлен ситуативно и представлять собой некий метод-сборку, ориентированный на изучение того, что явлено в виде присутствия, например в виде репрезентаций, и того, что явлено в виде отсутствия, а также скрыто и вымещено за пределы дихотомии «присутствие–отсутствие»¹⁴. Речь идет о том, чтобы определить сеть отношений, связывающих разные репрезентации, их отсутствие, умолчания и практики.

Когда же подобный объект исследования опосредуется медиа, ситуация осложняется еще больше. На своих личных страницах и в специальных сообществах пользователи рассказывают истории о своей жизни, раскрывая собственные чувства и эмоции: публикуют свадебные, семейные фотографии и так называемые «love story», рассказывают о бытовых событиях, вызывающих радость или раздражение, выражают соболезнование чужой утрате, восхищаются

произведениями искусства, оставляют анонимные признания, раскрывающие их потаенные переживания. Необходимо понять, что нам сообщают эти истории. Сообщают ли они то, что переживает пользователь в реальности вне медиа, или же они сообщают нам нечто другое?

Пространство социальных медиа представляет собой наглядно явленную сеть отношений и взаимодействий, а потому репрезентации эмоциональных переживаний подлежат обмену и перераспределению между пользователями. Когда пользователь делится своим личным эмоциональным переживанием, он превращает его в публичное высказывание. Степень публичности своего высказывания пользователь может регулировать до некоторой степени, но тем не менее оно всегда остается публичным. Исследователи характеризуют подобное поведение пользователей социальных медиа как проявление цифрового эксгибиционизма¹⁵.

Сегодня большая часть контента в социальных медиа представляет собой репрезентации личной жизни человека, а освещение общезначимых тем и публичных событий представлено в значительно меньших масштабах, тогда как подобное информационное распределение не является само собой разумеющимся фактом¹⁶. Снижение интереса к «общественному» контенту даже связывается со снижением роли социальных медиа в организации общественных движений и акций¹⁷. Одним из самых распространенных подходов к анализу пользовательских репрезентаций является психоаналитически ориентированный подход, рассматривающий самопрезентации пользователей как проявления нарциссического фетишизма, связываемых в первую очередь с практиками создания селфи¹⁸. Однако в апелляции к нарциссизму есть риск упустить из виду другие функции медиа и значение контекста. Социальные медиа в таком случае могут позиционироваться скорее как некий раздражитель, усиливающий определенные свойства человеческой природы, что в той или иной степени соответствует действительности, но упрощает задачи, которые ставит перед собой исследователь медиаккультуры. Более продуктивно изучать логику самих медиа и рассматривать репрезентации личной жизни пользователей как часть специфической культуры социальных медиа, например, позволяющей пользователям присвоить статус селебрити¹⁹ и демократизировать некоторые сопряженные с этим статусом практики²⁰. Еще один подход состоит в том, чтобы рассматривать репрезентации личных переживаний пользователей в контексте коммуникации с другими пользователями социальных медиа, используя этнографические методы работы с источниками²¹. Самым конструктивным способом

работы с социальными медиа представляется сочетание разнообразных подходов и взглядов на природу медиа и человека.

Поведение пользователей специализированного форума «Невеста.инфо», посвященного организации свадеб, иллюстрирует взаимосвязь нарциссического фетишизма и логики самого медиа. На форуме пользователи делятся собственным опытом проведения свадеб, а также обсуждают чужие свадьбы. Распространенной формой коммуникации является отчет о подготовке и проведении свадьбы. В этот отчет пользователи в обязательном порядке включают историю знакомства и любви пары, увенчавшуюся предложением. Разумеется, само описание организационных моментов сопровождается рассказом об эмоциональных переживаниях, будь то волнение и страх, восхищение и разочарование. Ведение блога позиционируется как акт, наделенный практической ценностью. Оно позволяет структурировать идеи, планировать действия и выслушивать советы опытных участников форума. Однако некоторые невесты начинают вести свои блоги задолго до непосредственной организации торжества и в ряде случаев даже до предложения руки и сердца. Фактически происходит не столько фиксация, сколько придание дополнительного значения собственным эмоциональным переживаниям. Одновременно с транслированием личных переживаний пользователь сообщает о статусе, который придает его переживаниям медиа. Отныне эмоциональные переживания пользователя, которые зачастую позиционируются им самим как выражение его субъективности и даже исключительности, перестают быть его личными переживаниями. В случае со свадебным форумом эмоциональные переживания пользователя становятся своеобразной платой за вхождение в определенное сообщество. Весь субъективный опыт подлежит структуризации (в форме отчета) и контролируется администрацией форума. На форуме обозначены определенные правила написания отчетов: помимо наполнения его полезной информацией о подробностях и различных организационных моментах, модераторы также призывают авторов максимально полно делиться эмоциями и «праздничным настроением»²². С раскрытием собственных эмоциональных переживаний пользователь в данном случае получает определенный символический капитал – одновременное признание исключительности его переживаний и их упорядочивания, перевода в режим ограниченного набора значений: «Объявляю вас мужем и женой» – эти слова вы услышали в самый счастливый день вашей жизни! Чтобы мы разделили с вами радость, расскажи нам о своей необыкновенной и удивительной свадьбе»²³. В этот момент эмоциональное переживание пользователя становится частью общего перформанса, поддерживаемого свадебной индустрией. Взамен поль-

зователь получает возможность перевести личные эмоциональные переживания на язык общезначимых смыслов, зачастую имеющих характер идеальных конструкций, тем самым получая право расширить горизонт существования собственного «я» и вдобавок включить собственную историю в конструкт «самого счастливого дня». Некоторые участники этого сообщества после празднования свадьбы организуют повторные празднования свадеб и празднования годовщин. Так они продолжают ощущать себя частью сообщества «счастливых» и имеют возможность производить новые высказывания о собственных переживаниях, которые в пространстве данного блога имеют определенную ценность не только для самих авторов высказываний.

В ситуации с личной страницей пользователя в социальной сети логика придания дополнительной ценности факту наличия переживания сохраняется. Формой выражения этой ценности являются опции реагирования на высказывание: лайки, комментарии, репосты. Переживания, опосредованные технологией, включаются в экономику, которую задает публичное пространство социальных медиа. Репрезентация эмоциональных переживаний оборачивается практикой по созданию проекта собственного «я» в этом пространстве. Некоторые владельцы аккаунтов в социальных сетях разоблачают себя и рассказывают, что представленный образ «я» не соответствует действительности, как и репрезентируемые эмоциональные переживания, сопровождающие эти самопрезентации²⁴.

Любые высказывания пользователя могут стать базисом для проецирования собственного «я» в социальные медиа, но высказывания об эмоциональных переживаниях являются разновидностью высказываний, традиционно расценивающихся как часть личной, интимной жизни человека, не имеющей общезначимого смысла. Вот почему некоторые практики выражения эмоциональных переживаний в социальных медиа вызывают неоднозначную реакцию со стороны пользователей. Речь идет о тех переживаниях пользователей, которые не просто экстерииоризируются в пространство социальных медиа, но полностью конструируются там и изначально предназначены для существования в этом пространстве, например о специфических практиках скорби, выражениях солидарности. В ряде случаев подобные практики становятся предметом ожесточенных споров и даже ведут к конфликтам, о чем, к примеру, свидетельствуют истории с окрашиванием аватарок в цвета ЛГБТ в Facebook в знак сочувствия и поддержки сообщества, а также окрашивание в цвета французского флага после парижских терактов в знак скорби и последующие дискуссии об уместности и неуместности подобных действий. Камнем преткновения является

факт демонстрации эмоциональных переживаний, которые зачастую расцениваются как сугубо личное дело каждого отдельного человека. Так происходит столкновение личного и публичного в пространстве социальных медиа и актуализируется процесс установления конвенций о способах выражения личных эмоциональных переживаний в новой публичной среде, сконструированной пространством социальных медиа. Основой этого процесса является спор двух стратегий пользования социальными медиа: как публичной площадки для производства и потребления высказываний, имеющих общезначимую ценность, так и площадки для выражения собственного «я». Конвенции относительно режимов репрезентаций эмоциональных переживаний зависят и от конкретного сообщества. Таким образом, процесс установления конвенций подвергается постоянному изменению, так как пользователи обычно являются участниками разнообразных сообществ и в связи с этим могут чередовать режимы репрезентаций эмоциональных переживаний.

Итак, в процессе работы с подобным материалом необходимо решить следующие задачи: понять, каким значением наделяется репрезентация эмоционального переживания в пространстве социальных медиа, на что обменивается репрезентация эмоционального переживания и каким статусом наделяется, как конструируются границы личного пространства пользователем; учесть, является ли пользователь участником определенных сообществ и как протекает взаимодействие с другими пользователями в рамках этих сообществ; определить, каким образом проявляет себя регулирование эмоциональной репрезентации пользователя, что исключается из репрезентации эмоционального переживания и по какой причине (намеренно самим пользователем, форматом сообщества или же логикой медиа), кому адресована репрезентация эмоционального переживания. Следует обратить внимание на то, что включено в медийную репрезентацию и что остается за пределами медиа, а также исследовать репрезентации эмоциональных переживаний в контексте коммуникации пользователей. Изучая эмоциональные переживания, также необходимо понять, какую роль играют медиа в процессах конструирования репрезентаций, их обмена и контроля над ними.

Примечания

¹ *Hochschild A.* The Managed Heart. Commercialization of Human Feelings. Berkeley: Univ. of California Press, 2003.

² *Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. 2. Aufl. Frankfurt; N. Y.: Campus Verlag, 2005.

- ³ *Illouz E.* Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. L.: Polity Press, 2007.
- ⁴ *Болонь Ж.-К.* О женской стыдливости: Женщины скрытые, раскрытые, распознанные. М.: Текст, 2014.
- ⁵ *Averill J.R.* Anger and aggression: An essay on emotion. N. Y.: Springer-Verlag, 1982.
- ⁶ *Гидденс Э.* Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротика в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
- ⁷ *Барриле Н.* Брендинг «я» в эпоху эмоционального капитализма: Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди // *Логос*. 2015. № 25 (3). С. 138–161.
- ⁸ *Hochschild A.* Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 85 (3). P. 551–575.
- ⁹ *Hall S.* Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. Los Angeles: SAGE Publication, 1997.
- ¹⁰ *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Искусство кино». М., 1998. URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/01/n1-article25> (дата обращения: 01.12.2016).
- ¹¹ *Макклоэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 5.
- ¹² *Naraway D.* A Cyborg Manifesto. Science, technology and socialist-feminism in the late twentieth century // *The Cybercultures Reader* / Ed. by D. Bell, B. Kennedy. L.: Routledge, 2001. P. 291.
- ¹³ *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015. С. 14.
- ¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹⁵ *Munar A.* Digital Exhibitionism: the Age of Exposure // *Culture Unbound. Journal of Current Cultural Research*. 2010. Vol. 2. P. 401–422.
- ¹⁶ *Бургер П.* «Пользователи становятся идиотами». Главные теории селфи [Электронный ресурс] // Информационный сайт Republic. URL: <https://slon.ru/biz/1100720/> (дата обращения: 29.06.2016).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Wickel T.M.* Narcissism and Social Networking Sites: The Act of Taking Selfies // *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2016. Vol. 6 (1). P. 5–12.
- ¹⁹ *Fuery K.* New media. Culture and image. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 138–140.
- ²⁰ *Мартынов К.* Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // *Логос*. 2014. № 4 (100). С. 73–87.
- ²¹ *Turkle S.* Life on the Screen. Identity in the Age of the Internet. N. Y.: Simon & Schuster, 1995.
- ²² Конкурс свадебных отчетов 2015. Призы и правила конкурса [Электронный ресурс] // Форум «Невеста info». URL: <http://www.nevesta.info/forum683/konkurs-svadebnikh-otchetov-2015-prizi-i-pravila-konkursa-topic102770/#1> (дата обращения: 26.03.2016).
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Fishwick C.* Beyond the selfie: the true stories behind our most liked posts [Электронный ресурс] // *The Guardian*. URL: <http://www.theguardian.com/world/2016/mar/17/beyond-the-selfie-the-true-stories-behind-our-most-liked-posts> (дата обращения: 29.03.2016).

Типология культурно-исторических образовательных моделей

Культурология образования – новая область научного знания, для которой крайне актуальным является поиск научно-теоретических основ типологизации культурно-исторических образовательных моделей. В статье предлагается вариант типологии, построенной на основе системно-синергетического подхода. Автор выделяет пять моделей, отражающих различные типы взаимосвязи таких подсистем образования, как культурная образовательная традиция, образовательная парадигма и горизонтальная трансмиссия, обусловленная социокультурным контекстом. Это позволяет перейти от простого историко-описательного рассмотрения систем образования разных эпох и культур к более высокому уровню их теоретического обобщения и анализа.

Ключевые слова: типология культуры, культурно-исторические образовательные модели, культурно-образовательная традиция, институализация образования, образовательная парадигма, культурная трансмиссия, социокультурный контекст, системно-синергетический подход.

Типология культурно-исторических образовательных моделей, предлагаемая в данной статье, строится на системно-синергетическом подходе к изучению и пониманию культуры. В соответствии с ним культура представляет собой не просто саморегулирующуюся, а саморазвивающуюся сложную систему. Это предполагает, во-первых, другой тип связей между различными структурно-функциональными уровнями (подсистемами): «...каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. ...Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей»¹. Во-вторых, наиболее ценным и интересным для изучения становится уже не изоморфизм части и целого, а процессы «неустойчивости,

состояния динамического хаоса, порождающие ту или иную организацию, порядок»².

Соответственно, при изучении образования как подсистемы культуры необходимо прежде всего выявить базовые элементы, внутреннюю логику и законы её развития в качестве системы трансляции значимых для культуры ценностей и смыслов.

Нам представляется наиболее целесообразным выделение трех подсистем: семейного (домашнего) воспитания, институциональных форм образования (общественных, частных, государственных) и горизонтальной культурной трансмиссии, содержание и формы которой обусловлены наличным социокультурным контекстом.

Семейное (домашнее) воспитание находится в наибольшей зависимости от *культурно-образовательной традиции*. Система мировоззрения, включающая специфическое понимание онтологических, гносеологических и аксиологических аспектов существования человека, непосредственным образом формирует соответствующие образовательные установки. Например, сравнивая западную и восточную (конфуцианскую) образовательные модели, Цзинь Ли³ выделила несколько важных различий. Ядро западной модели составляет ценность рационального познания внешнего мира и получения навыков управления им. Наибольшее внимание уделяется развитию природной любознательности и активности, а также формированию критического мышления. При этом способности личности рассматриваются как некая фиксированная от рождения данность, предопределяющая возможный профессиональный, социальный успех (или неуспех) человека.

В восточной же модели первичная цель учебы – нравственное и социальное самовоспитание, которое должно подготовить человека к тому, чтобы «принять мир на себя», стать способным «к наведению порядка в государстве и в конечном счете привнесения мира в бытие»⁴. Достижение этого состояния определяется не врожденными способностями, а количеством и качеством приложенных усилий. Поэтому и внимание уделяется прежде всего развитию упорства, способности к концентрации, готовности пройти трудным и долгим путем достижения «полного понимания», «изоэренного мастерства»⁵.

Эти установки транслируются либо прямо (в виде поговорок, сказок, присказок), либо в имплицитном виде – в процессе оценки определенных учебных действий ребенка в качестве положительных или отрицательных, а также в содержании соответствующих советов (критики). Так, например, если западные родители делают акцент на том, какой ребенок умный и талантливый, то восточные – на том, как он или она хорошо потрудились, упорно работали.

Если в западной системе, центральной для детей (и их родителей) является установка «найти себя», найти то, что «интересно», то в восточной – «развить себя», а уже затем, в зависимости от того, что получилось лучше, а что хуже, – найти оптимальное применение своим силам.

Следует отметить, что эти установки, во-первых, определяют не только духовно-интеллектуальной традицией народа, но и оттачиваются практической жизненной мудростью многих поколений. Во-вторых, разные семьи в различной мере осваивают и интериоризируют этот опыт. Однако, уже сложившись и оформившись, культурно-образовательная традиция обладает высокой гомеостатичностью. Каждое новое поколение родителей невольно повторяет своим детям то, что говорили им их собственные родители.

Институциональные формы образования в большей мере связаны с существующей *образовательной парадигмой*, которая формируется как рефлексия интеллектуальной элиты и профессионального сообщества. Она строится на идеале образованного человека, отвечающего представлениям о целях, задачах, видах деятельности идеального субъекта культуры (как настоящего, так и ближайшего будущего). Эта парадигма, в свою очередь, обуславливает отбор форм, методов и содержания образования.

Наконец, реальный социокультурный контекст образования позволяет личности сформировать собственное представление об идеальной стратегии поведения, обеспечивающей экономической и символический успех и, таким образом, обуславливающей выбор, закрепление и развитие определенных ценностей и смыслов, актуальных для существующей культуры.

Культурно-образовательные модели, описанные ниже, являются обобщенным отражением возможных вариантов взаимосвязи между данными подсистемами. На всех рисунках цифрами 1, 2 и 3 обозначены соответственно: культурно-образовательная традиция, образовательная парадигма и социокультурный контекст.

Модель 1: нерасчлененность семейно-домашнего воспитания и институциональных форм образования при наличии полноценного диалогового взаимодействия с социокультурной средой (рис. 1).

Данная модель вырастает из практики коллективного воспитания детей и подростков в древнейших обществах (сообществах) людей. Ее характерной чертой являлась синкретичность семейного воспитания и общественных практик образования.

В результате исчезновения групповой формы брака, развития института семьи, усложнения типов хозяйственной деятельности и связанного с этим разделения труда и социального расслоения

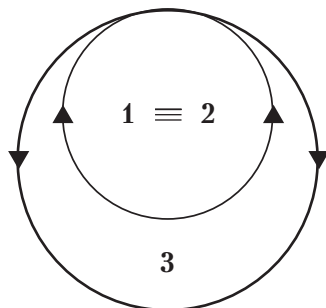

Рис. 1

общества синкретичность этих двух подсистем сменяется их тождеством в рамках одной из двух доминирующих форм.

1. Основной формой образования становится семейно-домашнее воспитание. Профессиональный, интеллектуальный и духовный опыт семьи рассматривается как уникальный капитал, определяющий специфический социальный, экономический и символический статус группы в обществе. В силу этого доступ к соответствующим знаниям предельно ограничивается, поддерживая монополию узкого круга лиц на осуществление определенных видов деятельности.

Практика обучения детей в семье мастера (как мастера-ремесленника, так и в семьях учителей), получив широкое распространение в цивилизациях Древнего мира, сохранялась в Европе вплоть до XIX в. Ребенок при этом не только учился, но и жил в семье данного мастера, часто оставаясь работать на него и после окончания формального срока обучения. Таким образом, профессиональная культура развивалась не за счет распространения знаний в обществе в целом, а за счет присоединения к династии новых «членов семьи». Аналогичный по сути процесс происходил и в семьях высших сословий. Только в этом случае новыми «членами семьи» становились воспитатели и гувернантки, сообразующие свою деятельность с традициями, целями и задачами, установленными в данной семье.

В обоих случаях обучение и воспитание подрастающего поколения осуществлялись в соответствии с ценностями и традициями, значимыми для сохранения своеобразия определенной социокультурной группы и ее статуса в обществе в целом.

В современном мире подобная модель активно реализуется в рамках такого направления, как анскуллинг – обучение ребенка дома, без соотнесения содержания материала со школьной программой.

2. Семья полностью (целенаправленно) исключается из процесса образования. Воспитание и обучение осуществляются в специальных учреждениях, в которых дети и учатся, и живут, практически не общаясь со своими родителями. Это позволяет сформировать максимально общие характеристики, ценности, образ мыслей и действий, рассматриваемые обществом как образовательный идеал, необходимый для нового поколения в целом.

Подобный вариант реализации данной модели, возникнув, по видимому, еще в эпоху позднего неолита в виде специальных домов для воспитания молодежи, имел место и в Спарте, и в концепции Платона об идеальном аристократическом государстве-полисе, и в школах иезуитов, и в реформах И.И. Бецкого, направленных на воспитание людей «новой породы», и в современных элитных частных школах закрытого типа. Уникальным опытом максимально полной реализации данной модели в начале XX в. является практика образования и воспитания детей, имевшая место в кибуцах в 1920-е годы⁶.

Модель 2: полноценное диалоговое взаимодействие всех трех подсистем, каждая из которых при этом сохраняет собственные границы и своеобразие целей, форм, методов (рис. 2).

В рамках данной модели те установки, которые учащийся получает в семейно-домашнем воспитании (в культурно-образовательной модели), не входят в противоречие с принципами организации образования в существующих институализированных формах, в которые включен ребенок, и получают подтверждение своей значимости в ходе культурной трансмиссии.

Данная модель наиболее гармонична для культуры в целом и обеспечивает ее плавное и постепенное развитие. В результате тесной связи изменения, возникающие в реальности, влияют сперва на институциональные формы, а затем встраиваются и в традиции.

Примеры реализации можно встретить и в истории образования древних цивилизаций (Междуречье, Древний Китай), и при формировании национальных образовательных систем, имевших возможность длительного самостоятельного развития (например, израильско-иудейской, английской, немецкой).

Однако в современном мире, в силу геополитических и геоэкономических условий подобная модель встречается весьма редко и существует достаточно недолго (см., например, систему образования в СССР во второй половине XX в.).

Модель 3: сохранение диалогической связи между культурной образовательной традицией и доминирующей образовательной парадигмой при разрыве связи с социокультурным контекстом (рис. 3).

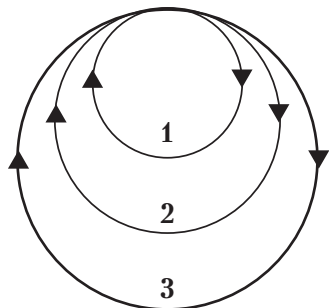

Рис. 2

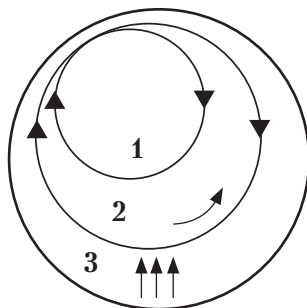

Рис. 3

Данная модель характерна для переломных периодов в истории культуры, когда в силу внешних или внутренних факторов происходит резкое изменение социокультурного контекста.

Образование меняется медленнее, чем социокультурный контекст. Данный факт не является однозначно отрицательным. Это обеспечивает защиту культурной традиции от поверхностных и недолгосрочных перемен. Кроме того, характерная для кризисных периодов постоянная, частая смена образовательных парадигм не только не способствует преодолению наметившегося разрыва, но лишь усугубляет его. Институциональные формы «закукливаются», практически перестают отвечать на поступающие требования, реагируя лишь изменением формальных, бюрократических аспектов своей деятельности.

С одной стороны, чем дальше не находится правильного решения, тем больше вероятность того, что изменения, которые в итоге будут внесены, окажутся слишком радикальными и приведут к разрыву с культурно-образовательной традицией (см. модель 5). Кроме того, данная ситуация приводит к снижению значимости образования в глазах общества, формированию мнения о том, что образование – бессмысленная вещь, бесполезная для достижения «успеха». Свидетельством этого является, например, упадок системы школьного образования в конце правления династии Каролингов, слабые успехи народного образования в России до отмены крепостного права или в период Перестройки.

С другой стороны, эта ситуация, вероятно, может считаться наиболее типичной. Она дает возможность гибко реагировать на изменения, происходящие в культуре в целом, и осуществлять реформы наиболее «спокойным» образом, не приводя к системным сбоям и не требуя долгого периода «реставрации», «отстраивания» всей системы заново (в случае если они продуманы и вводятся грамотно).

Модель 4: сохранение диалогового взаимодействия между социокультурным контекстом и институциональными формами образования при разрыве с культурно-образовательной традицией (рис. 4).

Данная ситуация характерна при внедрении, прямом переносе образовательных моделей, успешно работающих в другой стране, общее культурное состояние которой рассматривается как образец ближайшего развития. Они могут соответствовать объективным векторам развития культуры, но оказаться чужеродными для образовательной традиции. Концепция К.Д. Ушинского о народном образовании, основанная на критике заимствования западных образовательных установок, «чужого характера и той системы, в которой выражается характер»⁷, в этом смысле оказывается созвучной с критическими суждениями Р. Тагора о неприемлемости британской образовательной модели, ее несоответствии образовательным традициям Индии⁸.

В современном мире данная модель наиболее явно проявляется, например, в ситуации с мигрантами, с одной стороны, получающими образование в семьях и диаспорах, с другой – посещающими общеобразовательные учреждения.

Модель 5: разрыв связей между всеми тремя подсистемами (рис. 5).

Появление данной модели может быть вызвано слишком радикальными мерами, принятыми для преодоления затянувшейся ситуации, описанной в модели 3 или рядом неблагоприятных внешних воздействий. Пример – оккупация Японии союзными войсками (1945–1952), реформы Петра I, современное состояние образования в России, связанное с включением в Болонскую систему, внедрением ЕГЭ. В этом случае изменения системы образования, навязанные извне, вступают в противоречие и с традицией, и со спецификой социокультурного контекста.

Следует отметить, что данная ситуация амбивалентна. Она предоставляет отдельным индивидам (в силу личностных, психологических или социально-экономических причин) практически безграничную свободу для самореализации. Их деятельность способна обеспечить стране мощный скачок в политическом, экономическом и технологическом развитии. Однако в целом длительное сохранение подобной модели порождает системный кризис, который ведет к разрушению единства культуры страны (в разных регионах складывается собственная модель образования и жизни) и к кризису культурной самоидентификации многих людей. Среди подростков и молодых взрослых это приводит к росту числа самоубийств, усилению социальной самоизоляции.

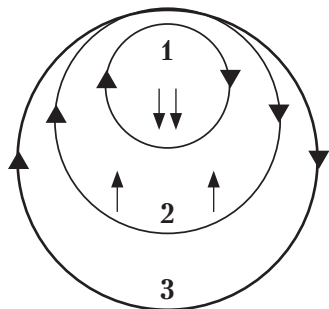

Рис. 4

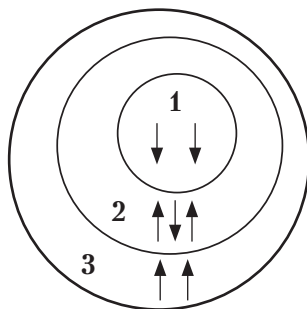

Рис. 5

В завершение отметим, что каждая из этих моделей обладает собственной логикой развития. В каждой из них субъекты образования оказываются включенными в специфическую систему социокультурных взаимосвязей, которая по-своему определяет горизонт их возможностей и границы самореализации. Чем сложнее структура общества и соответствующее культурное пространство, тем больше моделей могут сосуществовать в один и тот же исторический период, находясь в сложных взаимоотношениях друг с другом и оказывая различные, часто разнонаправленные влияния на динамику культуры в целом.

Примечания

- ¹ *Стетин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/> (дата обращения: 03.06.2016).
- ² Там же.
- ³ См.: *Ли Ц.* Культурные модели обучения: Восток и Запад. М., 2015.
- ⁴ Там же. С. 82.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Филитова С.Л.* Теория и практика общинного воспитания в кибуце // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 305–309.
- ⁷ *Ушинский К.Д.* О народности в общественном воспитании // Ушинский К.Д. Собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. Т. 2. С. 143.
- ⁸ *Тагор Р.* Проблемы образования // Тагор Р. Собр. соч.: В 12 т. М.: Худож. лит. 1961–1965. Т. 11. С. 113–130.

Д.Д. Новгородова

Каталоги Минерального кабинета Кунсткамеры XVIII в. в контексте культурной истории коллекций

В статье рассматривается репрезентация коллекций Минерального кабинета Кунсткамеры в ее каталогах (1745, 1760, 1789) в ракурсе культурной истории коллекций¹. Для анализа комплекса конкретных культурных значений как по отдельности, так и в их отношениях (каталог – коллекция – образец) использован алгоритм, разработанный основоположником пост-процессуальной археологии Иеном Ходдером.

Ключевые слова: история коллекций, история минералогии, Минеральный кабинет Кунсткамеры, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, минеральные каталоги, минералогическая коллекция.

О ранней истории коллекций Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН в XVIII в. – когда он не был музеем, а был Минеральным кабинетом Кунсткамеры² и не был минералогическим³, а был «минеральным», в многочисленных «историях» музея рассказывается с разной степенью подробности, но, как правило, с одним и тем же набором элементов: это перечень имен исследователей, работавших в Кабинете (с упоминанием молодого Ломоносова, для которого разбор коллекций Минерального кабинета и составление каталога были первой работой, порученной ему в Академии наук), событий (поступлений в Кабинет значимых частных коллекций минералов или образцов из академических экспедиций⁴) и обязательно нескольких знаменитых экспонатов (например, серебряного самородка в виде рога, привезенного Петром Первым из Копенгагена, или «палласова железа» – первого метеорита, найденного в России, или минерала крокоита, по мнению Вернадского, описанного Ломоносовым за 20 лет до его «официального» открытия Леманом⁵). Так писали историю музея всегда, начиная с первых «библиотекарей» Петербургской академии

наук Иоганна Шумахера⁶, Иоганна Бакмейстера⁷ и Осипа Беляева⁸ в XVIII в. и заканчивая специалистами Минералогического музея им. Ферсмана в XX⁹.

Однако утвержденная традицией история музея очень мало говорит нам о самой коллекции: по каким принципам она строилась, из каких элементов состояла, почему в нее входили именно те, а не иные образцы, каковы были ее концепция, функции и значения в XVIII в.? То, что эти значения отличались от современных, и, более того, что их трудно понимать и описывать, опираясь на положения современной минералогии, любой исследователь обнаружит, как только начнет заниматься реконструкцией коллекции по старым каталогам Минерального кабинета Кунсткамеры – идет ли речь о реконструкции предметной или реконструкции минералогической терминологии.

Задача реконструировать комплекс значений, которыми обладала коллекция Минерального кабинета Кунсткамеры в XVIII в., обуславливает выбор исследовательской стратегии: это изучение истории коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры по ее каталогам, источникам, наиболее полно репрезентирующим коллекцию; и в рамках культурной истории коллекции, традиции, которая активно разрабатывается последние 30 лет западными исследователями¹⁰. Так как в «минеральных каталогах»¹¹ описываются минералы – прежде всего природные образцы, и описываются они языком научного минералогического описания, то очевидной задачей становится не заниматься переводом старых терминологических понятий на язык современной науки¹² и не оценивать минералогические описания XVIII в. в категориях «правильно – не правильно» в системе современной минералогии, а обратить внимание на то, что «остается на краях», детали описания, неважные для минералога, но способные проявить образ коллекции, смыслы, которыми наделялись те или другие образцы и коллекция целиком, – и таким образом реконструировать культурную историю коллекции.

Методологические основания исследований истории коллекций, культуры коллекций, коллекционирования, как правило, разрабатываются на пересечении нескольких научных дисциплин, например истории науки, истории экономики, истории искусств; в ракурсе истории, философии, социологии.

Одной из центральных концепций, принятых в исследованиях культурной истории коллекций, является концепция коллекционных предметов как семиофоров (предметов, помимо очевидных утилитарных функций, обладающих и некоторыми «невидимыми» значениями; несущими в себе знаки), разработанная

последователем Школы Анналов, историком Кшиштофом Помяном¹³. А для конкретного анализа значений коллекционных предметов последние несколько десятилетий применяются методы изучения материальной культуры (Material culture study), первоначально разработанные в археологии и этнографии, а затем дополненные и модифицированные во множестве других гуманитарных дисциплин, в том числе и музейных исследованиях¹⁴. Коллекционные предметы в Material culture study изучаются не сами по себе, а в их отношениях с другими предметами, людьми, идеями.

Иен Ходдер, основоположник постпроцессуальной археологии, предлагает алгоритм анализа значений объектов материальной культуры, который можно применять и для исследования коллекций¹⁵. Ходдер выделяет три типа значений, которыми обладает любой объект материальной культуры: во-первых, значение объекта в его *функциональном, материальном¹⁶ или утилитарном значении* (Ходдер говорит здесь о технономических, социотехнических или идеотехнических функциях объекта; в данном случае значение объекта – это влияние, которое он оказывает на мир; и мы можем говорить о практическом значении); во-вторых, объект имеет *структурное или кодированное значение* (место, которое он занимает в некотором коде или структуре; Ходдер называет это значение символическим); третье – это *содержание значения*, которое проявляется в ходе исторического развития и изменения идей и ассоциаций объекта (в том числе значений первых двух типов), т. е. это значение, данное в историческом контексте, историческое значение.

В данном исследовании коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры, как она проявляется в своих каталогах в XVIII в., схема Иена Ходдера позволяет рассмотреть комплекс взаимосвязанных значений коллекции и ее каталогов в трех плоскостях.

Во-первых, как значения, сформированные определенными практиками: экономическими – управляющими коллекциями и коллекционными предметами в системе производства, распределения, обмена и потребления; социальными – раскрывающими значение минералогических коллекций как знака высокого социального положения их владельца; интеллектуальными – проявляющимися в каталогах коллекции Минерального кабинета сначала как медицинские, а к концу XVIII в. полностью вытесненными научными минералогическими¹⁷.

Наиболее яркие исследования в рамках истории коллекций в последние годы проводятся на границах с историей экономики. Коммерция в них рассматривается как основной движущий фак-

тор развития науки в раннее Новое время в Европе¹⁸. На всем протяжении XVIII в. в отношении коллекции Минерального кабинета (и далее – Минералогического музея им. Ферсмана РАН вплоть до нашего времени) экономические практики через развитый рынок коллекционных минералов влияли на формирование коллекции, а коллекция, подкрепляя коммерческую ценность минералов музейной, способствовала дальнейшему развитию рынка. В Архиве Минералогического музея им. Ферсмана РАН сохранились каталоги частных коллекций, которые поступали в Минеральный кабинет, большая часть их них покупалась.

Историк Кшиштоф Помян объясняет механизм превращения самых разных предметов (у Помяна «мусора») в семиофоры¹⁹. Сначала предметы, не обладающие никакой ценностью, обретали свое значение в кабинетах ученых, по мере раскрытия значений древних текстов (из которых ученые часто и узнавали об их существовании), предметы служили иллюстрацией к текстам, их можно было изучать; затем посредством образованных людей они приобрели значения коллекционных, а затем наконец и сделались объектами, обладание которыми стало знаком высокого социального статуса их владельцев. Коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры на всем протяжении своей истории выполняли эту функцию:

Ее Сиятельство, принявшее правление Академии наук [княгиня Е.Р. Дашкова. – Д. Н.], и *попечительствуя о славе оныя*, обратила между прочим внимание свое и на Кунсткамеру, и приметя, что большая часть минерального царства, *могущая составить вящую славу Академии* лежит совсем от очей зрителей сокрыта, приказала для оного очистить два покоя, сделать великолепные в них шкафы, и присоединив к старым минералам множество вновь Ее Сиятельством купленных, повелела оныя расположить так, как мы ныне их видим (курсив мой. – Д. Н.)²⁰.

Характерно также наличие в Минеральном каталоге 1745 г. большого числа записей о «негодных вещах»: поврежденных и разбитых образцах, различных обломках и др., однако эта их видимая негодность ни в коем случае не отменяла их научной и символической ценности, все они занимали достойное место в самой коллекции и ее корпусе – каталоге.

Во втором режиме комплекс значений раскрывается в самом языке каталогов, тексте каталогов как повествовании, сюжете, в котором объекты минералогической коллекции претерпевают те или иные приключения и превращения или же занимают определенное место. Но и сами каталоги, придающие форму коллекции,

формирующие то или иное значение коллекции или ее отдельных образцов, одновременно являются отражением или частью некоей структуры – в XVIII в. это Система минералогии, минералогическая систематика. Такая форма каталога превращала в камень любую вещь, попавшую в коллекцию, одна из характерных особенностей почти любого минералогического собрания: изделия из камня в коллекции обозначаются не как вещи, а как минералы. Первая графа каталога с XVIII в. и до сегодняшнего дня – это всегда точное научное название минерала (несмотря даже на исчезновение к концу XVIII в. минеральных каталогов как жанра). Не шкатулка и не ваза, не кольцо и не драгоценность, всегда только минерал: алмаз, сердолик, аметист, агальматолит, нефрит. В отличие от современной инвентарной книги музея в XVIII в. именно каталог с изначально заданной схемой минералогической систематики задавал порядок коллекции, а не, наоборот, подчинялся хронологической или иной музейной логике (при отсутствии образцов некоторые графы каталога оставались незаполненными, однако все равно присутствовали в каталоге в виде пустых листов – на случай появления в коллекции соответствующих минералов). Вещи заполняли графы таблицы – заданные «классы минералогии», а не список следовал за наличием вещей в коллекции.

Вместе с тем самой яркой чертой минеральных каталогов Кунсткамеры является то, что каждый следующий полностью «отрицал» предыдущие: каждый раз коллекция описывалась заново, с нуля, и «готовые» описания образцов из старых каталогов не использовались.

В каталогах последовательно менялись не только детали описания, но и сам их стиль. Минеральный каталог 1745 г. обращен к человеку образованному, но не обязательно разбирающемуся в минералогии, которому каталог старается привить профессиональное зрение (система сравнений минералов в самом первом каталоге Минерального кабинета (1745) разработана специально так, чтобы ее мог понять каждый: формы и поверхности минералов сравниваются с горохом, мылом, телячьими почками, цвет может быть обозначен как «мясной»). Одновременно эти описания, по своей сути «исследовательские», фиксируют для ученых удачные наблюдения, признаки, которые впоследствии помогут эти минералы легко узнавать. Позже некоторые из них входят в профессиональный язык минералогии, превращаясь из удачной метафоры в строгое научное наименование, минералогический термин, фиксирующий то или иное диагностическое свойство минерала (как, например, в учебниках минералогии в описаниях физических свойств минералов различают жирный блеск или раковистый излом). К середине-концу XVIII в.

каталоги составлены уже исключительно для специалистов, минеральные образцы не описываются, а просто называются, заполняя собой графы таблицы Системы минералогии, по ним затруднительно проводить атрибуции и предметную реконструкцию музейной коллекции²¹.

Этот же путь прошла и академическая наука. В пример можно привести статьи в Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям; один из составителей Минерального каталога 1745 г. Иоганн Гмелин был активным автором Примечаний. Статья «О морских червях», от которой не ждешь ничего особенного и просматриваешь по необходимости, начинается как хороший приключенческий роман:

Морские черви в наибольшем презрении между всеми прочими не секомыми* гадинами имеются, и им редко такая честь делается, чтоб о них кто говорил или писал; Но они в Голландии о себе говорить, писать и стараться больше заставили, нежели как бы то сильный неприятель учинить мог²².

Во второй половине XVIII в. «занимательность» и «увлекательность» уходят и из научных сочинений, и из научных коллекций. В 1779 г. И. Бакмейстер описывает экспозицию Минеральных кабинетов Кунсткамеры (после пожара 1747 г. Кунсткамера была устроена по-новому, минералогическая коллекция расширилась и занимала уже три «особенных кабинета») и замечает:

Но как сии предметы больше обращают на себя внимание знатока, нежели прельщают взор простых зрителей; то для красоты за благо признано укласть потолок обоих сих покоев раковинами и минералами наподобие цветных пучков, водометов и других прикрашенных золотом (курсив мой. – Д. Н.)²³.

Этот же прием используется в экспозиции минералогической коллекции Кунсткамеры и спустя 15 лет (к причудливым украшениям на потолке минеральных кабинетов к тому времени был добавлен специально «составленный из разных раковин и морских каменнорастений ниш, подобие грота представляющий»²⁴). К концу XVIII в. минералогическая экспозиция Кунсткамеры уже привычно разделяется на две части: для знатоков и для «простых зрителей»; полагается, что в части профессиональной нет и не может быть ничего интересного не минералогу.

Такое разделение в минералогических музеях неявно сохраняется и до сегодняшнего дня: в обыденном сознании укоренилось представление о красоте того или иного экспоната как его

* Так в оригинале. Очевидно, имеются в виду насекомые. (Примеч. ред.)

единственной ценности, однако это, конечно, не так. Уже в XVIII в. понимали, что «тайна» камня заключена внутри него. Образцы минералогического музея – это не просто «самые красивые камни в мире», но только специалист способен увидеть структуру и оценить смысл научной экспозиции в целом.

И, наконец, третий комплекс значений коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры, ее каталогов и образцов, раскрывается в концепциях минералогической коллекции (ее формы – способ, которым природные образцы, минералы были превращены в объект культуры, коллекцию). Для минерального кабинета эти концепции эксплицитно заданы в многочисленных российских и европейских источниках, на всем протяжении XVIII в. в отношении минеральных кабинетов действовал императив «коллекция-словарь», а начиная с XIX в. – «коллекция-карта».

Известно, например, что в XVII–XVIII вв. каталоги ботанических коллекций использовались как энциклопедии, они служили для идентификации тех или иных естественно-научных образцов в то время, когда номенклатура названий еще не была строго утверждена²⁵. Конкретные же образцы из разных известных коллекций было принято приводить как доказательство той или иной теории в научных статьях – со ссылкой на «музей» как книгу, его каталог:

Вздешней Императорской Кунст Каморе сему подобнаго показать можно. Между протчими имеется во оной Кунст Каморе подобная оному великая часть дерева, которая токмо до половины окаменела, а другая половина еще все свойства дерева имеет. Зри в протчем Музеум короля Дацкаго *на 1 странице*. В 7-й части и Бонанна Музеум кирхерианском *на 200 и протчих страницах*²⁶. ...Единое окамененное дитя, которое в Копенгагене в Кунст каморе имеется, могло бы вас к другому мнению привести. Оное можете вы в Музеи Короля Дацкаго в I разделении усмотреть. ...Такожде, когдаб я вам еще окамененную человеческую голову из Боннана Музеа Кирхерианского *на 201 стран: представить хотел*. Такожде и имеющуюся в Берлинской Кунст каморе окамененную голову птицы кулика; и окамененной мозг быка, которой в Штокголме пред некоторыми годами найден» (курсив мой. – Д. Н.)²⁷.

Концепция коллекции Минерального кабинета как словаря, примечания к Системе минералогии, прослеживается и в целом ряде научных сочинений XVIII в. «Минеральный кабинет есть собрание *всех* минеральных тел и их произведений, кои по известному порядку в нем разделены» (курсив мой. – Д. Н.), – пишет известный ученый Иоганн Леман в своей Минералогии²⁸.

Если минеральный каталог был схемой минералогической систематики, а образцы наполняли эту схему конкретным содержанием, то коллекция в целом была призвана быть визуальным словарем, по возможности наиболее полно иллюстрировать каталог, наполнить подробностями своеобразный «конспект» минералогии, делать зримой самую ее суть.

В XIX в. концепция меняется, минералогический музей перестает быть «словарем» и становится «картой».

Ломоносов в «Первых основаниях металлургии» высмеивал привычку коллекционеров ставить в систематических описаниях своих кабинетов на первое место те минералы, которыми богат их край:

И где они есть и выданы, оных в свет описания [имеются в виду описания минеральных кабинетов, т. е. минеральные каталоги. – *Д. Н.*], только так разны между собою, как места и мнения описателей. Ибо когда минералогию пишет Саксонец, преимуществуют у него серебряные и свинцовые руды, у Венгерца золотые, у Англичанина оловянные, у Шведа медные и железные. Сверх того всяк располагает собранные минералы по своей системе, и наконец думает, что подземная натура выбрала себе столицу в его рудном кабинете²⁹.

В XIX в., судя по каталогам, структура коллекции меняется на противоположную. В краткой описи Минерального кабинета, опубликованной в 1821 г., академик Василий Михайлович Севергин, описывая состав и экспозицию Минерального кабинета, пишет:

В боковой галерее по левую сторону со входа расположены минералы иностранные. ...В боковой галерее по правую сторону расположены минералы Российские, по Системе [Системе минералогии, т. е. минералогической систематике. – *Д. Н.*], названной *Отечественною*, потому что относится к родам и видам, единственно отечественных минералов³⁰.

Академику Севергину принадлежит очень красивая и наиболее артикулированная концепция минералогического (и шире – естественно-научного) музея в XIX в.:

Созерцание природы, разсматривание различных ее произведений, прилежное вникание в качества их и виды составляет упражнение коль приятное, толь и полезное для всякого людей

состояния. Но чтобы объять всю оных обширность, для того потребно предпринимать либо многотрудныя и отдаленныя путешествия, либо иметь собрания оных, расположенныя в приличном порядке, с показанием рода их, вида, названия, отличия от других, *и места рождения*. Но как первое не для всякого удобновозможно; то явствует, коль драгоценны должны быть сии последния, т. е. сохраняемыя их собрания. Оныя, можно сказать, составляют в Естественной Истории почти тоже, что Географическия карты в землеписании, ибо как по сим последним усматриваем мы на небольших листах обширныя земель пространства с городами их, селами, деревнями, реками, озерами, морями и пр. Так в правильно расположенном собрании естественных тел обозреваем мы как бы единым взглядом произведения почти всего земнаго шара с отличиями их, изменениями по климату, по месторождению, по местоположению, по влиянию почвы, и пр. Что сказано здесь о естественных телах вообще, то разуметь должно в особенности о ископаемых телах (курсив мой. – Д. Н.)³¹.

В XVIII в. (до 1789 г.) настоящим «музеем», коллекцией являлись каталоги, предметы же служили простым визуальным дополнением к каталогу, словарю Третьего царства природы; начиная с XIX в. (концепция «минеральный кабинет как карта») репрезентировать природу начинает предметный корпус коллекции (в идеале – точный слепок земной коры, каменной оболочки Земли), в каталогах же полностью элиминируется их дискурсивная роль, и они становятся простыми инвентарными книгами, превращаются в описи.

Уже с начала XIX в. Минеральный каталог 1745 г. характеризуется исследователями как беспорядочный и непонятный: «В помянутой росписи [Минеральном каталоге 1745 г. – Д. Н.] правильного Систематического порядка не примечается»³²; «В шкафах [Минерального кабинета Кунсткамеры в 1745 г. – Д. Н.] минералы были расположены довольно беспорядочно; они делились на две большие группы – по внешнему виду. К первой группе относились образцы, не имеющие определенной формы, – “бесформенные ископаемые”, ко второй – кристаллы минералов и окаменелости»³³.

Эти отзывы очевидно «несправедливы»: Иоганн Гмелин, продумывая структуру Минерального каталога, оставил «Замечание, необходимое для понимания минеральных каталогов», в котором подробно объяснил Систему минералогии, которую использовал в каталоге³⁴. Однако они показывают разрыв, который проходит

между коллекцией XVIII и XIX вв., коллекцией, перестроенной заново со сменой эпистемы, согласно новой познавательной матрице³⁵.

Музейные образцы – вещи с принципиально открытым, постоянно меняющимся, никогда не завершенным значением. Их значения, смысловое поле, которое витает вокруг них, в ходе музейной истории и развития науки развиваются, меняются, наслаиваются одно на другое, перемешиваются. Золотой самородок из коллекции XVIII в. остается золотым самородком и в XXI в. – однако как объект культуры он не остался прежним и в культурном измерении не идентичен современным образцам. «Невидимое наследие» – проблеск культуры в мире камня, произвола, выбора и свободы в царстве строгих природных законов, – очевидно, является одним из самых удивительных и неоцененных сокровищ в обширном и знаменитом собрании Минералогического музея им. Ферсмана РАН.

Примечания

¹ Результаты данных исследований подробно изложены в ряде статей автора: *Новгородова Д.Д.* Флорентийская мозаика «Минерального каталога» в собрании Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // *Словарь языка М.В. Ломоносова* / Гл. ред. акад. Н.Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 5: Словарь-справочник «Минералогия М.В. Ломоносова» / Отв. ред. С.С. Волков. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 131–164; *Она же.* Три каталога из Архива Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // *Новые данные о минералах* / Изд. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Вып. 46. М.: Изд. Минмузея РАН, 2011. С. 114–123; *Она же.* От Музея Готтвальда к Минеральному каталогу Кунсткамеры // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII (чтения памяти И.М. Тронского)*. Материалы междунар. конф., проходившей 24–26 июня 2013 г / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 636–653; *Она же.* Списки, описи, каталоги: от перечня вещей к формированию коллекции и становлению науки // *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф.* (Новосибирск, 29 сент. – 3 окт. 2014 г.) / Отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 154–160; *Она же.* Скрытый герой. INVISIBLE HERITAGE // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти И.М. Тронского)*: Материалы междунар. конф., проходившей 23–25 июня 2014 г / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2014. С. 730–737; *Она же.* Минералогическая коллекция как словарь [Электронный ресурс] // *Нов. рос. гуманитар. исслед. Материалы симпозиума «Живой камень: текст/словарь. Прелиминарии»* / Сост., ред. М.В. Завьялова, Т.В. Цивьян. URL: <http://nrgumis.ru/articles/1952/> (дата обращения: 15.02.2016).

- ² Хронологические рамки Минерального кабинета Кунсткамеры 1716–1836 гг.
- ³ В строгом смысле слова коллекция минералов Кунсткамеры не была «минералогической» в XVIII в., в то время минералогия как наука только формировалась, и ключевые минералогические понятия (минерала, горной породы и др.), а также в целом научная минералогическая терминология разрабатывались.
- ⁴ *Годовиков А.А.* Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР // Старейшие минералогические музеи СССР. Очерки по истории геологических знаний. М.: Наука, 1989. Вып. 25. С. 53–71.
- ⁵ *Вернадский В.И.* Об открытии крокоита // Ломоносов. сб.: 1711–1911. СПб.: Изд-во Имп. Акад. Наук, 1911. С. 345–354; *Шафрановский И.И.* Минералогический каталог Ломоносова // Очерки по истории геологических знаний. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 3–21.
- ⁶ *Шумахер И.* Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1744.
- ⁷ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Василием Костыговым. СПб: Тип. морского шляхетского кадетского Корпуса, 1779.
- ⁸ *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого: Отделение третья, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебряных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников и, наконец, разных живописных картин с присовокуплением многих таблиц / Изд. по Высочайшему повелению Императорской Академии наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. СПб.: Имп. типография, 1800.
- ⁹ *Сольский Д.И.* Очерк истории Минералогического музея Академии наук СССР (дореволюционный период) // Тр. Минералог. музея. Вып. 11. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 220–230; *Барсанов Г.П., Корнетова В.А.* История развития Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР за 270 лет (1716–1986) // Старейшие минералогические музеи СССР. Очерки по истории геологических знаний. М.: Наука, 1989. Вып. 25. С. 9–52; *Годовиков А.А.* Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР // Там же. С. 53–71.
- ¹⁰ Обширная библиография работ, посвященных изучению кунсткамер, кабинетов редкостей, естественно-научных коллекций, тем не менее последние несколько десятков лет пополняется все новыми исследованиями, лежащими в области, которую можно назвать новой культурной историей (*Burke P.* What is Cultural History. Cambridge: Polity Press, 2008). История коллекций старше истории музеев, поэтому ее изучение в рамках культурной истории, а не музеологии позволяет расширить хронологические и тематические границы объекта исследования. Питер Бёрк помещает историю коллекционирования, которая является также предметом интереса историков искусства, историков, музейных специалистов,

в ракурс истории практик (Op. cit. P. 270) и в связи с этим упоминает исследования, публикуемые в Журнале истории коллекций (The Journal of the History of Collections, основан в 1989 г.), а также сборник статей «Культуры коллекционирования» (The Cultures of Collecting. L.: Reaktion Books, 1994), предисловие к которому составители начинают с утверждения, расширяющего хронологические рамки истории коллекционирования практически до истории самого человека: «Первым коллекционером был Ной» (Op. cit. P. 1).

- ¹¹ «Минеральный каталог» – русское название первого сводного каталога коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры (составители И. Гмелин, И. Амман, М. Ломоносов), изданного на латинском языке в 1745 г. в составе сводного каталога всех коллекций Кунсткамеры (Catalogus minerarum // Musei Imperialis Petropolitani Vol. 1, Ps. 3: Qua continentur res naturalis ex regno minerali. СПб: Typis Academiae scientiarum Petropolitanae, 1745). Русский перевод Минерального каталога, выполненный в XVIII в. академическими переводчиками, был опубликован только в XX в. (Ломоносов М.В. Минеральный каталог // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 5. Тр. по минералогии, металлургии и горному делу 1741–1763 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 71–241).

Два других каталога, Каталог Лемана (1760) и Каталог Георги–Ренованса–Зуева в нескольких частях (1786–1789) не опубликованы и сохранились в латинских рукописях (Lehmann's Catalog. Neueres Exemplar. Bd. 1,2 // Арх. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Д. 17. Л. 166; Georgi I.G. Catalogus Mineralium Musaei Academiae Scientiarum Imperialis, methodo Wallerii digestus. Anno MDCCLXXXVIII // СПб. филиал Арх. РАН. Р-д I. Оп. 122. Д. 8. Л. 96; Index Lithophylacei Rossici Musei Academiae scientiarum Petropolitanae. Georgi's Katalog der russischen Mineralien und Gesteine (1786–1789), Copie des Georgischen Originale // Арх. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Д. [б/н.] Л. 50; Enumeratio fossilium Rossiae indigenorum, classem quartam Systematij mineralogici Walleriani constituentium. Presente a la Conference le 27 Nov., 1788 // Арх. Минералог. музея им. А.Е. Ферсмана РАН. Д. 1. Л. 82–94).

Объединение всех трех каталогов минералогической кунсткамеры XVIII в. понятием «минеральные каталоги» представляется оправданным и целесообразным. Формально все три каталога XVIII в. представляют собой опись коллекции, составленную и расположенную согласно той или иной минералогической систематике. Этим «минеральные каталоги» отличаются как от более поздних каталогов коллекции, в которых вещи описываются уже по другому принципу (тематическому, хронологическому, или же согласно расположению экспозиции музея), так и от более ранних аналогов (для Минерального кабинета Кунсткамеры такой аналог есть – это Каталог Готтвальда, в котором были описаны минералы, составившие первоначальную основу собрания Минерального кабинета: *Gottwald C. Musaeum Gottwaldianum, sive catalogus rerum rariorum, tam naturalium, quam artificialium, longa annorum serie. Cur aque et sumtibus haud exiguis collectarum, à viris d.v. excellentissimis experientissimisque, D. Christophoro Gottwaldio, Med. D. & Phisico Gedanensi, Patre & D. Joh. Christoph Gottwaldio, Med. D. filio, quas publica auctione in aedibus gottwaldianis Anno 1714. d. [...] Divendet Georgius Mattern. Typis JOH. ZACHARIAE STOLLI. [Gedani, 1714]. Без пагинации). Эта особенность минеральных каталогов*

позволяет рассматривать их как особую форму каталога минералогического собрания – переходную между едиными каталогами универсальных коллекций Кабинетов редкостей и музейными инвентарными книгами.

- ¹² Хотя эта задача тоже важна. Сейчас современному исследователю чрезвычайно сложно понять старую минералогическую терминологию, и «расшифровка» названий минералов, например в Минеральном каталоге 1745 г., – это предмет специальных сложных исследований, см., например: *Шафрановский И.И.* Минералогический каталог Ломоносова // Очерки по истории геологических знаний. М., 1961. С. 3–21; Названия минералов в трудах М.В. Ломоносова: Слов.-справ. / Сост. А.А. Вегушко-Калевич, С.С. Волков, Н.В. Карева-Титова, К.Н. Лемешев, Д.Д. Новгородова, А.С. Смирнова, М.Л. Сергеев, А.К. Филиппов // Слов. яз. М.В. Ломоносова... С. 167–183.
- ¹³ *Pomian K.* Collectors and Curiosities: Paris and Venice, 1500–1800. Cambridge: Polity, 1990.
- ¹⁴ См.: *Alberti S.J.M.M.* Objects and the Museum [Электронный ресурс] // The Univ. of Chicago Press Journals. Isis (A Journal of the History of Science Society). Vol. 96. № 4. 2005. P. 559–571. URL: <http://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/498593> (дата обращения: 15.02.2016); *Interpreting Objects and Collections* / Ed. by S.M. Pearce. L.; N. Y.: Routledge, 1994; *Pearce S.M.* Museums, Objects, and Collections: A Cultural Study. Leicester: Leicester Univ. Press, 1992; *Pearce S.M.* On Collecting: An Investigation into Collecting in the European Tradition. L.: Routledge, 1995. Специально о геолого-минералогических коллекциях как объектах материальной культуры в связи с правомерностью использования в их исследованиях методов Material culture study см. диссертацию *Chalk H.-L.* The Uses, Meanings, and Values of Natural Objects: University earth science objects and collections as material culture. Doctoral diss. 2012. URL: <https://www.escholar.manchester.ac.uk/api/datastream?publicationPid=uk-ac-man-scw:185624&datastreamId=FULLTEXT.PDF> (дата обращения: 15.02.2016).
- ¹⁵ Короткая статья Иена Ходдера, объясняющая данный метод, помещена основоположницей Material culture study в музейных исследованиях, профессором Сюзан Пирс, в сборнике «Interpreting Objects and Collections»: *Hodder I.* The contextual analysis of symbolic meanings // *Interpreting Objects and Collections*. P. 12.
- ¹⁶ При этом Ходдер специально подчеркивает, что речь не идет о значениях объекта как вещества, которые изучаются методами специальных наук – физики, химии, биологии: “All objects can be given meaning, and of varied types. Beyond the meanings of an object as matter, to be studied by physicists, chemists and biologists for example, it can be argued that cultural objects have three broad types of meaning” (Op. cit. P. 12).
- ¹⁷ Подробно об этом см.: *Новгородова Д.Д.* От Музея Готтвальда к Минеральному каталогу Кунсткамеры. С. 636–653; в целом о роли медицины в развитии естественно-научных дисциплин и естественнонаучных музеев см.: *Findlen P.* Possessing nature: Museums, collecting and scientific culture in early modern Italy. Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1996. P. 241–287.
- ¹⁸ См., например: *Merchants and Marvels. Commerce, Science and Art in Early Modern Europe* / Ed by P.H. Smith, P. Findlen. N. Y.: Routledge, 2002; *Margócsy D.*

Commercial Visions: Science, Trade and Visual Culture in the Dutch Golden Age. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2014.

¹⁹ *Potian K.* Collectors and Curiosities... P. 34–44.

²⁰ *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого, или Подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санкт-петербургской императорской кунсткамере сохраняющихся. С присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1793. С. 72–73.

²¹ Подробно о традициях научного описании в моделях естественной истории и в целом о зарождении и развитии естественных наук в Европе раннего Нового времени см.: *Зверева В.* Модели естественной истории [Электронный ресурс] // Сайт Веры Зверевой «Культурка». Интеллектуальная культура Средневековья и Нового времени. URL: http://culturca.narod.ru/models.htm#_ftnref1 (дата обращения: 15.02.2016).

²² О морских червях // Примечания на СПб. Ведомости <...> 1733 года. Ч. 28–33. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1733. С. 109.

²³ *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей... С. 165.

²⁴ *Беляев О.П.* Кабинет Петра Великого. или Подробное и обстоятельное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий и прочих достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, ныне в Санктпетербургской императорской кунст-камере сохраняющихся, с присовокуплением к ним достоверных известий и любопытных сказаний. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1793. С. 78.

²⁵ *Margócsy D.* Northwestern University. «Refer to folio and number»: Encyclopedias, the Exchange of Curiosities, and Practices of Identification before Linnaeus // Journal of the History of Ideas. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2010. Vol. 71. № 1. P. 63–90.

²⁶ Триполитанское известие о превращении города в камень // Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях... 1729 года. Ч. 7. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1729. С. 25.

²⁷ Там же. Ч. 12. С. 45–46.

²⁸ *Леман И.Г.* Иоганна Готлоба Лемана, королевского прусского горного советника, Императорской Академии наук химии профессора и члена. Минералогия / Переведена Андреем Нартовым, статским советником, членом Берг-коллегии Монетного департамента, вольного Экономического общества, и Лейпцигского ученаго собрания свободных наук. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1772. С. 11.

²⁹ *Ломоносов М.В.* Первые основания металлургии или рудных дел // Ломоносов М.В. Указ. соч. С. 394.

³⁰ *Севергин В.М.* Краткая опись Минеральному кабинету Императорской академии Наук, по новому онаго расположению в 1820 году. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1821. С. V.

³¹ *Севергин В. М.* Обзорение Минерального кабинета Императорской академии наук // Технолог. журн. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1814. Т. 11. Ч. 1. С. 3–5.

³² Там же. С. 222.

- ³³ *Сольский Д.И.* Очерк истории Минералогического музея Академии наук СССР (дореволюционный период). С. 222.
- ³⁴ *Гмелин И.Г.* Замечание, необходимое для понимания минеральных каталогов. 1733 г. / Пер. А.И. Доватура // Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 5. С. 658–660: Примеч. В XVIII в. «минеральные каталоги» составлялись согласно той или иной минералогической систематике, Системе минералогии; и таких действующих «систем» к середине XVIII в. одновременно сосуществовало около трех десятков (*Adams F.D.* The birth and development of the geological sciences. N. Y.: Dover Publication, 1990. P. 200). В целом поиск «правильной» Системы минералогии – это нерв науки о минералах XVIII в. В.М. Севергин, как никто другой много сделавший для развития минералогического знания в России и весьма требовательно относившийся к научной строгости понятий, на протяжении 33 лет выпустил несколько изданий и вариантов своей «Минералогии», и чуть ни в каждом из них он применял новую классификацию: Кирвана (*Севергин В.М.* Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастаний и ископаемых. Царство ископаемых. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1791. Кн. 1; Кн. 2); Добантона (*Севергин В.М.* Краткое начертание минералогии, сочиненное в пользу губернских гимназий академиком, коллежским советником и кавалером Васильем Севергиным. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1804); Леонгарда и Карстена (*Севергин В.И.* Новая система минералов, основанная на наружных отличительных признаках: соч. академика, стат. советника и кавалера Василия Севергина. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1816); Вернера (*Севергин В.М.* Краткое начертание минералогии, сочиненное в пользу губернских гимназий академиком, коллежским советником и кавалером Васильем Севергиным. СПб.: Печ. при Имп. акад. наук, 1824), каждый раз указывая на превосходство данной систематики над другими. Этот лихорадочный перебор прекращается только в XIX в., с появлением и утверждением систематик Вернера и Гаюи (с этого момента начинается история минералогии в современном ее понимании).
- ³⁵ Об эпистемах европейской культуры см.: *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. Для Мишеля Фуко, среди прочего, естественно-научные (ботанические) коллекции и их меняющаяся репрезентация в научном поле послужили яркими иллюстрациями той или иной эпистемы.

Алхимия в раннем СССР

Данная статья является попыткой показать ретроспективу упоминаний, практик алхимии, алхимических аллюзий и влияний в раннем СССР в контексте «алхимического мышления». Автором рассматривается феномен алхимических аллюзий в стихах и научно-популярных текстах эпохи раннего СССР. Работа освещает корреляции раннесоветской оккультной традиции и русского космизма с алхимическим гнозисом и предлагает различные варианты интерпретации противоречивого явления «советской алхимии».

Ключевые слова: история алхимии, алхимия, СССР, алхимия в СССР, В.В. Рюмин, Я.И. Перельман, космизм, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, эзотеризм.

Алхимия в СССР – противоречивое и даже, казалось бы, невозможное явление. Как в коммунистическом государстве, вдохновляемом новейшими философскими и техническими достижениями науки, мог существовать оккультизм? Пристальное изучение памятников эпохи раннего СССР говорит о том, что все же оккультных и алхимических мотивов в творчестве поэтов и в книгах ученых можно встретить предостаточно. В данной статье мы попробуем разобраться в том, как именно существовала «советская алхимия», а также в том, как «алхимическое мышление», т. е. попытка скрестить рациональную научную логику, основанную на новейших достижениях времени, с мистического рода философией проявляет себя в трудах самых известных личностей эпохи.

Как известно, официально алхимии в СССР не было. Любой оккультизм и эзотеризм вместе с религией отменялся коммунистической идеологией. Оккультисты Запада тем временем разрабатывали идеи «новой алхимии», зачастую даже отвергая химию и выставляя ее сугубо инструментальной наукой. К примеру, Ф. Жолливе-Кастелло, председатель французского алхимического общества, пишет в 1911 г.: «Химия есть только грубая и низшая часть алхимии... Современная химия в общем – только лепет ребенка...»¹.

После формулирования Резерфордом в 1903 г. закона радиоактивного распада, процесс которого подразумевает собой постепенную трансформацию одного вещества в другое, европейские ученые, алхимики и простые обыватели стали грезить трансмутацией золота. Теперь не такими уж невероятными казались предположения алхимиков о философском камне – ведь был опровергнут главный закон химии – невозможность превращения одного вещества в другое². Будоражащее умы открытие было воспринято многими буквально, и новые алхимики ринулись применять к поиску золота новейшие достижения ядерной физики. Немецкий профессор Адольф Мите уже в 1922 г. объявил о способе добычи золота из ртути, облучаемой специальной лампой³. В своих золотоискательских опытах Мите, известный в первую очередь своими уникальными цветными фотографиями, пытался примерить технику производства философского камня алхимиков к современности, заменяя сложные алхимические операции с ртутью на ее облучение лампой. С помощью добытого золота Германия уже собиралась платить по счетам, однако Фриц Габер и другие химики установили, что «даже в перегнанной, казалось бы, не содержащей золота ртути всегда имеется золото»⁴. Уже 10 мая 1926 г. теория была опровергнута, что не помешало, однако, Макс Валье восторженно отзываться о «волшебной лампе» Мите уже после опровержения⁵ ложной теории, связывая теории алхимиков о философском камне с достижениями современной науки: «В сущности, современная сверххимия сегодня добилась того, о чем Гермес Триждывеличайший говорил еще 5000 лет назад в “Изумрудной скрижали”»⁶. О том, что опровержение трансмутационной теории Мите несильно повлияло на широкие круги химической научной среды и умы обывателей, свидетельствует громадное количество алхимических по своей сути патентов, зарегистрированных в западной Европе в 1920–1930-х годах⁷. Австрийский химик Адальберт Клобаз в 1937 г. патентует очередной способ приготовления золота и говорит о том, что главной целью ядерной физики должна стать трансмутация металлов, а именно – «тайное желание получить синтетическое золото»⁸. Подобным же «алхимическим мышлением» отличался и Фредерик Содди, один из первых исследователей атома, когда говорил⁹ о том, что близкое расположение ртути (№ 80) и золота (№ 79) в периодической таблице дает возможность трансформации в духе Великого Делания, но «научными» методами.

Другой пример «алхимического мышления» – это уверенность многих ученых и обывателей первой половины века в том, что радий может исцелять¹⁰. Джозеф Джон Томпсон, первооткрыватель электрона, выпустил статью, в которой повышенная радио-

**ЗАВОД БУРОВОЙ ТЕХНИКИ
ТРЕСТА «МОСКВУГОЛЬ»**
Москва, Воронцовская, 18—21, Тел. 5-36-12

**БУРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
И ПРИВОДНЫЕ БУРОВЫЕ СТАНКИ**

**СЛЕДИТЕ ЗА ЗДОРОВЬЕМ
ПЕЙТЕ НАТУРАЛЬНУЮ УГЛЕКИСЛУЮ ЩЕЛОЧНУЮ
РАДИОАКТИВНУЮ ВОДУ**

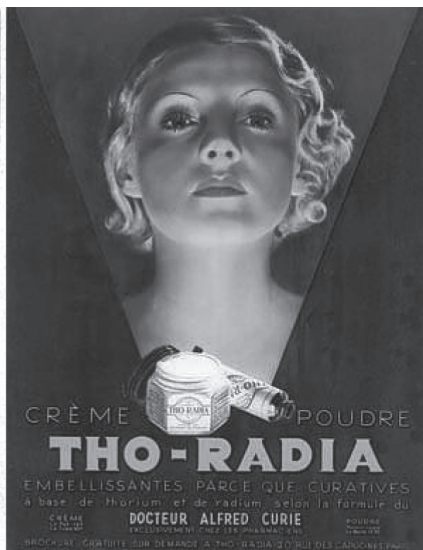
„БОРЖОМ“

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РАЙОННЫЙ БОЛЕЗНЕЙ СМЯД
„БОРЖОМ“
ГЛАВУРУПРА ССР ГРУЗИИ
Заведующий М. В. Бабуршвили.

С 1-го апреля—29 г. цены значительно снижены.

Продажа из склада оптом: 1-литровая бутылка — 38 к., +5 к. за посуду. 1/2-литровая бут. — 20 к., +5 к. за посуду. В розницу, по всем магазинам, аптекам, кооперативным столовым и буфетам, 1-литровая бут. — 44 к., +5 к. за посуду; 1/2-литровая бут. — 23 к., +5 к. за посуду; Ставан в 140 гр — 7 коп. во всех столовых, закусочных, киосках и ларьках г. Москвы. Заказывайте как по почте, телеграфу, телефону, так и по всем киоскам „Боржом“.

Почтовый адрес: Садовая-Спасская, д. № 19, угол Орликова пер.
Телеграфный: Москва Боржом. Телефон 1-53-34, 1-33-58.

CRÈME THO-RADIA POUDDRE

THO-RADIA

EMBELLISSANTES PARCE QUE CURATIVES
à base de thorium et de radium selon la formule du
DOCTEUR ALFRED CURIE
TRAITEMENT CHEZ LES PHARMACIENS

CREAME
POUDRE

RECOMMANDÉ PAR LE MINISTRE DE LA SANTÉ (THO-RADIA) (D'APRÈS LES RECOMMANDATIONS)

активность воды из источников и колодцев напрямую связывалась ее полезным воздействием на организм¹¹. С данной точкой зрения соглашались авторитетные ученые, в связи с чем уже вскоре любая минеральная вода – и даже всем известная «Боржом» – была объявлена радиоактивной¹². Так как бутилированная вода не могла долго быть радиоактивной вне источника излучения, было решено начать производство специальных эманаторов и ревитаторов – приборов, напоминающих современные фильтры для воды, которые были призваны создать радиоактивное поле дома у клиентов. Вмененные радиоактивности вслед за всеми полезными свойствами минеральной воды особенности, а именно уничтожение бактерий и стимуляция клеток, особенно нравились людям, и вскоре началось массовое производство продуктов, содержащих радий. Хлеб, таблетки, зубная паста, свечи для потенции, соль для ванн, накладки на тело, подушки, косметика и даже презервативы – вот далеко не полный список выпускаемой продукции.

Радий как источник «бесконечной» энергии с его невидимым излучением и свечением в темноте стал восприниматься благодаря умелой рекламе как увеличитель человеческой энергии (потенции, красоты, здоровья). Логика использования радия в бытовых целях становилась подчас необъяснимой¹³, и причины ее возникновения стоит искать в визуализации образов радия, разрабатываемых маркетологами. Данная традиция использования радия в целях

лечения отсылает нас к древней иатрохимической практике употребления питьевого золота, *Augum Potabile*, использующей тот же механизм символического переноса категорий «блага» и «сияния» с металла на употребляющего его внутрь пациента.

Мужская сила, потенция и агрессивность, женская красота, культ тела и здоровья находили свое символическое воплощение в одном и том же наборе символов – свет Солнца, несущий энергию, блеск золота. Возможно, именно поэтому золото, как земной аналог Солнца, на протяжении веков был основным символом того незримого капитала, который может накопить человек. Радий с его бесконечным сиянием в темноте без внешней подпитки лишь больше золота приблизился к небесному идеалу.

Все вышеперечисленные случаи дают понять, что парадигма «алхимического мышления» не перестала существовать с исчезновением средневековой практической алхимии.

Алхимические аллюзии у раннесоветских писателей

Но вернемся к СССР. В переходную эпоху, когда границы идеологии и ее общественного воплощения еще не были окончательно закреплены, различного рода маргинальные практики легко могли всплывать со дна на поверхность. Так произошло отчасти и с алхимией: она, как и другое эзотерическое знание, до прихода к власти Сталина не порицалась и не отвергалась абсолютно.

Конечно, с приходом власти Советов заниматься любой оккультной наукой, в том числе и рассматриваемой нами алхимией, было чрезвычайно сложно, а часто и опасно для жизни. Однако не стоит забывать, что, помимо жесткой цензуры и атмосферы террора, в стране парадоксально процветало и свободомыслие. Интеллектуалы начала XX в. могли беспрепятственно изучать оккультизм, так как в 1905 г. была отменена предварительная духовная цензура¹⁴: после нескольких лет книжной свободы многие интеллигенты чрезвычайно вдохновились идеями о духовном самопознании и совершенствовании вне руслу традиционного православия, что в конечном итоге привело к созданию многочисленных тайных обществ. Так создавались масонские ложи, гностически и анархически ориентированный Орден тамплиеров¹⁵, Ордена розенкрейцеров и оккультные сообщества, занимающиеся синтезом эзотерического и научного знания (к примеру, «Эмеш редививус»). Многие из членов таких обществ были известными людьми – в их списках среди прочих можно обнаружить режиссера Сергея Эйзенштейна,

писателя Андрея Белого, актера Михаила Чехова, анархиста Аполлона Карелина, изобретателя Александра Чижевского, литературоведа Сергея Дурьлина и других. Все они читали практически одни и те же книги по оккультным наукам, вследствие чего, несомненно, имели некоторое знакомство с алхимией. Однако о существовании специфических кругов, занимавшихся изучением именно алхимии в раннем СССР, на сегодняшний день исследователю неизвестно. То, что мы имеем, – это алхимическая образность в литературе, как художественной, так и популярной, а также «алхимическое мышление» в философских и прикладных теориях знаменитых российских ученых начала века.

Алхимия обсуждалась не только в научных или оккультных кругах. Культурных прецедентов распространения алхимии в раннем СССР можно найти предостаточно; к примеру, широко известно мини-исследование Татьяны Горбутович, в котором она убедительно доказывает возможное происхождение сказки К.И. Чуковского «Краденое солнце» из образов алхимической визуальности¹⁶. Согласно автору, зеленый крокодил Чуковского, который пытается заглотить Солнце, соотносится с Зеленым Львом алхимиков, также пожирающим светило. Трактат *Rosarium Philosophorum*, в котором находится знаменитое изображение, Чуковский мог прочесть во время своей работы в библиотеке Британского музея

Одним из самых показательных примеров алхимической аллюзивности в литературе раннего СССР является стихотворный цикл Николая Клюева, представляющий собой диковинный синтез коммунистической идеологии и алхимических образов. Цикл под названием «Ленин» был написан Клюевым в 1918–1919 гг. и посвящен вождю пролетариата. Ленин в стихотворениях изображен в образе Красного Льва, а революция представлена метафорой алхимического брака:

Братья, сегодня наша малиновая свадьба —
Брак с Землей и с орлиной Волей!¹⁷

Откровенно алхимические образы, связанные с философским камнем и материей его компонентов, серой и ртутью, т. е. Солнцем и Луной, аллегорически представляют грядущие победы коммунизма:

Это выловлен мир – искрометные лапы,
Буйно-радостный львенок народов и стран.
Оглянитесь, не небо над нами, а грива,
Ядра львиные – солнце с луной!..¹⁸

Еще один хороший пример – стихотворение академика Н.А. Морозова, возглавлявшего с 1909 по 1932 г. Русское общество любителей мироведения:

Злато, олово, свинец...
Сын мой! Сера их отец!
И спеши, мой сын, узнать:
Всем им ртуть родная мать!¹⁹

Стихотворения Клюева и Морозова прекрасно демонстрируют, что визуально-символический ряд алхимии присутствовал в культурном контексте СССР 1920-х годов. 2 февраля 1934 г. Николай Клюев был арестован по обвинению в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений, а позже расстрелян. В 1930 г. исполкомом было закрыто Русское общество любителей мироведения²⁰, в котором Николай Морозов был председателем. Общество не поддерживало антирелигиозную политику СССР, имело своей эмблемой древнеегипетское изображение крылатого солнца, а его члены занимались, помимо прочего, такими исследованиями, как, например, «Обоснование связи между солнечными пятнами и революционными событиями», «Страшный суд как астральная аллегория», «Народная астрономия и космология Древней Руси» и т. д. Некоторые члены РОЛМ состояли в переписке с В.И. Вернадским, членом общества был также К.Э. Циолковский; учения последних, как известно, не были лишены мистических черт, и к ним мы еще вернемся.

Зеленый лев: Загадка Рюмина

Прочсть об алхимии как устаревшем варианте химии мог любой советский гражданин – в литературе по истории Средних веков или в учебниках по истории химии. В 1932 г. издается русский перевод знаменитого «Молота ведьм», в самом начале которого присутствуют два упоминания об алхимии и алхимиках²¹. Даже эти упоминания, равно как и содержание «алхимического» раздела учебников, позиционировали алхимию исключительно как ошибку истории, пусть и полезную в некотором отношении для развития современной науки – химии.

Алхимические символы встречались даже в научно-популярной литературе. В 1925 г. В.В. Рюмин, известный инженер и популяризатор науки, выпускает научно-популярную книгу под названием «Занимательная химия», адресованную широким кругам читателей²².

Казалось бы, общеобразовательный учебник в форме забавных задач и опытов по химии не мог содержать ничего сверхъестественного, а тем более идущего вразрез с учением о диалектическом материализме. Тем не менее в тексте книги мы находим химический опыт под настолько очевидно алхимическим заголовком — «Зеленый лев», что любые случайные совпадения исключены. Зеленый лев припрятан, однако, для отвода глаз в гуще бессмысленных опытов вроде приготовления «белого снегиря» или «синего хлеба». Очевидно, что вместо зеленого автор был вправе поставить любой из цветов, выбрав иной тип реакции; также справедливо рассуждать, что автор мог использовать и какую угодно картонную фигурку для иллюстрации окисления солей хрома. Почему именно лев, а не цыпленок, подсолнух, одуванчик, банан или Колобок? Метафора, используемая Рюминым, а именно позеленение царя зверей «от страха перед удушливым газом»²³, обладает весьма туманной мотивировкой. Более логичным было бы превращение спелого плода в неспелый или потешное «озеленение» любого животного желтого окраса, будь то тигр или цыпленок. Даже если принимать во внимание то, что тема газа, применяемого в военных целях, после Первой мировой войны была чрезвычайно актуальной, Рюмин мог бы выбрать жертвой любое животное.

У нас есть стойкое убеждение в неслучайном выборе Рюминым образа зеленого льва, символизирующего в алхимической знаковой системе алькагест — универсальный растворитель²⁴, в некоторых частных случаях — массикот, зеленовато-желтую окись свинца²⁵, и т. д., но, что гораздо важнее, являющегося одним из самых узнаваемых алхимических символов. Догадку подкрепляет следующий факт: вскоре после «Занимательной химии» Рюмина

выходит научно-популярное пособие по химии Я.И. Перельмана «Наука на досуге», включающее в себя химическую расшифровку знаменитого рецепта изготовления философского камня Рипли. «Чтобы сделать эликсир мудрецов, называемый философским камнем, возьми, мой сын, философической ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва»²⁶, говорится в «Науке на досуге», а алхимическая символика «переводится» на русский язык формулой перегонки сурика с уксусной кислотой до его превращения в уксуснокислый свинец.

По всей видимости, Рюмин ввел зеленого льва в контекст своей книги с определенной целью. Возможные варианты – ирония или провокация. Второй вариант едва ли возможен, так как биография автора указывает на его предельную самоотверженность по отношению к советской науке и своей образовательной миссии. Но как тогда алхимический символ, пусть даже иронически осмысленный, проник в научно-популярную книгу, выпущенную в самый разгар всеобщей химизации СССР и борьбы со всяческой эзотерикой? Ведь автор даже не указывает на алхимическое значение данного заголовка, тем самым предоставляя простор для интерпретаций интеллигументалам и эзотерическому подполью, знающим, что зеленый лев в книге по химии – явная отсылка к алхимическому гнозису.

Книга Рюмина, вышедшая в первом издании в 1925 г., еще до сталинской панхимизации страны, «должна была служить главным образом для развлечения читателя и лишь попутно для получения»²⁷. Не развлекательный ли характер книги стал причиной тому, что в тексте встречается так много упоминаний алхимии и отсылок к ней? Впрочем, большинство пассажей об алхимии в книге высмеивают эзотерическое или религиозное знание. Примерами тому могут послужить химический опыт по превращению воды в вино или длинная глава о тщетных попытках алхимиков Средних веков превратить смесь ртути и серы в золото. После длительного порицания ошибок алхимиков Рюмин упоминает о том, что те были все же в чем-то правы, связывая ртуть с получением золота, и ссылается на опыты трансмутации Мите, пусть и неудачные. Говоря о провале теории современного немецкого алхимика, Рюмин предполагает, что люди могут «рассчитывать научиться выделять золото из морской воды». «Все население земного шара исчисляется приблизительно в 2 миллиарда. На долю каждого из нас, следовательно, приходится теоретически около двух тонн морского золота»²⁸. Но золото, по мнению Рюмина, будет бесполезно в будущем: «К тому времени оно перестанет быть мерилом цены. В будущем, когда капиталистический строй повсюду будет уничто-

жен, золото станет таким же технически применяемым металлом, как и все остальные»²⁹. Примечательно, что на протяжении всего повествования автору приходится неоднократно настаивать на том, что «в наше время химия – не оккультная наука»³⁰, и это дает нам повод предполагать, что в массовом сознании того времени понятия алхимии и химии были если не тождественны, то еще стояли близко друг к другу.

Можно с уверенностью заявить, что Рюмин всеми силами пытается изменить восприятие химии и откреститься от ее дурной родственницы – алхимии. Многочисленные ссылки на алхимию, порой имплицитные, позволяют при помощи иронии переводить алхимический символический ряд в категорию смешного, глупого и устаревшего, пробивая дорогу новому образу – советской химии.

Наметившуюся благодаря стараниям Рюмина тенденцию можно в дальнейшем проследить и в других научно-популярных текстах. Вышедшая в 1935³¹ г. книга Я. Перельмана «Наука на досуге», главы по химии для которой написал В. Рюмин, также содержат упоминания алхимии и алхимической символики. В начале книги приводится один из самых известных алхимических рецептов – рецепт изготовления киновари из ртути и серы, но история рецепта и символы, используемые алхимиками, отбрасываются. Однако далее мы находим отрывок из алхимической рукописи: «Вот тайна: змея, пожирающая свой хвост, состав, поглощенный и расплавленный, растворенный и превращенный брожением...»³². Отрывок, помещенный под заголовком «Курьезы химии», перекладывается Рюминым и Перельманом на язык современной химии, что свидетельствует о том, что главной целью упоминания алхимии было уничтожение ее значимости и привлекательности для читателя путем постановки алхимических достижений и символики в иронический, развлекательный контекст. В роли такой же непонятной для современного советского человека экзотики выступают алхимические обозначения металлов, переводимые автором на «современный язык». Отдельной статьей отмечена тема «алхимии XX в.». Авторы обрушиваются на Францию, в которой существуют Алхимическое общество и даже образовательные структуры, связанные с оккультными науками: «В Париже в настоящее время создается целый институт, где будут читаться разрабатываемые сейчас курсы этих “наук”»³³. Среди прочих государств «загнивающего капитализма» находится фашистская Германия, в которой «рекламируют “ученых”, которые “ручаются”, что они могут получать искусственное золото в любом количестве»³⁴. Естественно, Перельман и Рюмин демонстрируют полную непричастность советской науки к подобному рода нелепицам.

Описывая зеленого льва и не упоминая об алхимическом происхождении этого символа, Рюмин не снижает значимость культурного явления алхимии для всей аудитории читателей, не издевается над ней в открытую, как в других случаях, не демонстрирует свои познания в этой области цензуре, но намеренно апеллирует к немногим людям, признающим ценность алхимии, а возможно, и занимающимся ее изучением. Рюмин демонстрирует таким людям, что настало новое время, которое вслед за В. Паперным можно обозначить как время «культуры-1»³⁵, культуры раннего СССР, не признающей все старое, уничтожающей прежние основы ради поиска новых идеалов. И таким идеалом для Рюмина, Перельмана, а также для Циолковского, Вернадского и многих других стала новая алхимия – «алхимия» советская. Они решили, что пора отринуть устаревшую алхимию с ее поисками золота, бесполезными в коммунистической утопии, и заняться настоящими делами, достойными советской науки, – массовой химизацией страны, добычей металлов из воды, заселением космоса, разработкой теорий ноосферы и космизма. «Советская алхимия», или советская наука, хоть и усердно притворялась объективной, отрицающая западные оккультные, религиозные и идеалистические движения и даже научные направления (к примеру, генетику), создает свою собственную оккультную символику и своих культурных героев.

Рюмин³⁶ также поддерживал Циолковского. Более того, он был тем самым человеком, который окрестил ученого «основоположником космонавтики»: Рюмин часто писал статьи о дерзновенных проектах «калужского ученого-самоучки»³⁷. Если учитывать этот фактор, становится понятно, что наука в 1920–1930-е годы в СССР зачастую была сопряжена с оккультным и псевдонаучным мировоззрением, особенно в ряду членов общества РОЛМ и сочувствующих, к которым относились авторы научно-популярных книг по химии Перельман и Рюмин.

«Алхимическое мышление» и космизм

Оккультность учений Вернадского и Циолковского – предмет отдельного исследования, однако стоит указать, что их известные всему миру изобретения и концепции были лишь малой частью философий, вдохновляемых традицией мистического христианства, переосмысленного в русском космизме. Циолковский, к примеру, был вдохновлен учением Николая Федорова, повествующем об идее «воскрешения отцов» и философии общего дела. Учение Федорова, названное философией общего дела, сочетает в себе

религиозную философию и футурологический утопизм. Главной целью единенного человечества должно стать противоборство смерти. Эта христианская идея должна была реализоваться, однако, при помощи новейших научных достижений. Изобретение средства воскрешения людей, причем не только недавно умерших, но «всех отцов», – вот финал развития науки и своеобразное переосмысление Федоровым Страшного суда. Воскреснуть должны были все до единого, поэтапно – иначе бы всеобщего единения целокупного человечества не произошло. Рай, согласно Федорову, не будет дан человечеству Богом – люди в силах создать его своим трудом. «Вопрос об участи Земли приводит нас к убеждению, что человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты. Человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугою, экипажем нашего земного – неизвестно еще какую силою приводимого в движение, – корабля, – есть ли он фото-, термо- или электроход»³⁸, писал Федоров, полагая, что человечество должно осваивать космос и искать новые планеты, пригодные для жизни. Земля в таком случае станет чем-то вроде космического корабля, «земноходом», исследующим космическое пространство, регулярная армия – борцами с природными стихиями, а между людьми установится всеобщая любовь, подобная гармонии Троицы. По Федорову, человечество должно было перейти из теллурической, земной стадии сначала в солярную, а затем в сидеральную, постепенно осваивая Солнечную систему и межзвездное пространство.

Судя по всему, именно федоровский сплав мистического христианства с футурологией вдохновил Циолковского на изобретение теории ракетостроения. Помимо того что Циолковскому удалось добиться материального воплощения идеи полетов в космос, он также разрабатывал свою концепцию космизма. Сам Циолковский иронически замечал, что работы по ракетостроению являются лишь приложением к его умозрительным теориям. Несмотря на то что ученый называл себя чистейшим материалистом, в его философии странным образом преломились физика, космонавтика и эзотерические учения, например пифагореизм и теософия. Согласно Циолковскому, современные люди должны прекратить войны, объединиться и совместно развивать науку и технику, чтобы затем эволюционировать в высшие формы жизни или найти их на других планетах. Целью открытия околосолнечного пространства для Циолковского была в конечном итоге эволюция самого человека: только с помощью контроля над стихиями, усовершенствования среды обитания, создания искусственных жилищ за пределами земной атмосферы люди могут перейти в «лучистое», т. е.

совершенное, божественное состояние. Эта идея вновь отсылает нас к «алхимическому мышлению»; и если приведенные нами примеры учений западных исследователей вдохновлены скорее желанием материальной выгоды, то для умопостроений Циолковского характерно стремление вырваться из оков тела и обожиться. «Наконец, на высшем витке этой спирали развития разум (или материя) узнает все, само существование отдельных индивидов и материального или корпускулярного мира он сочтет ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать»³⁹, писал ученый. Корни философской теории Циолковского лежат не только в религиозно-космическом концепте общего дела Федорова, но и в пифагорейской мистической традиции. Ученый придерживался учения панпсихизма – теории о переселении душ и способности любой материи, будь то человек, растение или камень, ощущать приятное или неприятное, а также переходить в различные состояния. В случае физической смерти атомы, из которых состоит человек, по убеждениям Циолковского, не исчезают, а только утрачивают связь между собой, а бессмертные атомы мозга человека и вовсе попадают в мозг более развитых инопланетных существ. По Циолковскому, человек должен стать «космическим животным», эволюционировать не только биологически, но и физически, превращаясь из материального существа в потоки чистой энергии, «лучистое животное», самодостаточное и изолированное от воды, пищи, в общем, от всего, кроме космической энергии⁴⁰. Эта мечта весьма похожа на то, о чем думали александрийские алхимики еще в начале нашей эры («изолированное совершенство», по их мнению, находилось в философском яйце, запаянной колбе с философским камнем), вдохновляемые герметическими и неоплатоническими догматами о вознесении человека к истинному богу и отделении души от материального мира при помощи алхимической теургии⁴¹. Духовная алхимия, направленная на улучшение человека, а не металлов, вдохновлялась и работала над почти теми же проблемами, что и Циолковский.

Вернадский, известный своими концепциями биосферы и ноосферы, до сих пор изучаемыми в школах на биологии, был также глубоким философом-мистиком. Концепт биосферы вырос из размышлений Вернадского о понятии живого вещества, которое он противопоставляет косному. По словам философа, человек, как всякое живое природное тело, неразрывно связан с определенной геологической оболочкой нашей планеты. При этом Вернадский задается вопросом: почему столь небольшая часть биомассы, человек, оказывает такое сильное геологическое влияние на все происходящее на нашей планете? «Брентано подсчитал, что, если бы каж-

дому человеку дать один квадратный метр и поставить всех людей рядом, они не заняли бы даже всей площади маленького Боденского озера на границе Баварии и Швейцарии. Таким образом, все человечество, вместе взятое, представляет ничтожную массу вещества планеты. Мощь его связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом»⁴². Так возникает знаменитая теория Вернадского о ноосфере – сфере разума.

Продолжая размышления американского ученого Джеймса Дана о последовательном и непрекращающемся совершенствовании нервной системы и головного мозга, Вернадский утверждает, что человек станет вершиной эволюции, ее последним звеном, на котором прогресс завершится. Соответственно, биосфера как совокупность живого вещества Земли когда-нибудь должна преобразиться благодаря человеку и стать ноосферой – областью, где властвует человеческий рассудок. Размышляя о человечестве как о массе вещества Земли и о связи живых тел с геологической оболочкой планеты, иными словами, в (ал)химических понятиях, Вернадский разрабатывает, в широком смысле, давнюю алхимическую идею связи металлов и человека, явленную как у древнейших алхимиков, так и в средневековой и парацельсианской традициях. Говоря о «геологическом влиянии человека», Вернадский подразумевает о примате микрокосма над макрокосмом. Учитывая данные смыслы, можно предположить, что теория Вернадского имела тот самый алхимический пафос преобразования человека в совершенное существо – у изобретателя ноосферы данная мысль оформляется в эволюционистских терминах, но не теряет окончательно оккультных корней.

Вернадский считал, что в его время ноосфера уже сформировалась, а в будущем она лишь расширилась бы и вышла за пределы Земли: «В будущем нам рисуются, как возможные, сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет»⁴³. Благодаря превращению биосферы в ноосферу человечество стало бы борцом с энтропией, концентрируя и накапливая энергию для ее преодоления.

Мы видим, что ученый раннесоветского периода – одновременно натурфилософ и рационализатор, материалист и мистик. С одной стороны, его преследует цензура, мешающая мыслить свободно, а с другой – в нем всегда присутствует вера в советского сверхчеловека, в граничащие с мистикой сверхвозможности научного познания. «Алхимическое мышление» являет себя в организации тайных обществ и в мечтах ученых о золотой утопии коммунизма, в философии космизма и новейших изобретениях,

в стихах и научно-популярной литературе, демонстрируя, что грань между научным и вненаучным знанием в начале XX в. была прозрачной, почти неразличимой, несмотря на расхожее стойкое убеждение в рациональности науки того времени. Контрадикторные чувства – ироническое отрицание алхимии и вера в алхимию новую, советскую, алхимию будущего – заставляют авторов раннего СССР как эксплицитно, так и имплицитно иронизировать по поводу алхимического знания и символики, не отрекаясь от них до конца, и творить наряду с новой научной парадигмой новую научную мифологию.

Примечания

¹ Рабинович В.Л. Алхимия. Спб., 2012. С. 47

² На самом деле был опровергнут *физический* закон, а на *химические* процессы открытие никак не повлияло.

³ Гофман К. Можно ли сделать золото? Л., 1987. Примечательно, что в то время американские газетные заголовки пестрели сообщениями о том, что американцы, в свою очередь, хотят получить золото с помощью энергии Ниагарского водопада.

⁴ Там же.

⁵ Статья Валье была выпущена в *июльском* номере журнала «Психократ».

⁶ Перевод мой по: Valier M. Moderne Goldmacherkunst // Der Psychokrat. 1926. Vol. 6. № 7–8. S. 106.

⁷ Пример абсурдных патентов философского камня: «Через двадцать лет, в 1930 году, англичане выдали патент (№ 306048), защищавший получение золота и серебра из железных и стальных опилок. Изобретателем этого единственного в своем роде процесса был итальянец Вольпато» (Гофман К. Указ. соч.).

⁸ Там же.

⁹ Фредерик Содди, один из великих пионеров исследования атома, в докладе на заседании британских естествоиспытателей в 1913 г. будто предугадал тайные чаяния алхимиков. «Нельзя считать невозможным превращение таллия или ртути в золото, – писал исследователь радия. – Проблема состоит лишь в том, чтобы удалить альфа-частицу из таллия либо альфа- и бета-частицы – из ртути. Подобным же образом можно было бы получить золото из свинца, удалив из него одну бета-частицу и две альфа-частицы» (Гофман К. Указ. соч.).

¹⁰ Подробнее об этом см.: Зотов С.О. Светило в науке: к истории визуальных образов радиоактивного брендинга // Любовь: Интерпретация культурных кодов. Саратов; СПб., 2015. С. 185–200.

¹¹ «In 1903, the discoverer of the electron, J.J. Thompson, wrote a letter to the journal *Nature* in which he described another remarkable discovery of his, the presence of radioactivity in well water. This led to the discovery by others that the waters in many

- of the world's most famous health springs were also radioactive. This radioactivity is due to the presence of radium emanation – what we now call radon gas – produced by the radium that is present in the ground through which the waters flow» (*Frame P.W.* Radioactive curative devices and spas // *Oak Ridger Newspaper.* 1989. 5 Nov.).
- ¹² *Аржанов Н.П.* Обманчивое марево эманации (Электронный ресурс) // *Провизор.* 2004. № 15. URL: http://www.provisor.com.ua/archive/2004/N16/art_21.php (дата обращения: 22.11.2014).
- ¹³ Например, образ радиоактивного эндокринатора, улучшающего потенцию, обусловлен сложной ассоциативной цепочкой «потенция = благо = свет = свечение в темноте радия», в связи с чем возникает вопрос, почему бы не носить с собой в кармане в тех же целях зажженную свечу или лампочку?
- ¹⁴ *Никитин А.Л.* Розенкрейцеры в Советской России. М., 2003. С. 6.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Зотов С.О.* Гностические образы в корпусе легенд Ордена российских тамплиеров // *Платонов. исслед. Вып. 1.* М.: РГГУ–РХГА, 2014. С. 38–415.
- ¹⁶ *Горбутович Т.В.* Алхимия Корнея Чуковского [Электронный ресурс] // *Livejournal.com.* URL: <http://gorbutovich.livejournal.com/70439.html> (дата обращения: 22.11.2014).
- ¹⁷ *Клюев Н.А.* Сочинения: В 2 т. [Б.М.]: А.Нейманис, 1969. Т. 1. С. 280.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Цит. по: *Кузнецов В.И.* Золото без философского камня, но по рецептам алхимиков // *Химия и жизнь.* 1967. № 9. С. 18–23.
- ²⁰ *Бронштэн В.А.* Разгром общества любителей мироведения // *Природа.* 1990. № 10. С. 124.
- ²¹ *Крамер Г., Шпренгер Я.* Молот ведьм / Пер. с лат. Н. Цветкова; предисл. С.Г. Лозинского. М., 1932.
- ²² Подробнее см.: *Зотов С.О.* Занимательная алхимия и советский (анти)окультиный дискурс // *Феномен алхимии в истории науки, философии, культуре: Вторая междунар. науч. конф.* Смоленск, 2014. С. 24–36.
- ²³ *Рюмин В.В.* Занимательная химия. Л., 1936. С. 95.
- ²⁴ «Кислоты символизировались львами, пожирающими солнце или луну» (*Луассон А.* Теории и символы алхимиков. М., 1995. С. 86).
- ²⁵ *Рабинович В.Л.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁶ Авторская орфография сохранена (*Перельман Я.И.* Наука на досуге. Л., 1935. С. 203).
- ²⁷ *Рюмин В.В.* Указ. соч. С. 3.
- ²⁸ Там же. С. 35.
- ²⁹ Там же. С. 36.
- ³⁰ Там же. С. 148.
- ³¹ В ней была размещена реклама книги Рюмина.
- ³² *Перельман Я.И.* Указ. соч. С. 204.
- ³³ Там же. С. 207.
- ³⁴ Очевидно, имеется в виду случай сотрудничества алхимика Таузенда и Людендорфа, депутата парламента от NSDAP (Там же. С. 207).
- ³⁵ *Паперный В.* Культаура два. М., 1996.

- ³⁶ В связи с темой алхимии примечательно также, что Рюмин написал в юношестве рассказ «Фальшивый монетчик».
- ³⁷ Зотов В. Первый забезчик // Наука и жизнь. 1976. № 7. С. 84.
- ³⁸ Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С. 360–361.
- ³⁹ Циолковский К.Э. Грезы о земле и небе: Научно-фантастические произведения. Тула, 1986. С. 426.
- ⁴⁰ Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2004. С. 131–153.
- ⁴¹ Подробнее см.: Зотов С.О. Неоплатонические и герметические истоки духовной алхимии Зосимы Панополита // Вестн. РХГА. СПб., 2015. [В печати.]
- ⁴² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 240.
- ⁴³ Там же. С. 242.

Писатели-фантасты как генераторы научных идей

В статье на примере романа А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» автор показывает связь между миром писательской фантазии и реализацией намерений в артефактах через концепцию трех миров и роста объективного знания Карла Поппера. Автор исследовала интертекстуальность романа и метафоричность его названия и главного героя.

Ключевые слова: гиперболоид, А.Н. Толстой, Карл Поппер, объективное знание, концепция трех миров, интертекстуальность, Гарина.

Идеи инновационных устройств, которые выдвигают в своих работах авторы художественной литературы, в частности писатели-фантасты, будоражат пытливые умы на протяжении многих поколений, если к тому же автор не только назвал, но и описал новое устройство, то реализовать его пытаются ученые и инженеры, живущие в реальном мире, а в истории нового артефакта остается запись о том, что родился он благодаря фантазии писателя.

На взаимодействие литературы и науки Министерство обороны США официально обратило внимание в 1992 г. и с целью выработки инновационных идей создало группу под названием SIGMA, к работе в которой были приглашены писатели-фантасты, имевшие степени в естественно-научных дисциплинах. Один из членов группы, известный писатель, профессиональный инженер, обладатель нескольких патентов на изобретения Арлан Эндрюс, поясняет: «Мы проводим всю нашу карьеру, как бы живя в будущем. Тем, кто отвечает за национальную безопасность, нужны люди, которые генерируют безумные идеи»¹. Например, в конце 1990-х годов группа собиралась для обсуждения с учеными, работающими на правительство, вопроса о том, как может выглядеть пост-ядерный век, а в 2007 г. Министерство внутренней безопасности США работало с SIGMA по проблеме борьбы с терроризмом.

Такая связь между воображением и миром вещей отсылает к психофизической проблеме, которой занимался сэр Карл Поппер,

обсуждая эволюционный подход к накоплению объективного знания, и его концепции трех миров. Фантасты-ученые, в том числе члены группы SIGMA, осуществляют синтез научного знания с кажущимися невыполнимыми проектами. Поэтическое воображение писателей способно генерировать идеи, реализация которых может показаться невозможной. Эти образы будущего или названные писателями еще не существующие в мире 3 (физических тел) устройства – это обитатели мира психических состояний, т. е. мира 2, который, по определению Карла Поппера, «населён нашими собственными состояниями сознания»². В тоже время писатели имеют квалификацию в области естественных наук, а значит, понимают физические состояния и законы мира физических тел, т. е. законы мира 1. Описываемые и даже называемые фантастами артефакты и явления – это реализация через мир 3, в который входят «теории, объективные проблемы»³ или продукты человеческого сознания, состояний мира 2.

Специалистам в области культурологии науки известно множество примеров – устройств, родившихся в мире 2 и ставших «обитателями» мира 3, и которые на момент их названия имели «свойство “быть в состоянии пренебрегать законами природы”»⁴. В свое время казались нереализуемыми названные⁵ Робертом Хайнлайном мобильные телефоны, манипуляторы с дистанционным управлением, микроволновые печи и водяные матрасы; туристические космические суда и электронные книги Арлана Эндрюса; атомная бомба, аэроплан, телевидение, джойстик Герберта Уэллса. Эти и многие другие устройства стали названными, а некоторые описанными вследствие наличия у человека дескриптивной функции, которая дает возможность «говорить нечто истинное и нечто неистинное»⁶. Намерения (целеполагание), размышления (пути достижения цели), убеждения (художественное описание, которое соотносит читателя с неким возможным воображаемым миром), т. е. психические состояния (mental states)⁷ писателя, относящиеся к миру 2, индуцируют объекты мира 3, которые воздействуют на мир физических вещей, т. е. мир 1.

Появление инновационных устройств в мире 2, а затем и в мире 1 закономерно и реализуется благодаря объективному знанию ученых-писателей, которые конструируют новые артефакты в нарративном мире на основе знаний о мире референции, в частности знаний законов физики и химии.

Алексей Николаевич Толстой в статье «Как мы пишем» в 1930 г. рассказал о том, что черпает идеи в творчестве ученых: «Я пользуюсь всяким материалом: от специальных книг (физика, астрономия, геохимия) до анекдотов. Когда писал “Гиперболоид инженера

Гарина” (старый знакомый, Оленин, рассказал мне действительную историю постройки такого двойного гиперблоида; инженер, сделавший это открытие, погиб в 1918 году в Сибири), – пришлось ознакомиться с новейшими теориями молекулярной физики. Много помог мне академик П.П. Лазарев»⁸.

Толстой нашел идею гиперблоида инженера Гарина в романе 1897 г. «Война миров» Герберта Уэллса, где марсиане намереваются захватить Землю с помощью устройств, испускающих тепловые лучи. Рассказывая об их разрушительном действии, Уэллс пишет: марсиане «как-то концентрируют интенсивную теплоту в абсолютно не проводящей тепло камере. Эту конденсированную теплоту они бросают параллельными лучами на тот предмет, который они избрали целью, при посредстве полированного параболического зеркала из неизвестного вещества, подобно тому, как параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света. ...Тепловые невидимые лучи вместо видимого света»⁹.

Очевидно, что аппарат марсиан и гиперблоид инженера Гарина имеют семантическое средство – гиперблоид испускает разрежающий все, что попадает на его пути, «лучевой шнур» огромной мощности, так что «в природе не существует ничего, чтобы могло сопротивляться силе “лучевого шнура”»¹⁰, однако Герберт Уэллс ограничился лишь *называнием* лучей и устройства, их испускающего, в то время как Алексей Николаевич Толстой *описал* подобный аппарат.

Обращение Толстого к научной сфере неудивительно – он был студентом Технологического института императора Николая I в Санкт-Петербурге, в котором преподавали выдающиеся ученые и изобретатели – химики, в том числе Дмитрий Иванович Менделеев. Это обстоятельство связывает студенческие годы писателя с его литературной работой и образами, которые он создавал в «Гиперблоиде», делая акцент на химии. По сюжету романа Роллинг был «королем химии», а ставшая его возлюбленной Зоя искала знакомства с Роллингом, когда «поняла, что самое шикарное в двадцатых годах двадцатого века – это химия. Она завела секретаря, который ежедневно делал ей доклады об успехах химической промышленности и давал нужную информацию»¹¹. Инженер Гарин был также прекрасным химиком, что позволило ему совершить изобретение и создать гиперблоид.

Описанное, именно описанное, а не только названное Алексеем Николаевичем устройство, согласно схеме, приведенной писателем, в качестве типов поверхности основных структурных элементов использует не только *гиперблоид*, но *три* разные поверхности: эллипсоид, гиперблоид и параблоид вращения, что отсылает

читателя к другим текстам, которые, кроме романа Герберта Уэллса, стали авантекстами для Толстого.

Параболоид вращения описывали еще в Древней Греции: математик Диокл доказал в работе «О зажигательных зеркалах», что зеркало в форме параболического рефлектора фокусирует параллельные оси зеркала лучи в одной точке. Считается, что именно с помощью параболического рефлектора Архимед создал «лучи смерти» и поджог римский флот во время осады Сиракуз. Позже параболические рефлекторы стали использовать в телескопах – зеркала инженера Гарина отсылают читателя к конструкции телескопа, которую в 1910-х годах разработали американский изобретатель телескопов и астроном Джордж Уиллис Ричи и французский астроном и популяризатор науки Анри Кретьен. В 1900–1920 гг. наблюдался новый всплеск интереса общественности к космосу, в том числе благодаря активной пропагандистской работе Анри Кретьена – публика читала книги о космических полетах, ученые проводили исследования, поэтому неудивительно, что внимание Толстого было обращено к системе Ричи–Кретьена, которую начали использовать в телескопах с конца 1920-х годов (данная система используется и в наше время в телескопах Хаббл).

Уже в 1950-х годах роман Толстого вдохновил американского ученого, лауреата Нобелевской премии в области физики Чарльза Таунса на изобретение лазера: «Идея вспыхивающих лучей смерти настолько мистическая, что захватывает воображение читателя»¹². Таунс также вспоминает мифологический сюжет, отсылая читателя к богу-громовержцу Юпитеру, посылающего молнии. В 1970-х годах Джордж Лукас дал герою «Звездных войн» джедаю Люку Скайуокеру не что иное, как лазер – световой меч, который с тех пор заменяет в мальчишеских играх шпагу или меч.

Аппарату инженера Гарина, в котором используются разные поверхности второго порядка, Алексей Николаевич Толстой дал название «гиперболоид», и хотя оно не отражает конструктивные особенности устройства, этот термин в названии появилось неслучайно. Рассмотрим семантику слова «гиперболоид». Оно состоит из двух древнегреческих слов: ὑπερβολή – гипербола, и εἶδος – вид, внешность, т. е. гиперболоид инженера Гарина имеет в своей конструкции зеркала «с внешностью» гиперболы из области математики.

Кроме обозначения поверхности второго порядка слово «гипербола» имеет второе значение из области риторики – это «стилистическая фигура явного и намеренного преувеличения, с целью усиления выразительности и подчеркивания сказанной мысли»¹³.

С древнегреческого языка «гипербола» переводится как «переход; чрезмерность, избыток; преувеличение»¹⁴ – с помощью гиперболоида инженер Гарин способствует *переходу* живых в царство мертвых, целого в части, а также имеет *избыток* амбиций и *преувеличение* своей собственной значимости. Таким образом, слово «гипербола» в названии романа – это метафора, имеющая «коммуникационную ценность»¹⁵, сообщающее читателю, что будет говориться о чем-то преувеличенном. Надо сказать, что с первых страниц романа понятно, что речь в романе пойдет о гордыне, тщеславии и жадности, потому что риторика, использующаяся при описании гостиницы «Мажестик», следующая: великолепный холл, драгоценные ковры, «верховный швейцар»¹⁶, «духовный заместитель»¹⁷, приправленная как острым соусом красота, ее обитатели «плели из воздуха деньги»¹⁸, «по колена в золоте»¹⁹.

Об изобретенных тепловых лучах ходили слухи в начале XX в., но никто из изобретателей, ни Никола Тесла, ни русский полимат Михаил Михайлович Филиппов, ни другие ученые, вдохновленные придуманным Гербертом Уэллсом аппаратом, не запатентовали ни одного устройства и не продемонстрировали ни одной подобной работающей установки. Таким образом, гиперболоид, принадлежащий к миру 3, длительное время не был реализован в мире 1. Устройства, названные «лазерами», испускающие тепловые лучи, лучи смерти, появились лишь во второй половине XX в.: в 1954 г. был создан предшественник лазера, работающий на волнах большей длины, – мазер; среди физиков, занимающихся этой проблематикой, были советские ученые Александр Михайлович Прохоров и Николай Геннадиевич Басов и американский учёный Чарлз Хард Таунс (все трое десятилетие спустя получили за данные разработки Нобелевскую премию в области физики). В 1959 г. американский физик Гордон Гулд предложил использовать слово «лазер» и запатентовал устройство под этим названием, а через год американский физик Теодор Майман в научном журнале «Nature» опубликовал заметку о созданном им лазере²⁰ и вскоре публично продемонстрировал созданное им устройство в работе.

В русском языке для обозначения индивидуального оружия, испускающего смертельные лучи, стали использовать английское слово «бластер», т. е. «взрыватель», в английском языке это семейство оружия обозначается «gaugun», что дословно можно перевести как «лучевое ружье». Термин «gaugun» впервые появился в непереведенном на русский язык произведении британского писателя Виктора Руссо «The Messiah of the Cylinder», которое было опубликовано в 1917 г.

До недавнего времени лазерное оружие оставалось атрибутом придуманных армий из научно-фантастических текстов различных семиотических систем, но в декабре 2015 г. и январе 2016 г. в научно-популярных СМИ начали появляться статьи, рассказывающие о лазерном оружии в армиях разных стран мира. Новостной портал телекомпании CNN сообщил о том, что к 2020 г. лазерным оружием будут оснащены истребители ВВС США. Более того, инженеры стоят на пороге изобретения защитного лазерного щита, и, как отмечено в статье, информация об этом устройстве больше похожа на цитату из фантастической саги «Звездный путь» (Star Trek): объекты, попадающие внутрь «лазерного пузыря», выходят из строя или уничтожаются²¹. 7 января 2016 г. интернет-портал Popular Science сообщил, что лазерным оружием будут оснащены полиция и армия Китая²², и сделал в статье отсылку к приключенческому боевику 2015 г. «Звездные войны: Пробуждение силы» – продолжению космической оперы «Звездные войны», начавшейся в 1977 г. с первого фильма Джорджа Лукаса, в котором джедаи были вооружены лазерами.

Обе космические саги, «Звездный путь» и «Звездные войны», настолько успешны, что к настоящему моменту по франшизе созданы космические оперы из текстов, относящихся к разным семиотическим системам: полнометражные кинофильмы, мультфильмы и сериалы, видеоигры, книги и комиксы, объединенные единым сюжетом, а мальчишки всего мира мечтают об игрушечных бластерах, световых мечах, лазерных пушках. Не все детские фантазии бесплодны, например, 23-летний американский студент, изучающий химию и математику и собирающийся получить докторскую степень по физике в области оптики, размещает на своем канале в Youtube видео-ролики, демонстрирующие лазеры, сделанные им самостоятельно в домашних условиях. Один из его роликов, «Мой сделанный дома 40 Вт лазер» (My Homemade 40W LASER SHOTGUN!!!!!!)²³, был просмотрен более 8 300 000 раз.

Таким образом, очевидно, что лазер может стать доступным для широкой публики, также как ранее стала повсеместно использоваться лазерная указка. Но если даже лазерную указку можно использовать как оружие массового поражения – мы знаем многочисленные случаи попыток ослепить пилотов самолетов, – то обладание лазерным оружием может привести к еще более серьезным преступлениям. Эта мысль отсылает нас к известному высказыванию Роберта Хайнлайна из романа «Звёздный десант»: «Не существует опасного оружия, есть опасные люди». Автор данной статьи далека от мысли, что первый в США профессиональный

писатель-фантаст, обладатель технического образования Роберт Хайнлайн не считал оружие опасным в прямом понимании этого слова. Как известно, даже самое примитивное на взгляд современного человека оружие может быть опасным – вспомним обточенный Профессором Ка камень, названный *Оно*, из одноименного рассказа Умберто Эко: «Этот предмет был задуман как орудие мирного труда, прогресса, но теперь я вижу, что Оно несет с собой смерть»²⁴. *Оно* стало орудием убийства в руках Генерала, когда Профессор Ка отказался знакомить мир со своим открытием:

Оно не выйдет за порог этой пещеры.

– А я говорю – выйдет, и сейчас же, во славу Орды, цивилизации, ради блага народа, ради Мира! – закричал Генерал. Он схватил камень правой рукой, как это только что делал сам Ка, и с силой, с гневом, с ненавистью обрушил его на голову Профессора. Ка рухнул на пол, орошая кровью все вокруг.

Генерал в ужасе смотрел на оружие, которое сжимал в руке. Потом торжествующе улыбнулся, и в улыбке его была жестокость, была беспощадность.

– Первый... – прошептал он²⁵.

В рассказе Умберто Эко Генерал говорил о том, что Оно поможет властвовать над другим племенем. Эта же идея овладевает героем романа А.Н. Толстого инженером Гариным – *гиперболизированное* желание повелевать. То есть главный персонаж романа Толстого выдвигает пропозиционные установки²⁶, ставит перед собой цель, которая меняет структуру навыков Гарина, – он применяет *гиперболоид*, чтобы стать королем мира. Если вернуться к концепции Карда Поппера о трех мирах и проблеме достижении объективного знания, то познание начинается с осознания проблемы, с намерений и размышлений – оба термина принадлежат к миру 2, они способствуют выдвигению теорий и выработке объективного знания – составляют часть мира 3 и реализуются в артефакты, относящиеся к миру 1. Итак, богатое поэтическое воображение Герберта Уэллса и Алексея Николаевича Толстого из мира 2 инспирировало воображение (также термин из мира 2) ученых, понимающих законы физического мира 1, разработать теории (мир 2) и способствовать росту объективного знания (мир 2), что привело к появлению в мире 1 новых артефактов. Это вызвало появление новых проблем как в области естественных наук: поиск применения лазеров в разных областях человеческой деятельности, расширение его возможностей и технических характеристик (мир 1), так и в области гуманитарных наук, так как «Гарины», среди которых,

впрочем, нет инженеров и ученых, – это подходящая метафора для обозначения аморальных людей, имеющих гиперболизированные амбиции и тщеславие, а значит, необходима рефлексия на темы этики науки, моральной ответственности политиков, военных, ученых и мониторинга их деятельности.

Примечания

- ¹ *Hall M.* Sci-fi writers join war on terror [Электронный ресурс] // USA TODAY. URL: http://usatoday30.usatoday.com/tech/science/2007-05-29-deviant-thinkers-security_N.htm (дата обращения: 05.01.2016).
- ² *Поннер К.* Знание и психофизическая проблема. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 21.
- ³ Там же. С. 168.
- ⁴ *Эко У.* Роль читателя. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 406.
- ⁵ См.: Различие между названным и описанным // Там же. С. 408.
- ⁶ *Поннер К.* Указ. соч. С. 128.
- ⁷ Там же. С. 18.
- ⁸ *Толстой А.Н.* Как мы пишем [Электронный ресурс] // Б-ка рус. и сов. классики. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/tolstoyan-ss1086-10/tolstoyan-ss1086-10.html#s001039> (дата обращения: 04.01.2016).
- ⁹ *Уэллс Г.* Война миров // Азимов А., Уэллс Г. Стальные пещеры. Обнаженное солнце. Война миров. Остров доктора Моро. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 458.
- ¹⁰ *Толстой А.Н.* Гиперболоид инженера Гарина. Рассказы. М.: Правда, 1988. С. 97.
- ¹¹ Там же. С. 30.
- ¹² *Jacobsen A.* The Pentagon's Brain: An Uncensored History of DARPA, America's Top-Secret Military Research Agency. N. Y.: Hachette Book Group, 2015. P. 150.
- ¹³ Гипербола (риторика) [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B0_\(%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B0_(%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0)) (дата обращения: 10.01.2016).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Эко У.* Роль читателя. С. 120.
- ¹⁶ *Толстой А.Н.* Указ. соч. С. 5.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 6.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: *Maiman T.H.* Stimulated Optical Radiation in Ruby // Nature. 1960. Vol. 187. P. 493.
- ²¹ См.: *Patterson T.* Laser-armed fighter jets by 2020 [Электронный ресурс] // Cable News Network. URL: <http://edition.cnn.com/2015/12/17/politics/us-air-force-laser-fighter-jet-weapons-research/index.html> (дата обращения: 11.01.2016).

- ²² *Lin J., Singer P.W.* Chinese soldiers have laser guns [Электронный ресурс] // Popular Science. URL: <http://www.popsci.com/chinese-soldiers-have-laser-guns?src=SOC&dom=fb> (дата обращения: 10.01.2016).
- ²³ См.: *My Homemade 40W LASER SHOTGUN!!!!* [Электронный ресурс] // Youtube.com. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=iVrJUbeuG44> (дата обращения: 18.01.2016).
- ²⁴ *Эко У.* Оно [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Б-ка Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/UMBEKO/umbekoit.txt> (дата обращения: 09.02.2016).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Эко У.* Роль читателя. С. 73.

Визуальные репрезентации социальных различий в конце XIX в.: «Художественный альбом фотографий с натуры» А.О. Карелина

Фотографии А.О. Карелина 1870–1890-х годов часто используются как иллюстрации ностальгических образов дореволюционного прошлого России, и этому способствует их изначальная художественная программа – фотограф стремился создать архаизирующие гармоничные образы нижегородской повседневности. В то же время условия возникновения этих образов позволяют увидеть ряд задействованных в них социальных и культурных противопоставлений, в частности, имеющих отношение к имперскому и колониальному опыту.

Ключевые слова: фотография, Андрей Осипович Карелин, Нижний Новгород, история повседневности, социальные различия, империя, колонизация.

Фотографии Нижнего Новгорода и его жителей, сделанные А.О. Карелиным в 1870–1890-е годы, как будто позволяют заглянуть в прошлое – увидеть Россию, какой она была до революции, взглянуть на живших тогда людей, сравнить облик знакомых улиц, какими они были тогда и сейчас. Во многом именно это предлагают многочисленные издания и переиздания работ фотографа, начиная с 1990-х годов¹. На фотографиях можно увидеть несохранившиеся ярмарочные ряды, снесенные церкви, памятники, но также и много частных деталей. Фотографии стали историческими документами, свидетельствами об исчезнувшей эпохе, но также и источником ностальгических воспоминаний о лучших временах.

© Савицкий Е.Е., 2017

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности».

В какой-то мере фотографии для этого и создавались – в них изначально вписана ностальгия, историческое желание запечатлеть исчезающее настоящее – облик людей, меняющийся вид улиц, значимые события². Многие из них использовались для изготовления открыток, где ясные подписи «Ярмарочный мост и Александроневский собор», «Ярмарка», «Главный ярмарочный дом», «Кафедральный собор и Коромыслова башня»³ четко идентифицируют то, что изображено и что зрителю предлагается увидеть.

В то же время все эти изображения не сводятся к документальным свидетельствам, они часто избыточны для этого – слишком живописна перспектива, слишком искусственным оказывается тот или иной взгляд на город. Фотографии Карелина являются также художественными произведениями, и тут можно увидеть одно из заключенных в них противоречий – они свидетельствуют о своем настоящем художественными средствами, пытаются сообщить исторические сведения посредством фикционального, через обман, за который издавна упрекали художников. Это фотографии, при взгляде на которые трудно ограничиться научно-констатирующими высказываниями вроде «по такому-то адресу раньше располагалась церковь Алексея Митрополита и небольшой рынок при ней»⁴, эти фотографии доставляют зрителю удовольствие, позволяют ему погрузиться в грезы о былых временах, совершить воображаемое путешествие в далекий Нижний Новгород того времени, ну или хотя бы получить оттуда открытку. Таким образом, разговор об этих фотографиях каждый раз вовлекает не только то, что в них есть, но и то, что дополнительно привносится направленными на них взглядами, историзирующими или анахроничными способами рассматривать их (что часто совпадает), использованием их как документа или как эстетического объекта. Это взгляды, которые сами имеют историю, возникают на пересечении того взгляда, что предполагается фотографией, как бы направлен из нее на зрителя, и тех навыков видения, что привносятся зрителем. Таким образом, всякая фотография оказывается вовсе не стабильным объектом, а местом борьбы этих двух взглядов, столкновения власти художника и власти зрителя. Причем мы никогда не можем быть уверены в том, что именно говорит направленный на нас взгляд Карелина, эта авторская инстанция вовсе не гарантирует какой-то определенной аутентичности. Они будут частью того исторического воображаемого, которое конструируется сохранившимися фотографиями.

Впрочем, многие фотографии Карелина сами указывают на свою инсценированность, художественность, неподлинность, особенно это касается сцен из повседневной жизни, снятых

в студийных интерьерах, где ничто – ни обстановка комнаты, ни позы фотографируемых, ни род их занятий – не является естественным, настоящим, пусть эти снимки и называются по-магриттовски «Художественный альбом фотографий с натуры»⁵. Конечно, между художественностью и истиной не обязательно должно быть противоречие. Так, Карло Гинзбург в своей статье о художественном приеме «остранения» (романтическое остранение повседневности довольно обычно у Карелина) напоминает о том, что уже в античных теориях риторики искусство рассматривалось как то, что позволяет лучше выступать истине из ее сокрытости, делать истину более действенной, наделять ее большей силой⁶. То, что историк пользуется этой силой, делает его утверждения, по мнению Гинзбурга, не слабее, а, наоборот, более прочными, ни в коей мере не ведет к историческому релятивизму. Но там, где идет речь о силе и ее применении, конечно, всегда возникают подозрения относительно того, всегда ли это применение силы правомерно, и есть даже люди, мечтающие о мире вообще без насилия. Так, изображения, особенно те, что создавались в Новое время, как научные, так и художественные (хотя они до относительно недавнего времени разделялись не очень четко), заслужили упрек в том, что создают определенную картину мира, заставляя его представлять перед взглядом наблюдателя определенным образом; они не столько нейтрально фиксируют происходящее, сколько подчиняют его рамкам изображения, существующим способам репрезентации, оказываются способом визуальной колонизации окружающего мира, функцией желания совладать с ним, подчинить его своей власти⁷.

И действительно, если взять фотографии Карелина, то следы осуществляемой художником власти не придется долго искать. Еще до того, как мы взглянули на сами фотографии, блестящие золотые оттиски на их рамках сообщают о принадлежности фотографа Императорской академии художеств, о полученных фотографом премиях на международных выставках в Петербурге, Париже, Филадельфии и Эдинбурге⁸ – выставках, ставших к концу XIX в. важным местом утверждения имперского престижа. Ту же вовлеченность во властные отношения можно увидеть и в альбоме «Нижний Новгород», изготовленном Карелиным совместно И.И. Шишкиным и преподнесенном Александру II во время посещения им города⁹. Фотографии альбома, многие из которых потом печатались отдельно, показывают город таким, каким ему следовало выглядеть в глазах императора. Позднейшее тиражирование таких снимков предполагало узнавание в этом взгляде своего собственного восприятия города, выстраивание определенной идентификации. Также властной репрезентации служит и целый ряд порт-

ретов: великого князя Алексея Александровича, принца Альфреда, герцога Эдинбургского, нижегородского губернатора П.Ф. Унтербергера или епископа Нижегородского и Арзамасского Владимира¹⁰. Это изображения из тех, что действительно имеют собственную силу, и именно потому на них так часто бывают направлены акты иконоборчества: сжигание или повреждение портретов, опрокидывание или подрыв памятников. Фотография заимствует ауру власти у тех, с кем она имеет дело. Но, может быть, не менее важна власть, осуществляемая фотографией иначе: через помещение фотографируемых в кадр, принуждение их соответствовать определенному образу, предписываемому взглядом художника, который на самом деле вовсе не ограничивается рамками изображения, но, как уже говорилось, пересекает их и достигает зрителя.

Рис. 1

Здесь как раз особенно показательны «Художественные фотографии с натуры». На одной из них, названной «Крестьянка»¹¹ (рис. 1), перед нами сидит девушка в крестьянском наряде, которая держит в руках вышивание с народными орнаментами. Вышиваемые орнаменты уже маркируют ее для знатока как определенный социальный и этнический тип, фотография тем самым показывает не столько конкретного человека, а производит его типизацию: перед нами крестьянка. Вот как они, крестьянки, выглядят у нас в Нижнем Новгороде. Человек с его индивидуальной жизненной историей оказывается удобным объектом классификации, упорядочивания, определения для тех, кто любит говорить о «крестьянах», их проблемах и надобностях, о необходимости сохранять или реформировать жизнь крестьянства¹². Не менее примечателен тут и взгляд крестьянки: она смотрит на нас прямо, просто уставившись в фотокамеру. «Крестьянка» могла бы отвести взгляд в сторону, словно дружески беседуя с кем-то, как на «Портрете девушки», или задумчиво опустить и полуприкрыть глаза, как «Девушка у окна» или «Подруги»¹³, т. е. она могла бы как-то позиционировать

себя при помощи своего взгляда, но не делает этого, просто глядя перед собой прямо. Точнее, Карелин, инсценировавший это изображение, нарядивший одну из знакомых его семьи в «деревенское» платье¹⁴, не позволяет «крестьянке» это сделать, делая ее инсценированный взгляд лишенным всякой инсценированности. Что это может означать? Отсылает ли это к простоте девушки? К тому, что она в отличие от не лишенных европейскости мещанок в «Девушке у окна» и «Портрете девушки» не способна вообразить себя кем-то еще, создать фикцию себя, различие «внутреннего» и «внешнего», что подразумевает уже некоторую гибкость этого «внутреннего»¹⁵? Репрезентирует ли она тем самым традиционную культуру с ее недостаточной подвижностью, открытостью для воображения другого?

Как бы то ни было, взгляд «крестьянки» не кажется особо возвышенным или одухотворенным, она не выглядит образованной и умной девушкой. Подобным образом сфотографированы и «Девушка в пореченском костюме» (та же самая девушка) и девушка «За вышиванием». Они точно так же смотрят прямо в кадр, фотограф заставляет «крестьянок» смотреть туда, лишая их доступной девушкам из среднего класса сокрытости, приватности. Глазам крестьянок негде укрыться, они полностью во власти фотографа, который, словно гофмановский Коппелиус, раз за разом присваивает их себе. Пусть позирующие девушки не были настоящими крестьянками, созданный художником фикциональный образ обретает собственную реальность в ряду других, описанных, например, в книге «Визуальное народоведение империи» Е.А. Вишленковой¹⁶, где подробно исследуются как этнические стереотипы, фантазии, научные теории, касающиеся физиогномики и культурно-психологических свойств народа, но они участвовали в выстраивании границ между социальными и этническими группами. Подобный этнических фотографий довольно много и у Карелина, некоторые из них включены и в «Художественный альбом фотографий с натуры», другие – в альбом для Александра II¹⁷. Опять же фотография оказывается тем, что позволяет классифицировать людей, она фиксирует «визуальные очевидности», активно конструируя их.

Карелин любит фотографировать женские типы. Современные феминистские критики обратили бы внимание на то, что всюду женщины изображены приятными, приветливыми или погруженными в себя, так или иначе – послушными. Снимая представительниц среднего класса и делая их возвышенно-привлекательными, Карелин во многом ориентируется на типы прекрасных женских головок, распространенные в живописи XIX в. (с «галереями красавиц» в домах аристократов того времени, которым стремились

подражать выходцы из более низких сословий; фотография создавала относительно дешевые возможности для этого). В живописи этой эпохи известны, однако, и типы гневных, безумных, испуганных или страдающих женщин¹⁸, каковых у Карелина в «фотографиях с натуры» нет, но есть мирные сцены досуга с читающими и вышивающими женщинами рядом со своими мужьями. Таким образом, фотография участвует в создании рамок для поведения женщины, делает ее воплощением стереотипных образов, которые, особенно по прошествии времени, создают впечатление патриархальной благостности. Кроме того, эти фотографии женщин также выполняют функцию социальной дифференциации. В отличие от бродячих музыкантов или нищих, которые ни разу не помещаются во внутреннее пространство дома, и в отличие от крестьянок, чьи взгляды лишены какой-либо сокрытости или приватности и которые снимаются на однородном темном фоне, мещанки пребывают во внутреннем пространстве дома (студии, имитирующей престижные интерьеры), их глаза не смотрят прямо в камеру.

Все эти идеально-приватные фотографии, даже с внучкой, любовно положившей голову на плечо бабушки¹⁹, опять же полностью инсценированы, как на это указывают повторяющиеся детали интерьера, возможность появления тех же людей в других костюмах. Они не способны показать какую-то подлинную частную жизнь, какой она была в то время, но тем не менее они показывают, как эта жизнь могла воображаться, и тот, кто видел эти фотографии, ощущал на себе тот эталонный, нормирующий взгляд, который этими образами воплощался.

В исследованиях по истории частной жизни в XIX в. не раз отмечалось, что способность женщины к такой приватности была одним из главных критериев буржуазности. Одновременно вызвали озабоченность те проживавшие в городах женщины, которые были лишены таких частных пространств, проводили свое время в основном на улице, подвергая себя, но также и других, различным опасностям. В связи с этим не последнюю роль играли колониальные сравнения – успехи в приучении к цивилизованной частной жизни «дикарей» в Африке или Азии делали еще более настоящей борьбу с «дикостью» социальных низов в самих метрополиях, жители которых тем более должны быть способны устроить свой дом должным образом²⁰. Иными словами, эти фотографии «частной жизни» непосредственно соотносятся с «крестьянскими типами» в том же альбоме. Можно сказать, что они имеют отношение к тому, что А. Эткин называет «внутренней колонизацией» России²¹. Как прогресс цивилизованности демонстрируют

Рис. 2

благоустроенные улицы европейских городов, отличающиеся от беспорядочного и пыльного нагромождения хижин в африканских деревнях, так и улицы Нижнего Новгорода на городских снимках Карелина лишены облаков пыли²², а интерьеры всегда отличаются чистотой и упорядоченностью. Среди фотографий даже можно найти сцену уборки в соединении с, возможно, не вполне чистыми помыслами одного из героев: молодой господин тянет за фартук горничную, вытирающую пыль со статуэтки на окне²³ (рис. 2). Статуэтку не очень хорошо видно, но она появляется более четко на нескольких других фотографиях²⁴ и представляет собой,

по-видимому, творческое переосмысление образа Вакха на известной картине Караваджо 1595 г. Трудно сказать, выполняет ли эта статуя какую-то аллегорическую функцию, отсылает ли она к дурманящему опьянению и чувственным удовольствиям. Рука горничной с тряпкой касается бедра Вакха, и точно так же в районе бедра самой горничной находится рука молодого господина. На зеркало, располагающееся в глубине изображения, накинута нечто вроде покрывала – возможно, это дополнительное указание на приватность происходящего, которое должно быть скрыто от отображений. Эта, в общем, невинная сцена флирта намекает тем не менее на наличие непристойной изнанки благообразной частной жизни, и в этой пикантности, по-видимому, и заключена предполагаемая художником привлекательность фотографии. При этом, понятно, у Карелина нет фотографий, где подобный флирт был бы возможен между госпожой и кем-то из мужской прислуги, такая фотография не выглядела бы веселой для того мужского взгляда, которому она, как и другие в этом альбоме, предназначена.

Сцены флирта, где активной стороной выступает мужчина, можно увидеть и на фотографиях «Угощение I» (рис. 3) и «Угощение II»²⁵, где по-крестьянски одетый молодой человек (предположительно – сын Карелина Аполлон) берет за руку крестьянскую

же девушку (А.П. Павлинова, которая ранее появлялась в сценах «буржуазной» жизни), нечто наливающую ему из кувшина. На первой фотографии девушка кажется еще застигнутой врасплох или просто не противящейся прикосновению, на второй она слегка отстраняется, но здесь и взгляд молодого человека уже не столь робок, как на первом снимке. Действие происходит под образами, поэтому намерения у молодого человека, по-видимому, самые светлые, но тем не менее его прикосновение к руке девушки, возможно даже, попытка эту руку удержать представляет собой довольно смелый поступок. Для сравнения можно упомянуть известную историю с увольнением примерно в те же годы директора Берлинской национальной галереи Гуго фон Чуди, причиной которого послужило приобретение за государственные средства картины, по мнению критиков, откровенно развратного содержания: это было теперь уже довольно известное полотно Эдуарда Мане «В зимнем саду» (1878–1879), где женщина положила на спинку скамейки руку, с которой снята перчатка, а склонившийся рядом мужчина почти касается этой руки двумя пальцами. Изображены были, на самом деле, друзья художника, супруги Гийомэ, но карьеру директора это обстоятельство не спасло.

У Карелина крестьянский молодой человек позволяет себе больше, чем это было бы дозволено среди приличных людей. Сама фотография содержит пикантность, которая в то время воспринималась серьезней, чем сегодня, когда телесные каноны стали не такими строгими. Тем не менее эта пикантность оказывается дозволена, поскольку опять же отсылает к социальным различиям. Как и в случае с прикосновением к фартуку горничной, тут зритель имеет дело с людьми, в отношении которых и среди которых подобные прикосновения дозволены. Эти люди ведут менее приличный образ жизни, нежели представители мещанского среднего класса. Как и в случае с изображениями обнаженных дикарей

Рис. 3

Рис. 4

и дикарок на этно-фотографиях того времени, тут действуют иные критерии дозволенного обращения с телом, дозволенности его репрезентаций. Фотография предполагает взгляд господина, способного самостоятельно устанавливать границы изображаемого, к чему не способны напрасно пытающиеся отвернуться крестьянская девушка в «Угощении II» или продавщица ягод на других парных фотографиях, «Покупка ягод I» (рис. 4) и «Покупка ягод II»²⁶. На обеих некий бородатый мужчина (возможно, сам Карелин) берет за подбородок молоденькую продавщицу ягод, предлагающую ему свой товар. Они стоят на лестнице довольно странной, потому что при сравнении двух фотографий видно, что она никуда не ведет, странно тут также расположение окна, возможно, на изображении что-то было смонтировано. По отдельности, однако, эти снимки не вызывают путаницы и выглядят так, что лестница ведет куда-то внутрь дома, откуда вышел этот бородатый господин. В обоих случаях под рукой он держит небольшую папку с завязками, возможно, это художник, который обращается к приглянувшейся ему девушке с просьбой позировать ему. Но примечательно, что этот господин считает вполне приличным взять девушку за подбородок даже тогда, когда она пытается отвернуться. Важно, что здесь идет речь не только о некоей закадровой реальности, позволяющей увидеть нам разные каноны телесного поведения, работающие в них социальные различия. Сама фотографическая камера оказывается способом манипулировать женскими телами, при этом границы такого манипулирования различные для разного рода тел.

В этом же «Художественном альбоме фотографий с натуры» можно найти и изображения нищих. Нищие в то время были предметом большого общественного интереса, в духе новейших интеллектуальных течений они стали рассматриваться как социальная (а не только дисциплинарная, криминальная, нравственная или религиозная) проблема²⁷. Это проявлялось как в активности разных

земских деятелей, этнографов и первых социологов по изучению жизни нищих, так и в искусстве того времени, которое довольно часто обращалось к сценам из жизни бродяг. У Карелина эти люди живописны, что служит идеализации общества. Карелин изображает нищих, выглядящих отнюдь не отвратительно, в тот самый момент, когда они смиренно просят подавания и получают его от добросердечных нижегородцев. На одной фотографии («Подаяние I») ²⁸ видим двух женщин-нищенок, одна из них стоит, а другая сидит с маленьким ребенком на руках, рядом опирается на палку молодой человек, возможно, инвалид. Быть может, это семья, оставшаяся без кормильца и потому бедствующая. Им подает девушка в белом (или просто светлом) платье и шляпке с бантом (это снова А.П. Павлинова). По-видимому, у той же самой двери происходит «Подаяние IV» ²⁹, здесь дама в полосатом платье, в шляпке и с зонтиком подает одетым в лапти благообразному старику и мальчику – у старика почти апостольский лик с высоким лысым лбом, бородой, вытянутым лицом. В «Подаянии III» ³⁰ (рис. 5) действие происходит, кажется, на той же загадочной, никуда не ведущей лестнице, что и в случае с продавщицей ягод. На лестнице устроились снова пожилой нищий и мальчик – ровно тот же, что сопровождает благообразного нищего в «Подаянии IV». В «Подаянии III» хорошо видны глаза нищего – они закрыты, по-видимому, этот человек слеп, а мальчик служит ему поводырем. В «Подаянии II» ³¹ нищий (лицом похож на предыдущего, но одет иначе) передвигается вполне самостоятельно, а мальчик (снова тот же самый мальчик) вовсе не сопровождает его, а сидит перед входом в дом и чистит медную посуду. Помещенные рядом эти фотографии удивляют совмещением искреннего пафоса милосердия, сострадания к бедствующим людям и абсолютной инсценированностью этих весьма правдоподобных сцен. Здесь воспроизводится определенная иконография нищенства. Это понятные, управляемые

Рис. 5

нищие, картины аллегорически изображают милосердие. Проблема нищенства в каком-то ином ключе тут не ставится. При этом инсценированность несчастий не должна, по-видимому, вызывать подозрений, что и настоящие нищие могут свои бедствия инсценировать (о чем неоднократно говорилось в отчетах специальных комиссий того времени, рассказывавших о целых деревнях, для которых нищенство было доходным отхожим промыслом, собранные пуды хлеба потом с прибылью продавались на рынке, или о бродягах, которых мыли, снабжали хорошей одеждой и высылали из городов, в итоге эти люди катались на поездах по России за казенный счет, выгодно продавая выданное им, и т. п.)³². Фотография рассматривается тут как художественное произведение, наподобие написанной красками картины, которая может достоверно изображать реально не существующее, придуманное художником. При этом Карелин воспроизводит довольно архаичный уже для того времени образ нищенства, что вполне соответствует общей ностальгической тональности его фотографий – которая, впрочем, не всегда считается сегодня, когда такие снимки публикуются как подлинные изображения утраченной нами дореволюционной России.

С образами нищих у Карелина сопоставимы фотографии бедных уличных музыкантов в «Сцене у окна» и собственно в «Уличных музыкантах»³³. На второй фотографии хорошо виден заштопанный рваный карман одного из них, играющего на волынке; лица по крайней мере двух музыкантов кажутся смуглыми; возможно, они откуда-то с юга. На первой фотографии видно только волынщика, который играет музыку для собравшейся у окна семьи, сам оставаясь при этом, однако, на улице (хотя это вообще-то окно второго этажа с балконом перед ним, что хорошо видно на фотографии «Игра в жмурки»³⁴, т. е. это не совсем внешнее пространство, но по фотографии с музыкантом это не очень понятно). Образ бедного музыканта довольно часто встречается в европейской культуре романтизма и бидермайера («Кавалер Глюк» Э.Т.А. Гофмана, «Бедный музыкант» Ф. Грильпарцера и пр.), и музыкант Карелина не лишен некоторого романтизма, но он дважды заключается в рамки – в рамки фотографического кадра и в рамки окна, по другую сторону от которого он вынужден оставаться, не имея возможности войти внутрь. Это эгалитарный романтизм, который знает свое место³⁵.

В фотографиях Карелина из «Художественного альбома» можно найти и другие цитаты. Одна из самых замечательных работ в этом отношении – «Путешественники»³⁶ (рис. 6). Они напоминают одновременно и знаменитых «Послов» Гольбейна, также одетых

в меха, с инструментами знания, расположенными посередине; как и там, тут фигурируют раскрытая книга и глобус. Анаморфический череп, конечно, отсутствует, и какой-либо замены ему, кажется, нет, так что заимствуется только живописная композиция без ее беспокоящего подтекста. Картину можно, однако, сопоставить и с другими не менее известными произведениями, и к такому сравнению приглашает свет, падающий через большое раскрытое окно слева, как это часто бывает у Вермеера, в частности в его картинах «Географ» и «Астроном». На них также можно увидеть исследователей, склонившихся над картами или глобусом звездного неба в своих кабинетах.

Рис. 6

Дж. Крэри в книге «Техники наблюдателя» вписывает эти образы в предысторию фотографии, видя в них знак субъективации зрения в XVII в.: зритель отделяется от мира, образы проецируются извне во внутреннее пространство сознания, устроенное подобно камере обскуре, и этот внутренний взгляд, способный перепроверять увиденное, оказывается важнее, чем непосредственно окружающая действительность, именно поэтому ученые у Вермеера не выглядывают в окно, они целиком погружены в созерцание своих инструментов познания³⁷. Подобное субъективное конструирование знания о внешнем мире можно найти и у Карелина, и поэтому неслучайно, что в его фотографии можно увидеть сходство с «Географом» и «Астрономом».

Один из запечатленных на фотографии путешественников предположительно идентифицируется как П.Я. Пясецкий, военный врач, участвовавший в экспедициях в Китай и на Дальний Восток, воевавший в Турции в 1877–1878 гг., но известный также и как автор книг «Путешествие по Китаю», «О медицине и санитарных условиях Китая», «Два месяца в Габрове. Военные воспоминания». Пясецкий был также художником-любителем, в 1870-е годы, во время службы в Петербурге, он посещал занятия в Академии художеств, к которой принадлежал Карелин,

и создал картины-панорамы «От середины Китая до Западной Сибири» (72 м), «Панорама Закаспийской железной дороги» (120 м), «Панорама Персии» (59,6 м на 48,5 см)³⁸, движущуюся панораму Транссиба «Великий Сибирский путь» (940 м), выполненную для Всемирной выставки в Париже 1900 г. (посетители выставки могли наблюдать ее из окна образцового спального вагона, как бы следующего по Транссибу, при этом визуальное удовольствие совмещалось с возможностью одновременно отведать на «остановках» различные соответствующие этому месту явства³⁹), а также ряд других полотен. В общем, это человек, вполне заслуживший упоминания в таких книгах, как «Ориентализм» Э. Саида. В то же время, есть некоторая комичность в этих образах путешественников, снарядившихся в дальний путь, одевшихся в меховые одежды и со всей решительностью усевшихся за изучение своего маршрута, с книгой и глобусом, по которому, конечно, невозможно путешествовать (так же, как невозможно нарисовать «Панораму Персии» или Китай вместе с Западной Сибирью). Возможно, для Карелина – это друзья-мечтатели, вроде флюберовских Буvara и Пекюше, или кто-то из персонажей Карла Шпицвега («Письмоводитель», тоже с отсылкой к Вермееру, или «Любитель кактусов»). Оба господина выглядят, однако, как деловые люди, на них хорошие костюмы, у спутника Пясецкого – золотая цепочка для часов. Возможно, они планируют какое-то деловое предприятие, и действительно, конец XIX в. – это время, когда в городах Поволжья активно обсуждались планы хозяйственного использования северных заволжских просторов, прокладки туда железных дорог, строительства заводов, освоения залежей природных богатств⁴⁰. Если присмотреться, куда именно на глобусе указывает палец одного из путешественников, то видно, что метит он куда-то в район Монголии или Восточного Туркестана. Как раз туда и на самом деле отправлялись в то время экспедиции, имевшие целью как научное изучение этих регионов, так и подготовку их возможного военного использования на случай войны с Англией⁴¹. Россия пытается расширить свое влияние на северных и восточных окраинах слабеющего Цинского Китая. Можно ли увидеть в этой картине иронию по поводу правительственной политики и великих колониальных планов нижегородского купечества, самым ярким выражением которых станет помпезная выставка 1896 г.? До Цусимы еще далеко, и ни одна из других фотографий альбома не претендует на социальную критику; скорее, они стремятся каждый раз создать образы людей, которые были бы узнаваемы как художественные, живописные, сделать изображаемых людей или сцены интересными, для чего интерьеры обставляются

всевозможными аксессуарами, которые сегодня могут вызывать не только ностальгию, но и иронию.

Насколько эта ирония присуща самому Карелину, который и на этих, и на других фотографиях играет с образами, сочиняет то, что для доверчивого зрителя может сойти за чистую правду? Одна из его фотографий прямо изображает игру – игру в жмурки на террасе дома⁴² – по-видимому, это та самая терраса, на которой и бедный музыкант стоял перед окном, и слепой нищий сидел с поводырем, и продавщица ягод пыталась увернуться от вызывающих смущение предложений бородатого господина в шляпе. Изображение веселых народных игр, конечно, тоже можно найти в истории живописи, особенно у голландцев, и художественное произведение Карелина наверняка отсылает к этому знанию из истории искусства. Только тот, кто достаточно хорошо знает эту историю, может должным образом увидеть фотографии позирующих нижегородцев; они видимы в той мере, в какой оказываются одновременно персонажами европейской истории искусства. Фотография с игрой в жмурки примечательна еще и тем, что в ней Карелину удалось передать движение, причем быстрое, спонтанное, что было трудно при фотографической технике того времени, требовавшей длительной выдержки. Тем самым фотография не просто показывает сценку игры, но и, с отсылкой к художественности, обращает внимание на свои собственные возможности, на умения того, кем она была сделана, и это было немаловажно для продвижения фигуры автора на художественном рынке. «Игра в жмурки» демонстрирует уже игру двух планов – содержательного и технического, которые взаимно друг друга поддерживают. При этом содержательная сторона здесь интересна сама по себе. Вообще говоря, снимок напоминает больше не народные игры на картинах голландцев, а праздники Ватто с их театральностью, нарочитой постановочностью. Сложность в передаче движения все же не позволила избежать некоторой искусственности поз, в которых замерли фотографируемые. Можно ли увидеть в их имитирующих подвижность позах какой-то смысл, кроме создания живописной сцены? Здесь опять возникает вопрос о пресловутом романтизме Карелина, так часто упоминаемом в посвященных ему исследованиях. Тоска по искренним, а не постановочным праздникам то и дело возникала в пост-руссоистской культуре⁴³, образцом могли быть и крестьянские, и детские праздники с их непосредственным весельем и то, что Карелин делает детское веселье предметом своего изображения, также, по-видимому, не лишено романтически-руссоистских нот. В то же время это веселье опять же ограничено замкнутым

пространством двора, и эту замкнутость удваивает круг, образуемый играющими. Это веселье, знающее свои пределы.

Таким образом, можно не согласиться с исследователями, которые отмечают у Карелина отсутствие интереса к репрезентации социальных границ и различий, стремление к отображению преимущественно «поэтических сторон жизни»⁴⁴, но и во многом именно благодаря таким особенностям фотографии Карелина оказались столь востребованными в постсоветской ностальгии по дореволюционному прошлому. Понимание места фотографии в имперской культуре России 1870–1890-х годов. у Карелина не всегда эксплицитно, но все же может быть предметом исследования.

Примечания

¹ *Карелин А.О.* Творческое наследие нижегородского художника и фотографа / Сост. А.А. Семенов, М.М. Хорев. Н. Новгород: Арника, 1994; Андрей Карелин: портрет в интерьере / Сост. Т.Г. Сабурова. М.: ГИМ, 2006. Нижегородская фотография: город, люди, события, 1843–1917 / Сост. Я. Гройсман. Нижний Новгород: Деком, 2012; и мн. др. Работы Карелина довольно хорошо представлены и в интернете, см., например: Андрей Осипович Карелин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.karelin.nino.ru>. (дата обращения: 19.07.2017).

² При этом лишь немногие фотографии показывают сам процесс изменений: «Ремонт дома» (Андрей Карелин: портрет в интерьере... С. 46.) или «Вид на северо-западную часть Нижегородского кремля» с новым, построенным по американскому образцу парохомом «Колорадо» у Нижневолжской набережной (*Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 113.); «Новостроящаяся Козьмодемьянская церковь на Софроновской площади» (*Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 105), и др.

³ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 9–10, 13, 15.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Там же. С. 25–90. Сохранившийся экземпляр альбома можно увидеть, например, в собрании Музея А.М. Горького в Нижнем Новгороде.

⁶ *Гинзбург К.* Остранение: Предыстория одного литературного приема // НЛО. 2006. № 80. С. 9–29.

⁷ *Хайдеггер М.* Время картины мира // *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 41–62; *Сауд Э.* Ориентализм. М.: Рус. мир, 2006.

⁸ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 275, 279, 283, 286.

⁹ Там же. С. 145–163.

¹⁰ Там же. С. 225, 227, 235, 237.

¹¹ Там же. С. 25.

- ¹² Ср.: *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: НЛО, 2006.
- ¹³ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 26–27, 30.
- ¹⁴ Эта же девушка появляется гримасничающей с цветком на фотографии «Девушка с розой» или на первом плане в «Любительницах гравюр» вместе с женой и дочерьми Карелина (*Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 31, 62). Сохранилась также идентифицированная как «Портрет Раткевич» фотография этой девушки полуодетой и прихорашивающейся перед зеркалом (Андрей Карелин: Портрет в интерьере... С. 43.).
- ¹⁵ О неспособности крестьянина/неевропейца сер. XX в. и эпохи Ренессанса вообразить себя кем-то еще см.: *Гринблатт С.* Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира // НЛО. 1999. № 35. С. 34–77.
- ¹⁶ *Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011.
- ¹⁷ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 35, 80, 160–167.
- ¹⁸ См., например: *Wedekind G.* Le portrait mis à nu. Théodore Géricault und die Monomanen. Berlin; München: Dt. Kunstverlag, 2007.
- ¹⁹ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 41.
- ²⁰ *Comaroff J., Comaroff J.L.* Of Revelation and Revolution: In 2 vols. Vol. 2. The Dialectics of Modernity on a South African Frontier. L., Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 274–323.
- ²¹ *Эткинд А.* Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М.: НЛО, 2013.
- ²² *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 114–143. Лишь на одной известной мне фотографии на первом плане видна грязная лужа: «Пожарное депо на ярмарке» (*Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 140). Пара других фотографий позволяет заметить полосу пыли на обочине проезжей части главных городских улиц (*Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 128, 132).
- ²³ Там же. С. 144.
- ²⁴ Там же. С. 44–45, 57, 63, 65.
- ²⁵ Там же. С. 72–73; Ср.: Андрей Карелин: портрет в интерьере... С. 56.
- ²⁶ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 88–89.
- ²⁷ См.: *Jahn H.* Armes Russland: Bettler und Notleidende in der Russischen Geschichte vom Mittelalter bis in die Gegenwart. Paderborn; München; Wien; Zürich: F. Schöning, 2010. S. 113–134.
- ²⁸ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 84.
- ²⁹ Там же. С. 87.
- ³⁰ Там же. С. 86.
- ³¹ Там же. С. 82.
- ³² *Jahn H.* Op. cit.
- ³³ *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 68–69.
- ³⁴ Там же. С. 77.
- ³⁵ Схоже построена и еще одна фотография Карелина, «Маленький оркестр», где состоящий из нескольких детей и взрослых оркестр играет перед домом с закрытыми окнами. В окнах виднеются три женских силуэта. Тут, однако, оркестр

- выглядит скорее любительским, нежели бродячим и побирающимся. Эту фотографию скорее можно соотнести с другой, изображающей детей с книжкой, сидящих и стоящих у стенки дома рядом с входом в полуподвальное помещение (*Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 82–83).
- ³⁶ Там же. С. 37; Существует и другой вариант этой фотографии, где глобус перемещен на пол и оба путешественника сидят за столом, при этом тот, что справа, показывает пальцем на ту же самую точку на глобусе, что и на первой фотографии: Фотография «Пясецкий и неизвестный» [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/58/Pyasetkiy_and_unknown_man.jpg?uselang=ru. (дата обращения: 19.07.2017).
- ³⁷ *Крэри Дж.* Техники наблюдателя: Видение и современность в XIX в. М.: V-A-C press, 2014. С. 45–90.
- ³⁸ *Адамова А.Т., Принцева Г.А.* Панорама Персии В.Я. Пясецкого: от Энзели до Тегерана. СПб.: Эрмитаж, 2015.
- ³⁹ *Рыбаченок И.С.* Россия на Всемирной выставке в Париже 1900 года // Россия и Франция, XVII–XVIII вв. Вып. 6 / Отв. ред. П. Черкасов. М.: Наука, 2005. С. 138.
- ⁴⁰ *Шперлинг В.* «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. НЛО, 2012. Т. 2. М.: С. 71–98.
- ⁴¹ *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: НЛО, 2009. С. 39–70.
- ⁴² *Карелин А.О.* Творческое наследие... С. 77; Ср.: «Игра» (Там же. С. 78).
- ⁴³ *Озуф М.* Революционный праздник, 1789–1799. М.: Яз. славян. культуры, 2003. С. 7–50.
- ⁴⁴ *Сабурова Т.Г.* Андрей Карелин: портрет на фоне русской фотографии // Андрей Карелин: портрет в интерьере... С. 11.

И.Н. Захарченко

Цифровые презентации искусства в контексте мультимедийных экспозиций: проблемы восприятия

Цифровая парадигма культуры формирует новые социокультурные практики, анализ которых открывает возможности обсуждать особенности современного культурного сознания. Обращение к актуальным способам предоставления художественной информации позволяет ставить вопрос о способах трансляции современного гуманитарного знания. Анализ цифровых презентаций искусства в формате мультимедийных экспозиций свидетельствует о новых алгоритмах как получения знаний об искусстве, так и художественного восприятия, которые соответствуют законам современных массовых зрелищ. Это делает мультимедийные экспозиции популярным видом досуга и прибыльным коммерческим продуктом.

Ключевые слова: медиатехнологии, художественная информация, художественное восприятие, цифровая копия, мультимедийная экспозиция.

В широком спектре проблем, связанных с изучением социокультурных практик эпохи «цифрового поворота», важное место занимает анализ художественной информации, формируемой современными технологиями. Большую роль в современном культурном пространстве играют цифровые, с использованием мультимедийных возможностей, презентации искусства в музейном и выставочном пространстве. Феномен мультимедийных экспозиций является специфическим культурным текстом, актуальность анализа которого связана с несколькими уровнями современных социокультурных исследований. Назовем, во-первых, проблему встраивания художественного восприятия в поток медиаинформации и рождение новых алгоритмов восприятия искусства, а во-вторых, дигитализацию восприятия музейного искусства как способа конструирования знания об искусстве и влияние формирующихся на этой основе рецепторных механизмов на идентичность современного человека. Обозначенная проблематика напрямую связана

с пониманием цифровой среды как нового многофункционального образовательного пространства, вырабатывающего современные способы трансляции гуманитарного знания.

Мультимедийные экспозиции, посвященные различным периодам истории искусства и обещающие знакомство с творчеством тех или иных знаменитых художников прошлого, являются сегодня резонансным и широко обсуждаемым событием культурной жизни. Так, в Москве только Центр дизайна Арטיפлей за последние два года реализовал несколько подобных выставочных проектов¹. Они оказались востребованным – в рамках современной индустрии досуга – коммерческим продуктом, встраивающим художественную информацию в массовое сознание.

Экспозиционное пространство цифровых выставочных проектов представляет собой коммуникационную медиасреду, в которой происходит безостановочное движение определенного набора цифровых копий художественных произведений. Современные проекционные технологии предлагают самый разный инструментарий, позволяющий создавать мозаично сменяющиеся друг друга визуальные ряды, синхронно использовать впечатляющие световые, цветковые, звуковые эффекты, сквозь призму которых посетитель погружается в атмосферу какой-либо эпохи в истории искусства или переживает коллизии творческого пути представляемого художника.

Чтобы оценить мультимедийные экспозиции как новую форму презентации знаний и восприятия искусства, следует обозначить специфику художественной информации и особенностей ее восприятия. Информационный подход трактует искусство как особую – художественную – информацию, которая воспринимается в первую очередь чувственно-эмоциональным аппаратом человека. С точки зрения информационного подхода к искусству любое восприятие может рассматриваться как «отображение внешних событий и объектов рецепторами человека в определенные образы с последующей обработкой, интерпретацией и эмоциональной оценкой»². Важно, что в этом случае формируется индивидуализированный характер восприятия произведения. Во-первых, это связано с тем, что заложенная в нем информация всегда «промерена» внутренним опытом художника-творца. Во-вторых, произведение визуального искусства мы всегда воспринимаем в физической среде, в числе прочего пронизанной системой отраженных световых потоков. Если взять в качестве примера живопись, то, по утверждению А.С. Дриккера, поверхность картины «порождает до трех отраженных потоков: от лаковой и красочной поверхностей и от основы». Суммарный поток на сетчатке, пишет он, «представ-

ляет собой результат интерференции этих потоков, он зависит от угла зрения и меняется (в соответствии с разрешающей способностью глаза) при угловом смещении в несколько секунд³. Это означает, что каждый элемент как формы, так и текстуры произведения искусства несет художественную информацию и предполагает индивидуальную интерпретацию. Наконец, восприятие искусства всегда связано с чувственной и интеллектуальной подготовленностью зрителя, его личным жизненным опытом, готовностью вступить в эмоциональный контакт с шедеврами прошлых столетий.

Современные цифровые технологии, используемые для копирования искусства, меняют онтологический статус произведения и рождают качественно иную по своим характеристикам художественную информацию. Еще в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» В. Беньямин показал, что «природа открывающаяся камере, другая, чем та, которая открывается глазу». Репродуцирование, по его словам, не только лишает произведение ауры, но меняет сенсорное и интеллектуальное восприятие искусства: «...место пространства, проработанного человеческим сознанием, занимает бессознательно освоенное пространство»⁴. Сформулированные в первой половине XX в. положения сохраняют в современной культуре свое значение и являются ключевыми для понимания характера сенсорной реакции на дигитальные изображения.

В цифровую эпоху художественная информация «собирается» из миллионов пикселей. Репродуцируемое произведение утрачивает свою текстуру, колористические нюансы, первоначальный формат и т. д., т. е. уникальность. Благодаря плоскости экрана оно помещается в определенные технологические условия воспроизведения, усредняется, становится равным другим потокам цифровой информации. К этому следует добавить, что цифровая копия, в числе прочего, меняет сам характер оригинала: «глаз» камеры фиксирует произведение в условиях определенного освещения, которое влияет на свето-теневые, цветовые и др. характеристики произведения. Представляемая цифровыми копиями художественная информация оказывается «гламурной» – более яркой и интенсивной. Художественное произведение упрощается до внешней презентации, превращается в одну из составляющих плотного медийного потока.

В этих условиях меняется характер как визуального, так и эмоционального восприятия репродуцированного памятника. Современному человеку предлагаются технологически совершенные копии, представляемые в различных форматах. С одной стороны, зритель, знакомящийся с искусством по цифровым репродукциям,

сталкивается с избыточными потоками визуальной информации: произведение может быть увеличено, разбито на фрагменты, воспроизведено в системе различных цветowych фильтров и т. д. С другой стороны, эмоциональная реакция этого зрителя угасает, индивидуализированное переживание художественного целого нивелируется, опускается до уровня восприятия повседневных информационных потоков, формирующих менее нюансированное, не требующее значительных чувственных и психических затрат отношение к визуальному образу.

Возвращаясь к восприятию искусства в упомянутых выставочных проектах, следует признать, что мультимедийные эффекты приобретают особое значение, ибо задают специфические условия восприятия цифровой художественной информации. В ситуации, когда представители различных поколений уже привыкли существовать в пространстве интенсивных информационных потоков, новые технологические возможности компенсируют низкий уровень эмоциональной реакции, активизируют зрительское восприятие, создают иллюзию индивидуализированного контакта с репродуцированным произведением. Более того, медиасреда, в которую помещаются цифровые копии, снимает у массового зрителя психологические барьеры, традиционно препятствующие художественной коммуникации в классическом экспозиционном пространстве.

Хорошо известно, что восприятие произведения в классическом музее часто осложняется недостатком знаний о художественном языке искусства и отсутствием особого сенсорного опыта, без которого невозможно постижение шедевра. Кроме того, процесс приобщения к искусству предполагает эмоциональную поддержку получаемой художественной информации. Сошлемся еще раз на А.С. Дриккера, который показал, что серьезнейшая проблема многих музейных экспозиций – «однообразие, монотонность визуальных рядов, гасящих эмоции массового зрителя». По его словам, «отсутствие привычки к общению с изобразительным искусством, опыта соответствующих переживаний не способствует появлению у посетителя музея главной предпосылки художественного воздействия – эмоционального подъема, вследствие чего коды изобразительного искусства не читаются и остаются преградой для большей части зрителей, порождая самое обыденное впечатление от посещения художественного музея – утомленность»⁵.

Медиатехнологии формируют особый контекст, в котором происходит восприятие искусства. Главной функцией экспозиционной среды становится специфическое эмоциональное воздействие цифровой художественной информации. Сенсорный аппарат зрителя оказывается под влиянием интенсивных информационных

потоков, не требующих последовательного монотонного перемещения по экспозиционному пространству, но рождающих различные эффекты приближения, «присвоения» произведения искусства, «погружения» в картину и т. д. Возникает коммуникативное пространство, интенционально стирающее психологические барьеры: все движется, мерцает, перетекает, как в привычной современному человеку, пронизанной медиапотоками действительности. Зритель, переполненный чувствами от различных шоу-эффектов, соотносит возникшую эмоциональную реакцию с творчеством художника, цифровые копии произведений которого, «наплывая», воздействуют на весь его сенсорный аппарат. Иными словами, представление о шедеврах искусства рождается и закрепляется на основе образного переживания визуально-акустического воздействия использованных экспозиционных технологий. Возникает особый чувственный опыт, исходящий не столько от восприятия репродуцируемого произведения, сколько от мультимедийных приемов, воздействующих на каждого зрителя в зависимости от его сенсорики и личностных качеств.

Важно обратить внимание на то, что современные экспозиционные технологии не обезличивают художественное восприятие. Последнее сохраняет свой индивидуализированный характер, однако алгоритмы его формирования обратны логике эмоциональной реакции на традиционное произведение искусства. Если классическое произведение несет внутренний «заряд» художника и являет собой творческое послание, воспринимаемое психологически настроенным зрителем как индивидуализированное, то перцепция цифровых копий в анализируемых мультимедийных экспозициях зависит от образных впечатлений, рожденных зрелищными эффектами и формирующих личностную, зависящую от индивидуального чувственного опыта, реакцию. Иными словами, медиавыставка не приобщает к искусству в классическом понимании этого процесса, но предполагает получение эмоционально поддержанной использованием новейших технологий информации об искусстве, переведенной в формат зрелища, «закрепленной» режиссером/экспозиционером. Медиаформат экспозиций меняет алгоритмы художественного восприятия, формирует новую парадигму эстетической и эмоциональной оценки произведения искусства.

В рамках анализа цифровой среды как нового многофункционального образовательного пространства важно поставить вопрос о содержании транслируемой художественной информации. De facto посетителю таких экспозиций предлагается более или менее талантливо созданный, адаптированный под массовое восприятие образ творческого пути одного или нескольких великих

мастеров прошлого. Зритель, «пленный» шоу-эффектами выставочного пространства, с готовностью реагирует на выстроенную экспозиционером драматургию представляемого зрелища, скорее, подчиняющую его, чем стимулирующую интеллектуальную и чувственную рефлексию. В большинстве случаев мультимедийные экспозиции, представляющие эпизоды из истории искусства, формируют востребованное массовым сознанием специфическое знание, далекое от полного противоречий процесса художественного развития.

Безусловно, значение подобных выставочных презентаций может выходить за рамки коммерческих зрелищ. В ряде случаев мультимедийные проекты могут становиться оригинальными авторскими высказываниями, создающими яркий образ и формирующими новое видение тех или иных этапов художественного процесса. В качестве примера можно вспомнить представленную в 2014 г. московским зрителям мультимедийную экспозицию П. Гринуэя и С. Боддеке «Золотой век русского авангарда». Инновационные технологии позволили знаменитому британскому кинорежиссеру и его супруге не просто «оживить» шедевры русского авангарда, но погрузить зрителя в полный противоречий контекст эпохи, передать интеллектуальную и духовную атмосферу времени, представить оригинальное авторское видение тех творческих импульсов, которые определили особое место русского авангарда в истории искусства XX в. Выставочный проект П. Гринуэя и С. Боддеке сам по себе явился ярким творческим высказыванием, полноценным художественным решением, реализованным на основе оригинальных драматургических и ультрасовременных технологических возможностей. Зрителям была представлена не просто особая визуальная и эмоциональная среда, но экспозиционный образ, предполагающий интеллектуальную рефлексию, обозначивший новые грани в познании художественного процесса.

Таким образом, цифровая эпоха вносит радикальные изменения в систему получения гуманитарного знания, в том числе в постижение искусства. Будучи включенным в информационный поток, представляемое произведение утрачивает ценностный статус и становится источником оцифрованной художественной информации. Следовательно, меняются алгоритмы как получения знания об искусстве, так и его восприятия. В этих условиях приобретают популярность экспозиции, способные создать особую атмосферу для знакомства с шедеврами прошлого. Выставочное пространство трансформируется в мультимедийную среду, в которой формируется технологичный, основанный на зрелищных эффектах контекст, оказывающий, в свою очередь, решающее

влияние на восприятие искусства. Феномен мультимедийных экспозиций позволяет ставить вопрос об особенностях получения художественной информации, о способах конструирования знания об искусстве в эпоху дигитализации восприятия. В отличие от классического музейного пространства мультимедийные выставки не предполагают постижения произведения искусства. Они предлагают созданную ультрасовременными технологиями, апеллирующую к яркой образности информацию о художественных артефактах. Медиасреда воздействует на чувственный аппарат зрителя и тем самым формирует эмоциональный подъем как иллюзорную реакцию на контакт с находящимися в постоянном движении цифровыми изображениями. Художественное восприятие конструируется по законам современных массовых зрелищ, что делает мультимедийные экспозиции популярным видом досуга и прибыльным коммерческим продуктом.

Примечания

- ¹ В 2014–2016 гг. в Центре дизайна ARTPLAY были организованы мультимедийные выставки: «От Моне до Сезанна. Французские импрессионисты», «Великие модернисты. Революция в искусстве», «Ван Гог. Ожившие полотна. 2.0», «Микеланджело. Сотворение мира», «Босх. Ожившие видения», а также отличающийся более сложной драматургией мультимедиа-спектакль «Я – Айвазовский».
- ² *Копцик В.А., Рыжов В.П., Петров В.М.* Этюды по теории искусства: Диалог естественных и гуманитарных наук. М.: ОГИ, 2004. С. 174.
- ³ *Дриккер А.С.* Виртуальный музей: от информационных технологий к новому качеству художественных решений [Электронный ресурс] // Культура Архангельской области. URL: <http://www.culture29.ru/upload/medialibrary/1b7/1b728e7ad7bfabcb0de0be88d7963497.pdf> (дата обращения: 30.08.2016).
- ⁴ *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: МЕДИУМ, 1996. С. 54.
- ⁵ *Дриккер А.С.* Электронный художественный музей в информационном пространстве [Электронный ресурс] // Центр ПИК. URL: <http://conf.evarussia.ru/eva99/rus/Prog9rus.htm> (дата обращения: 30.08.2016).

Визуальные способы представления повседневности в новых медиа

Статья посвящена изучению визуальных способов и форм представления повседневности в новых медиа. Показано, что с развитием сетевой коммуникации конструирование повседневности осуществляется через самопрезентацию или собственный жизненный мир пользователя. Транспарентность любого действия в Сети приводит к тому, что в Интернете устраняется прежняя иерархия главного/второстепенного, «верха»/«низа», происходит размывание границ партикулярного, изменяются способы репрезентации приватного пространства человека. Пользователь сам создает версию своего Я, выстраивает в социальных сетях свою визуальную траекторию повседневной жизни, но при этом формат визуальных сообщений в социальных сетях задается, исходя из социально желаемых образов и социально одобряемых норм поведения.

Ключевые слова: новые медиа, повседневность, визуальность, контент, онлайн-коммуникация, самопрезентация.

Сегодня в повседневной коммуникации человек использует множество медиа, среди которых Интернет стал универсальной площадкой для размещения и обмена разными типами информации. В своем развитии Интернет приобрел черты социальной системы, состоящей из множества «виртуальных миров», которые объединяются в разные сообщества на основе общих интересов, ценностей или какого-либо события. Для обозначения новой ситуации М. Кастельс ввел понятие «сетевое пространство»¹, где происходит обмен разными типами ресурсов или потоков информации, технологий, капитала, организационного взаимодействия, изображений.

Для сетевой медиасреды ключевой особенностью стала потребность поделиться с кем-то интересной новостью, увиденным или услышанным в реальном времени «здесь и сейчас». Поэтому в пространстве социальных медиа важна синхронность, здесь нет ничего

отложенного, это реальность актуального времени, где все связаны друг с другом в режиме реального времени. Новый тип взаимодействия в режиме онлайн обозначил принципиально иную ситуацию, когда на смену традиционным линейным связям и взаимодействиям пришли конфигурации групповой коммуникации.

Если в самом начале своего развития Интернет воспринимался как особое «киберпространство», отдаленное от повседневной жизни, то с упрощением использования Интернет стал не только частью повседневных коммуникаций, но и начал самостоятельно воспроизводить ткань повседневных взаимодействий. Современные социальные медиа позволяют пользователю не столько концентрироваться на информации, сколько быть вовлеченным в коммуникационные практики повседневной жизни. Организация социальных сетей предполагает использование различного рода конструктов повседневного знания как для онлайн-коммуникации, так и для коммуникации, выходящей за рамки интернет-пространства. Сетевая структура Интернета породила такие формы поведения, как комьюнити и нетворкинг, которые стали повседневной, социальной и профессиональной практиками, позволяющими с помощью круга друзей и знакомых решать обыденные задачи: от поиска жилья, детского сада, работы до продвижения бизнеса.

Разветвляющаяся и произвольная организация социальных сетей позволяет каждому участнику расширить границы устойчивых связей и отношений, где любой человек в любое время может выбрать или найти партнера, начать или прервать контакт, ставший обременительным. Новая структура отношений привела к развитию «слабых связей»², сплочению неблизких, формально знакомых людей, а значит, к расширению пространства и интенсивности процессов повседневной коммуникации. Иными словами, социальные сети трансформировали традиционные повседневные связи, основанные на оппозиции «близкое–далекое». Возросшие коммуникативные возможности позволяют пользователю быть связанным с «дальними», порождая вместе с тем иллюзию «недалекого мира», где ничего по-настоящему не удалено, но и не близко.

Важной чертой новых медиа является их способность репрезентировать разнообразные точки зрения и жизненные позиции, т. е. конструировать разные модели социального. В связи с этим необходимо обратиться к современным дискуссиям о природе и специфике социальных медиа, в рамках которых обозначились две противоположные точки зрения. Согласно первой позиции, представленной в работах зарубежных исследователей А. Салливана, К. Ширки, социальные медиа рассматривались как новая многополярная среда, эгалитарная по своему характеру,

не имеющая единого центра, четко очерченных границ и иерархического «верха», новая независимая арена для дискуссий, где логикой развития является активное и свободное сотрудничество пользователей.

Согласно другой точки зрения, социальные сети, являясь своеобразным фильтром и селектором информации, не создают ни нового содержания, ни новых оценок, а только перераспределяют и перерабатывают информацию. Так, по мнению Л. Гудкова, «социальные сети – это возобновление в технологически новой форме старых механизмов социального общения»³, со своими лидерами мнений и воспроизводством тех массовых настроений, которые характерны для общества в целом. Анализируя контент страниц обычных российских пользователей, исследователи отмечают, что около половины из них используют социальные сети для общения, покупок и развлечения⁴, а также, скорее, для «распространения существующей информации, чем создания новой»⁵. Таким образом, в онлайн-коммуникации пользователи так же, как и в офлайновой повседневной жизни, больше времени уделяют частным, бытовым интересам и увлечениям, а не общественно значимым вопросам. В центре внимания оказывается «мир очевидностей», порой ничего не значащие события – увиденный пейзаж или встреча с друзьями – могут стать темой для обсуждения. Происходит фрагментизация «повестки дня», в которой частное, приватное начинает преобладать над публичным, вытесняя важные и насущные социальные проблемы из сферы сетевого сотрудничества. Скептически оценивая влияние Интернета на общество, Д. Ланир в манифесте «Вы не гаджет» заявлял, что социальные сети, ориентируясь на скорость создания и потребления контента, вместо творчества поощряют поверхностные суждения. Действительно, социальные сети все более становятся платформой для конструирования стандартов и ценностей массовой медиакультуры, в них все отчетливее проявляются черты иерархичности, здесь рождаются свои «звезды», на долю которых приходится огромное количество обращений и комментариев. Тем самым переориентация интернет-коммуникации в область частных интересов превратила социальные сети «в бесконечный ряд параллельных вселенных, каждая из которых замыкает пользователя в “петле персональности”»⁶. Иными словами, полицентричность и вариативность индивидуальных коммуникаций усиливает не только атомизацию отдельных сообществ, но и, по сути, развенчивает либеральный миф о блогосфере как месте формирования спонтанной демократии и независимых сообществ.

Причину «парадокса пустой публичной сферы» Д. Гольнко-Вольфсон видит в том, что российские социальные сети погружают

пользователя «в развлекательную среду имиджевых стратегий и ролевых игр», «навязывают культ комфортного потребления информационных товаров и услуг, беззаботного “репрессивного гедонизма”»⁷. Действительно, с широким распространением социальных медиа происходит внедрение рекламно-маркетинговых стратегий в общественное пространство, в котором потребительские ценности и практики приобретают социальное измерение. Благодаря новым сервисам фото- и видеохостингов пользователи могут мгновенно визуализировать свои потребительские предпочтения, поделиться с друзьями тем, что купили, смотрели, где путешествовали. Репрезентация этих практик в социальных медиа символизирует расширение влияния новых форм маркетинга (партизанского, вирусного, доверительного) на жизненный мир пользователя.

Теперь рассмотрим, какой тип контента продуцируют социальные сети. В зависимости от условий коммуникации контент в социальных сетях может быть как письменным, письменно-визуальным, так и визуальным. Сегодня информация в социальных медиа все чаще репрезентируется при помощи визуальных изображений. Хотя первоначально, по мнению авторитетного исследователя М. Баль, «Интернет вообще не являлся визуальным по преимуществу»⁸. Его отличительной чертой является гипертекстуальное строение, представленное такими текстовыми категориями, как нелинейность, интерактивность, незамкнутость. Поэтому визуальность Интернета, с точки зрения М. Баль, невозможно постулировать как первичную, что скорее роднит Интернет с дискретностью образов экранной культуры. Но, на наш взгляд, более точным определением медиа является позиция У. Митчелла, который утверждает, что все медиа, в том числе и новые, являются «смешенными»⁹.

Согласно проведенным социологическим исследованиям¹⁰, большинство пользователей публикуют фотографии без текста или сокращают его до двух-двух предложений. Предпосылок, почему визуальный контент в социальных сетях превалирует над иными типами, можно выделить несколько. Во-первых, увеличение скорости контактов и информации привело к переходу от письма (блогинга) к кураторству, которое осуществляется при помощи коротких статусов, фотографий, лайков, смайлов, цветových и шрифтовых выделений. Быстрый просмотр личных страниц сделал взгляд «вуайеристским», подсматривающим за разными формами жизни, поэтому массовый пользователь не всегда интересуется содержанием событий, но его всегда привлекает образный ряд. Рассуждая о смыслах современной культуры, А. Генис отмечал, что «наше время лишено глубины, потому что все главное

происходит в сфере очевидного», а именно, «в мире, вышедшем на поверхность, все главное снаружи»¹¹. Иными словами, обыденное сетевое общение характеризуется «простыми» формами коммуникации, которые не требуют дополнительного «семантического» участия. Кроме того, визуальные образы оказываются значительно более устойчивыми формами интерпретации, чем текстовые.

Во-вторых, популярность визуального контента связана с развитием многочисленных графических программ, которые отличаются простотой использования и не требуют от пользователя особых умений. Именно эти программы, благодаря которым передача видео- и фотоматериалов стала общедоступной, позволяют любую биографию, историю превратить в визуальный ряд или подкрепить созданными иллюстрациями. Более того, доступность цифровых и веб-камер позволяет, например, используя селфи, тиражировать не только лица элиты (что было неизменным правилом начиная с эпохи Средневековья до эпохи глянцевого журналов), но и рядовых пользователей. Теперь, по мнению критика А. Элер, каждый стал «самым большим фаном самого себя, личным папарацци»¹², что, безусловно, демократизирует и эмансипирует социальные медиа. Знаменитый слоган YouTube «Транслируй себя!» демократичен по своей сути и актуализирует себя как социальный проект, который доступен каждому, так как любой пользователь, имеющий доступ к цифровым технологиям, может разместить свое видео или фото без какого-либо предварительного отбора, цензуры или одобрения. Социальные медиа дают свободу непрофессионалам напрямую обращаться к аудитории, минуя программных редакторов, продюсеров, характерных для традиционных каналов презентации произведений.

В-третьих, сетевые мультимедиа используют визуальность для передачи информации, которая заменяет другие каналы чувственного восприятия, такие как осязание, обаяние и вкус. Американский медиапсихолог П. Рагледж, изучая иммерсивные технологии и влияние социальных сетей на индивидуальное и групповое поведение, пришла к выводу, что именно визуальная коммуникация быстрее доносит информацию, намного активнее притягивает к себе внимание, чем текст, тем более если она анимирована и динамична. Исследователь считает, что специфика нашего мозга такова, что зрительная информация обрабатывается быстрее и позволяет активнее вовлекать в коммуникацию пользователя для оценки или обсуждения образного сообщения¹³.

Таким образом, социальные медиа все чаще используют визуальные формы манифестации повседневных взаимодействий, при этом делая предельно наглядным скрытые партикулярные аспекты

человеческого существования, являясь средой самовыражения и самопрезентации человека.

Сетевая природа сервисов, их вирулентность привели к массовому распространению фотографии и видеоблогинга в социальных сетях. Визуальный пользовательский контент приобрел новый статус: из художественного, выразительного средства, способа документации события он превратился в средство коммуникации или, по словам Е. Петровской, в «чистую коммуникацию»¹⁴. Теперь «обычные» пользователи, используя ресурсы Сети, получили возможность перейти с локального на глобальный уровень коммуникации, стать «лидерами мнений», способными влиять на взгляды, техники наблюдения виртуального сообщества. В этой ситуации показателем успешности визуального контента становится количество просмотров, лайки и рейтинги, которые не только воспроизводят, но даже усиливают позаимствованную у традиционных медиа, функциональную структуру, стирая различия между подлинным и мнимым, оригиналом и копией. Видео- и фотохостинги определяют топ лучших пользовательских проектов, звездами YouTube и Instagram становятся «неочевидные люди», чья повседневная жизнь превращается в сообщение: «Я в ресторане», «Я на море», «Я еду в машине или стою в пробке» и т. д. Как справедливо отметил Л. Манович, социальные сети стали «визуальным окном в реальность»¹⁵, и теперь уже миллионы пользователей фотографируют, позируют, подбирают фильтры, демонстрируя версию своей повседневной жизни. Наглядными, доступными для других становятся партикулярные, ранее скрытые для многих аспекты повседневной жизни человека. Для такого рода контента больше не требуется текстуальное сообщение, достаточно разместить фото или видео, чтобы пользователи смогли получить необходимую информацию. Неслучайно сегодня селфи, выложенные в Instagram, называют «визуальным дневником», подобным традиционному семейному альбому. Но только необходимо иметь в виду одно существенное отличие – в социальных сетях любое событие становится медийным, доступным для всеобщего просмотра и обсуждения.

Существенным для анализа репрезентации повседневности является то, что конструирование повседневности осуществляется через самопрезентацию или собственный жизненный мир пользователя. Теперь каждый сам создает версию своего Я, выстраивает свою визуальную траекторию повседневной жизни. Множественные жизненные формы повседневного опыта человека транслируются не анонимно, а через историю собственной жизни, созданную множественными акторами, чья жизнь до недавнего времени была

неизвестна широкому кругу зрителей. Публикуя любую информацию о месте, событии, встрече, интернет-пользователь превращает себя, свою жизнь в сообщение, устанавливая и демонстрируя другим свой порядок жизни. Вот почему доминирующим изображением в Instagram (55%) является автопортрет, или селфи.

Массовость распространения контента всегда предполагает упрощенность как содержательную, так и технологическую. Параметры Сети оказали влияние не только на характер изображения, но и определили сам формат сетевой фотографии или видеоролика. При всем разнообразии фиксации повседневного опыта визуальная репрезентация в социальных медиа нормативна, что во многом определяется техническими возможностями трансляции, например небольшим экраном мобильного устройства. Поэтому картинка (фотография) должна быть максимально яркой, без лишних деталей, чтобы привлечь внимание других пользователей.

В то же время формат визуальных сообщений в социальных сетях задается исходя из социально желаемых образов и социально одобряемых норм поведения. Пользователям предлагается сконструированный, т. е. идеализированный образ реальности, который, по словам С. Сонтанг, задает «норму того, как нам видятся вещи»¹⁶. Таким образом нормативность визуального определяется и «структурой желаний» пользователя, который стремится сделать популярным свой материал. Поэтому оценка другими (в виде лайков друзей, вовлеченных в процесс коммуникации) во многом определяет, что и как будет публиковать пользователь. Благодаря постоянному учету точки зрения Другого пользователь идентифицирует себя и предьявляет свой повседневный опыт, в котором нет дистанции между частными интересами и работой.

В итоге, по словам Й. Регева происходит «детерриториализация частного»¹⁷, размывание привычных границ партикулярного: повседневные человеческие практики потребления, еды, покупок, находившиеся ранее под подозрением, теперь легитимизируются, становятся объектом интереса сами по себе, показывая нам нашу социальную сущность. Так, например, многочисленные фотографии еды, размещенные в Instagram, наделяются пусть и проходящей, но все же универсальной ценностью для большинства пользователей. Рассчитанная на «взгляд Другого», повседневность становится проектно-сконструированной, опосредованной интересами Другого. Поэтому важно выложить в Сеть не просто снимок своей частной жизни или себя самого (селфи), а создать образ «нормальной женщины и мужчины», «путешественника», «хорошего друга». Все это говорит о том, что размещаемые визуальные материалы «становятся инструментом самоощущения,

self-коммодификации» современного человека¹⁸. Пользователи из самих себя и своей жизни создают визуальный объект, который может успешно продвигаться и продаваться на медийном рынке.

В своем развитии социальные сети, видеочаты стали новой потребительской платформой или, по словам Л. Болтански, «сетевым миром нового духа капитализма», который проникает в частные, повседневные практики человеческого существования¹⁹. Так, например, видеохостинг YouTube за время своего существования превратился из элитарного канала, размещающего уникальный контент, в таргетированную рекламную площадку, где пользователи предпочитают просматривать массовый и развлекательный визуальный контент. По мнению таких исследователей, как Г. Чатзопоулу, Ч. Ченг и М. Фалоутсос²⁰, YouTube стал одним из основных каналов продвижения личности, услуг или продуктов. Более того, популярные авторы, которые ведут свой персональный канал на YouTube, получают за свой контент денежное вознаграждение, размещая в блоге рекламу, платные подписки или рекламные аннотации. Успех персонального блога прежде всего определяется количеством подписчиков, лайков и просмотров того или иного видео. Именно лайки и просмотры являются «идеальными квазиденьгами»²¹, которые определяют эффективность видеоблога не только с позиции маркетинга, но и придают демонстрируемым событиям характер «общего факта», значимого и оцениваемого «с точки зрения Другого». В этом смысле лайк как «иероглиф чистой общительности» также выполняет коммуникативную функцию, направленную на мгновенное (в режиме онлайн) укрепление и поддержание групповой идентичности.

Что же становится объектом изображения в условиях коммодификации канала? Какие видеоверсии повседневной жизни и способы ее визуальной репрезентации предлагают социальные сети? Какой должен быть формат видео или фотографии, чтобы они набрали необходимое количество лайков, т. е. были увиденными в сети?

Современные влоги – это «простые видео о жизни», в которых авторы (videоблогеры) записывают себя на камеру и рассказывают о том, как они путешествуют, обсуждают какие-то новости, едят, делают покупки, спят. Например, в большинстве популярных влогов, имеющих миллионы подписчиков, фиксируется повседневная жизнь молодой девушки, которая ездит/ходит по магазинам, встречается с подругами, готовится к экзаменам и т. д. Таким образом, теперь селебрити становится обычный человек, его обычная жизнь в режиме реального времени или те события, которые произошли с ним именно здесь и сейчас. Его повседневная

жизнь медиатизируется, превращается в некий эталон, в норму социально одобряемого поведения. Если раньше в социальные сети заходили, чтобы узнать последние новости, то сейчас – чтобы увидеть, что же нового произошло в жизни друзей. По своему характеру видеоблогинг вуайеристичен: аудитории нравится возможность заглянуть в частную жизнь других людей, подсмотреть ее. МакДональд называет эти взаимоотношения «дозволенным вуайеризмом»²², и это взгляд целой аудитории зрителей, которая наблюдает за происходящим, оценивая, комментируя ее.

Конечно, количество сценариев повседневной жизни может быть вариативным, но их формат ограничивается условиями самой интернет-коммуникации, которая требует от визуальных образов, созданных пользователями, автоматизма и предсказуемости. Поэтому здесь важно вспомнить идеи Н. Лумана, который утверждал, что коммуникация как система обладает свойствами самопорождения и саморазвития. Ее главная роль – поддерживать саму себя (аутопойезис), тогда как субъекты (пользователи) не должны ей в этом мешать, осуществлять коммуникацию без задержек, интерпретаций и помех. Поэтому, как мы уже отмечали, любительские визуальные образы в социальных сетях выполняют функцию «чистой коммуникации» и в отличие от художественных изображений стремятся не разрушить, а, наоборот, воссоздать, по словам Ю. Лотмана, «автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации»²³. Как правило, высокая информативность и оригинальность разрушают массовую коммуникацию, поэтому пользователи предпочитают лайкать и комментировать только те персональные блоги, где уникальность контента строго дозирована.

Иными словами, в социальных сетях визуализируется набор закрепившихся кодов существования в повседневности: то, как мы общаемся с нашими друзьями; на какие ходим мероприятия, что мы едим, – все это фиксируется только с определенной целью, чтобы получить социальное одобрение наших действий. Таким образом, коммуникация в новых медиа основывается на социально закрепленных «схемах» и «фреймах», которые определяют и упорядочивают «реальность» с помощью уже имеющихся стереотипов и клише, в соответствии с «системой релевантностей и типизации» и «взаимозаменяемости точек зрения». Именно эта возможность быть ориентированным на видение Другого заставляет размещать в социальных сетях типичные, похожие одна на другую фотографии, создавать пользовательские аккаунты в соответствии с образцом, принятым сообществом. В то же время социальные медиа позволяют представить разные точки зрения на одно

и то же событие в рамках единства противоречий как «сходство несходного».

Таким образом, с развитием сетевой коммуникации каждый элемент нашей жизни, нашего опыта заслуживает того, чтобы быть опубликованным, более того, транспарентность любого действия в Сети приводит к тому, что в ризоматичном мире Сети нет важного или второстепенного, все принято и с равным основанием может быть вынесено на всеобщее обсуждение.

Иными словами, с появлением цифровых образов повседневность стала смотреться в зеркало новых медиа, именно они стали той формой современной культуры, посредством которой повседневность осмысляет и воспринимает себя.

Примечания

- ¹ *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе, обществе. Екатеринбург, 2004.
- ² *Granovetter M.* The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. P. 1360–1380.
- ³ Социальные сети и новости [Электронный ресурс] // Левада-центр, 2013. URL: <http://www.levada.ru/old/29-08-2013/sotsialnye-seti-i-novosti> (дата обращения: 10.12.2015).
- ⁴ *Хачатрян Д.* Россия тонет в телеволнах [Электронный ресурс] // Новая газета. 2014. 20 июня. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/64088.html?print=1> (дата обращения: 10.12.2015).
- ⁵ *Муронец О.В.* Контент социальных сетей: тенденции и закономерности [Электронный ресурс] // Медиаскоп, 2015. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1812> (дата обращения: 14.12.2015).
- ⁶ *Реgev Й.* Критика фильтрующего разума. На месте одного селфи находятся два // *Логос*, 2014. № 4 (100). С. 88.
- ⁷ *Гольинко-Вольфсон Д.* Социальные сети в несетовом социуме (О биополитике, историзме и мифологии русских социальных сетей) // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. 2009. Vol. 1. № 2. С. 103.
- ⁸ *Баль М.* Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // *Логос*. 2012. № 1 (85). С. 222.
- ⁹ *Митчелл У.Д.Т.* Визуальных медиа не существует // *Медиа: между магией и технологией* / Под общ. ред. Н.Н. Сосна, К.Е. Федоровой. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 141.
- ¹⁰ *Муронец О.В.* Указ. соч.
- ¹¹ *Генис А.* Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. М.: Независимая газ., 1997. С. 27.
- ¹² *Eler A.* Theory of the Selfie [Электронный ресурс] // *Hyperallergic*. 2013. URL: <http://hyperallergic.com/94461/theory-of-the-selfie/> (дата обращения: 13.12.2015).

- ¹³ *Rutledge P.* Q&A with Director of the Media Psychology Research Center, Pamela Rutledge PhD, MBA. [Электронный ресурс] // Q&A. URL: <http://www.onlinepsychologydegrees.com/interview/ram-rutledge/> (дата обращения: 10.12.2015).
- ¹⁴ *Петровская Е.* Безымянные сообщества. М.: ООО «Фаланстер», 2012.
- ¹⁵ *Манович Л.* Инстаграм – это окно в мысли и воображение человека [Электронный ресурс] // МедиаПрофи, 2015. URL: http://mediaprofi.org/community/interview/item/2492-lev_manovich_instagram (дата обращения: 12.12.2015).
- ¹⁶ *Сонтанг С.* О фотографии / Пер. с англ. В. Гольшева. М.: Ад Маргинем, 2013. С. 118.
- ¹⁷ *Реgev Й.* Указ. соч. С. 91.
- ¹⁸ *Мартынов К.* Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. 2014. № 4 (100). С. 80.
- ¹⁹ *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- ²⁰ *Chatzopoulou G., Sheng C., Faloutsos M.* A First Step Towards Understanding Popularity in YouTube // INFOCOM IEEE Conference on Computer Communications Workshops. 2010. P. 1–6.
- ²¹ *Pegev Й.* Указ. соч. С. 93.
- ²² *MacDonald M.* Exploring Media Discourse. L.: Arnold, 2003. P. 70.
- ²³ *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 95.

Образ «молодости» в восприятии пользователей социальной сети Instagram

Статья посвящена анализу образа «молодости» в восприятии пользователей социальной сети Instagram и способов определения основных его составляющих. Instagram позволяет пользователю экспериментировать с самопрезентацией, в частности с показателями, маркирующими возраст. Основное внимание уделяется искусственности образа «молодости» и возможности применения его составляющих элементов в создании идентичности пользователя. В статье показаны инструменты для целенаправленного формирования пользователями образа «молодости».

Ключевые слова: социальная сеть, образ «молодости», самоидентификация, возраст.

Социальные сети – ресурсы, предназначенные для коммуникации пользователей, создания групп и сообществ, размещения информации о пользователе. Социальные сети – сложные информационные платформы с комплексом визуальных, текстовых, аудио- и видеоматериалов.

В действительности, массмедиа оказывают влияние на мнения и настроения в обществе. Именно в Интернете происходит процесс изменения паттернов социального сознания и моделей поведения пользователей по причине того, что социальный мир уже определенным образом «обозначен средствами массовой информации»¹.

Изначально социальные сети мыслились как ресурс для нахождения человеком «своего круга», состоящего из друзей прошлого – периода обучения в школе, в университете, бывших коллег и т. д. Интерес к социальным сетям российского сегмента – «ВКонтакте», «Одноклассники.ру», «Мой Мир», «Мой Круг» – диктовался тем, что пользователи стремились посмотреть на те изменения, которые произошли с их друзьями и знакомыми с того момента, когда

они в последний раз виделись и закончили школу или университет. В профиль помещалась текстовая и визуальная информация о семье, работе, о тех достижениях, которые сопутствуют взрослению, становлению, развитию человека. При этом в социальных сетях перед пользователем предстал некий образ, который пользователь хотел бы создать и показать другим. То есть создавался виртуальный образ «себя», или своеобразный автобиографический «медиатекст»: Интернет дал «возможность человеку говорить и быть чем-то большим, чем просто потребителем информации»², быть «творцом себя».

Визуальность стала основным принципом функционирования социальных сетей вследствие «системного изменения практик взаимодействия между людьми»³. Формой коммуникации в социальных сетях служат визуальные образы.

Социальная сеть Instagram превратилась в элемент повседневной жизни, фиксирующий микроизменения в жизни пользователя, выкладывающего любительские фото, сделанных в самых разных ситуациях: еда, потребление, семейные отношения, путешествия, праздники. Общение пользователей при помощи визуальных образов замещает обмен речевыми единицами текста, экономит речевые усилия и позволяет мгновенно зафиксировать повседневное.

Пользователю дается возможность создать образ «себя» разными способами – вербальным, через комментарии, и невербальным, через фотографии, анимацию, видео. Так, пользователи вовлекаются в коммуникацию, которая характеризуется через индивидуальное и психологическое восприятие образа «себя» и окружающего мира.

Исследовательский интерес заключается в выявлении способов описания образа «молодости» и его конструирования российскими пользователями социальной сети Instagram. Объект исследования рассматривается как продукт конкретно-исторической ситуации. За основу берется период публикации материала в Instagram – от сентября 2015 г. по настоящее время.

Следует отметить, что полноценных исследовательских работ, раскрывающих понимание «молодости» и вообще возраста через анализ материалов социальных медиа российского сегмента Интернета, найдено не было. В результате поиска соответствующих исследований были обнаружены несколько работ, в которых объясняются основные принципы функционирования коммуникации и основы построения идентичности пользователя в социальной сети. В качестве опорной исследовательской литературы были выбраны: «Репрезентация и реальность» и «Сетевые разговоры» В. Зверевой, «Человек потребляющий» Т. Хагурова, «Медиа: средства в поисках целей» В. Куренного.

В социальных медиа возраст не подчиняется привычным биологическим и физическим законам реальности, он является носителем целого комплекса смыслов. Молодость, как возрастная категория – искусственное образование, которое создается пользователем с ориентиром на общепринятые и негласные правила, с оглядкой на реакцию виртуального сообщества и своей социальной группы.

Представления о возрасте, соответствующем жизненным установкам и ценностям современного российского общества, подвергается изменениям с 2010-х годов со стороны все увеличивающегося «вплетения» в реальную жизнь виртуального пространства⁴. С появлением индивидуализированных пользовательских гаджетов, смартфонов с персональным выходом в Интернет, произошло размывание границ реального и виртуального миров⁵. Изменения в представлении «молодости» как возрастной категории и отход от ее традиционного восприятия происходят по причине «вброса» информации в социальные сети в виде тенденций и внешних импульсов. Эти потоки стимулируются заинтересованными в успешном интернет-маркетинге крупными производителями (одежды, косметики, фитнес оборудования и др.): «...в сообщениях, транслируемых с помощью СМИ, раскрывается искусственный символический мир, посредством которого культивируются определенные образцы, эталоны поведения, нормы морали, художественные вкусы, ориентирующие личность в том, что важно и существенно, что хорошо и плохо, что правильно и неправильно, что благородно и низменно, что с кем и каким образом взаимосвязано...»⁶. Главной задачей такого рода рекламы в социальных сетях становится провокация потребителя на ответную реакцию – принятие или отказ от предлагаемой стратегии поведения. Основным акцентом этих информационных потоков служит призыв к сохранению молодости, омоложению и поддержанию «молодого образа» жизни. Так, особую важность для пользователей приобретает образ «молодости», в который входит целый комплекс смыслов и возможностей.

Первоначально была произведена выборка источников, которые отвечали бы заданным условиям: русский язык, проживание в России (крупных городах – Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Волгоград, Пермь и др.), использование хештегов и определяющих материал слов (например, #возраст, #молодость, #молодой, #зрелость), постоянное обновление контента, возраст от 18 до 45 лет, реакция на комментарии под фотографиями и видео, расширенные описания постов. Период 18–45 лет был выбран на основе нескольких исследований в области геронтологии и психологии⁷,

в которых утверждалось, что наибольшую активность проявляют пользователи именно этого возрастного периода.

Выборка профайлов осуществлялась с помощью «хештегов» (#) – одного из основных принципов работы сети Instagram для любой аудитории пользователей, который предполагает, что под каждым из хештегов (например, «#возрастсчастья», «#молодостьуходит», «#взрослеюнаглазах», «#возрастнепоказатель», «#молодежныйстильжизни») можно найти множество фотографий с комментариями и описаниями. Так, хештег, или тег, играет объединяющую роль, собирая под одной символической фразой-высказыванием множество постов авторов, вкладывающих свой смысл в это краткое выражение-символ. Кроме того, он позволяет отобрать те самые информативные и знаковые посты, которые и послужили материалом для анализа репрезентации «молодости».

Использование хештегов способствует объединению в группы тех пользователей, которые вкладывают в него свой смысл и с его помощью описывают новый пост с фотографией. Однако стоит оговорить, что поиск первоначального смысла и первого использования хештега зачастую является безрезультатным.

Актуальные профайлы пользователей, выбранные для анализа: @stepashkanevalashka (18 лет), @copyright_adel (19), @butusofa (20), @ddanexx (21), @aleshin_dmitry (22), @oh_marianna (24), @aminatetova (26), @filatkins (26), @nastyaliskina (26), @olyaslovo (27), @fedorovskaya (28), @snejana_sam (29), @lapovaevgeniya (30), @mashadaff (32), @veroholmova (34), @belonika (45).

Далее был выстроен алгоритм анализа материала: мониторинг изменений профайлов пользователей за период сентябрь 2015 – февраль 2016 г. с помощью тегов-маркеров, объединение пользователей в подгруппы по схожим поведенческим стратегиям, выявление общих способов конструирования «молодости».

В данной статье для анализа источников был использован конструктивистский подход, который предполагает определение содержательных вопросов по отношению к материалу, разработке показателей и их систем в поиске ответов на вопросы.

Согласно принятому в данной работе утверждению, все материалы профайлов являются инструментом формирования образа пользователя и представляются способом конструирования возраста, гендера и других управляемых формирующих признаков. Вследствие того, что «процесс расширения сферы возможного в медиакультуре вызвал ряд перемен в габитусе, стилях жизни и способах взаимоотношений со средствами информации и коммуникации»⁸, конструирование «себя» пользователями в виртуальном пространстве происходит на нескольких уровнях – языка, гендера, возраста.

Молодость с точки зрения психологии определяется как период жизни человека с 21 года до 29 лет. Ее относят к первому взрослому периоду, и в социальном представлении она является наиболее интересным и ценным возрастом. Молодость – заключительный период юности, как бы промежуточная ступень между детством и зрелостью, и в русской культуре этот период обозначен с 21 до 30 лет⁹. Для молодости характерны здоровье, энергичность, социальная активность, уверенность в себе, постоянное проявление желания чего-либо. Для представителя молодого возраста важно показать, насколько он автономен и независим, т. е. насколько далеко он отошел от детства. В то же самое время наблюдается тенденция, которую можно интерпретировать как боязнь «взрослости» и всех проблем, связанных с ответственностью и процессами старения.

Важно отметить, что пользователи разного возраста (от 18 до 45 лет) совпадают в определении «молодости», поскольку оперируют схожими инструментами в построении образа молодого человека или молодого образа жизни. Инструменты, можно предположить, заимствованы из схем маркетинга и рекламы в Интернете.

Пользователи осваивают и присваивают социальную субъектность, статус молодых и идентифицируют себя как молодых с помощью распространенных в социальной группе молодежи тезаурусов, принятых норм, отражающих их символический и предметный мир. Анонимность коммуникации в Интернете дает возможность экспериментировать с собственной самопрезентацией, в частности с показателями, маркирующими возраст. Таким образом, любой пользователь социальных сетей может «присвоить» себе черты образа «молодости» через маркеры «молодости». Маркерами «молодости» являются следующие составляющие: приоритеты и цели, физическое и духовное развитие, эмоциональное развитие.

«Молодость» обладает огромной значимостью для пользователей, поскольку подразумевает включение во все виды социальной, профессиональной, семейной жизни.

Во-первых, ощущение молодого возраста передается через статус пользователя, который может позиционировать себя как студента (@ddanexx, @oh_marianna), как начинающего предпринимателя, как молодую мать: «молодойученый», «молодойотец», «молодойучитель», «молодойпредприниматель» (@veroholmova), «молодойпедагог», «молодойхудожник», «молодойведущий» (@nnmakarov), «молодаяучилка», «молодыедизайнеры» (@fedorovskaya). Например, пользователь @veroholmova показывает себя как

начинающим предпринимателем и владелицей магазина нижнего белья¹⁰, активно пропагандирует образ жизни, соотносящийся с миром моды; @olyaslovo запустила студию, где обучают основам менеджмента в сфере моды¹¹, а @fedorovskaya занимается развитием собственного бренда¹².

Действительно, для представителей этой возрастной категории важны позиция и социальный статус. Основными приоритетами данного периода являются построение семьи, карьеры, заработка: «молодойпапаша», «молодаямама» (@mashadaff, @lapovaevgeniya), «молодаябабушка», «молодаяжена» (@nastyaliskina), «молодаяхозяйка», «молодыеродители» (@snejana_sam). Обозначенная позиция снимает вопрос о нестабильной самоидентификации пользователя и демонстрирует социальную активность и развитие. Занятость и посвящение времени работе показаны пользователем @filatkins, который делает пост только что купленной машины, поддерживая, таким образом, статус финансово успешного молодого человека¹³.

Учитывая то, что вместе с распространением Интернета российское общество вступило в качественно новый этап развития, когда подвергаются изменению глубинные механизмы социализации члена общества, ранее действовавшие автоматически, обеспечивая «межпоколенческую трансляцию базисных ценностей»¹⁴ – семья, образование, труд, – статусные обозначения могут быть навязаны модой, общественным порядком или принятыми в определенной социальной группе нормами.

Статусные обозначения всегда поддерживаются с помощью «занятия», избранного и отраженного пользователем на своей индивидуальной странице. В Instagram эта особенность прослеживается благодаря систематически обновляемому отчету о результатах избранной деятельности. Например, пользователи @mashadaff и @nastyaliskina регулярно «отчитываются» перед своими подписчиками в том, насколько постоянен их статус «молодой мамы», какие произошли изменения с их «делом» за определенный промежуток времени¹⁵. Активность и деятельность пользователя относительно выбранного занятия поддерживается с помощью «вбросов» информации: фото-, видео-, аудиоматериалов в индивидуальной стилистике и определенном формате. Например, пользователь @copyright_adel демонстрирует в постах, насколько важна для нее фотография, которую она понимает как искусство и видит в ней свою профессию¹⁶.

Во-вторых, «молодость» и принадлежность к молодежной культуре показаны через целый комплекс взаимосвязанных смыслов – молодое ухоженное тело, любовные отношения и любовный опыт.

Пользователь социальной сети Instagram, в большей мере ориентированной на Запад, чем другие, связывает «молодость» с обязательными элементами: совершенством тела, физической подготовкой, соответствием всех параметров тела принятым по умолчанию и пропагандируемым социумом установкам: «Современные медиаобразы – тиражируемые, мобильные, иммерсивные, обращенные непосредственно к телесности человека, к его чувственному опыту. Само тело в эпоху новых медиа стало своеобразным интерфейсом, “живым медиа”»¹⁷. Пользователи, определяющие свой возраст через телесность, используют соответствующие маркеры, в качестве которых выступают хештеги: «молодотело», «вздоровом-телездоровыйдух», «молодостькрасотаздоровье». Пользователь @katebutusova показывает в своем профайле, как занимается поддержанием красоты и уходом за внешностью¹⁸.

С показом тела связаны мотивы вуайеризма и использования фотографий, демонстрирующих тело как сексуальный объект, что выражается в повышенно эмоциональной реакции подписчиков в комментариях к фотографиям пользователя, а также волне «лайков», одобряющих этот контент.

В-третьих, «молодость» показана в профилях и постах пользователей социальных сетей через предметы, свойства которых автоматически переходят на их владельца. Так, например, молодости присуще, с точки зрения большинства из выбранного круга пользователей, внимание к внешнему виду и гардеробу: демонстрируются покупки, магазины, новые косметические товары и продукты по уходу за телом: «молодостькожи», «молодостькрасота», «молодостьлица», «молодостькожилица», «молодаямамахудет», «молодостьэтопостоянныйуходзакожей».

Фактически «молодость» – это определенный «набор» вещей-символов: «...в культуре потребления вещи выбирают человека и свидетельствуют о нем»¹⁹, поскольку пользователь от потребления продукта переходит к потреблению знака. Вещи выполняют задачу самопрезентации пользователя, а также формируют понимание пользователем своего возраста. Кроме того, желания пользователя трансформируются и репрезентируются через демонстрируемые в профайлах вещи-символы.

Возможно, свою роль играет тот факт, что поколение 2000-х годов сейчас является самым активным пользователем социальных сетей, предварительно познав «потребительскую революцию», сформировав достаточно высокую планку требований к себе и внешнему миру.

В-четвертых, «молодость» присваивается пользователями через поведенческие стратегии, которые выявляются с помощью

эмоциональности, активности в коммуникации, даже агрессивности (например, участие в дебатах и спорах в разделе комментариев), а также событийность, отраженную на личной странице в виде отчета с фотографиями и заметками к ним. Фактически такая виртуальная жизнь подразумевает постоянную реакцию и рефлексию. Хештеги, определяющие этот способ освоения «молодого» образа жизни: «молодостьэто состояние души», «молодостьэто навсегда», «молодойеще», «молодостьэто все что у нас есть», «молодостьэто наше все», «молодостьэто энергия», «молодостьэто заразно», «молодостьэто диагноз», «молодостьэто не возраст», «молодостьэто не спать», «молодость в душе», «молодость шальная», «молодость не уходит», «молодость зелена», «молодость проходит», «молодой талант», «молодой красивый», «молодой зеленый».

Таким образом, можно заключить, что перечисленные выше инструменты для целенаправленного формирования пользователями своего «молодого» возраста и определения своей возрастной группы показывают, что можно говорить о некоем коллективном психологическом портрете человека переходного подросткового возраста независимо от того, сколько лет авторам: эмоциональность, чрезмерная забота о визуальном восприятии «себя» другими, ежедневная рефлексия состояния и изменения «себя», поиск и апробирование образа «себя» в рамках своей социальной группы. Спротивление «взрослости», отказ от показа старости и осознания процессов старения являются признаками доминирования концепта «молодости». Многие характеристики, описывающие «молодость», строятся на противопоставлении этого концепта («молодость одна») «старости» («становлюсь стар»). Преобладающий характер использования составляющих элементов образа «молодости» оставляет «старости» чрезвычайно мало пространства для формирования и развития в рамках социальной сети. В результате чего «старость» приобретает черты субкультуры²⁰, т. е. замыкается в себе²¹ и с минимальным уровнем коммуникации существует внутри очень узкого круга пользователей. В результате образ «молодости» помогает пользователю уйти от пессимистического и отрицательного в виртуальном пространстве, в то время как образ «старости» акцентирует внимание на психологическом и физиологическом аспектах старения и процесса взросления. «Молодость» стимулирует позитивность мысли и самого сообщения, а также способствует максимальной эстетизации мира Instagram. Симуляция радости и позитивного отношения к проявлениям жизни разного характера говорит об искусственно существующем приеме «обезболивания» в социальных сетях. Благодаря этому приему и взаимовлиянию реального

и виртуального миров происходят изменения в моделях поведения пользователей. Можно предположить, что популярность и притягательность образа «молодости» оправдывают использование социальных сетей средним и взрослым поколением пользователей от 18 до 45 лет.

Примечания

- ¹ *Бондаренко В.Ф., Комарова А.А.* Роль средств массовой информации и коммуникации в формировании социальной идентичности молодежи // Науч. проблемы гуманитар. исслед. 2012. № 7. С. 150.
- ² *Зверева В.В.* Репрезентация и реальность // Электронный журнал. Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. № 4 (13). 2003. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/representaciya-i-realnost> (дата обращения: 05.03.2016).
- ³ *Мясникова Л.А., Дроздова А.В., Архитова Ю.В.* Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. № 19. 2014. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-19-2014/> (дата обращения: 05.03.2016).
- ⁴ *Зверева В.В.* Сетевые разговоры. Культурные коммуникации в Рунете. Univ. of Bergen, 2012. С. 8.
- ⁵ Там же. С.11.
- ⁶ *Куренной В.* Медиа: средства в поисках целей // Электронный журнал. Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. № 4 (13). 2003. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/media-sredstva-v-poiskah-celey> (дата обращения: 05.03.2016).
- ⁷ *Москвина В.* Пользователи социальных сетей // Телескоп: журн. социолог. и маркетинговых исслед. 2010. № 2.
- ⁸ *Зверева В.В.* Указ. соч. С. 131.
- ⁹ *Курочкина Е.А., Филиппова О.В.* Лингвокультурологический аспект концепта «молодость» на материале русского и английского языков // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы. II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г / Отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. С. 38.
- ¹⁰ Страница пользователя Веры Холмовой [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: <https://instagram.com/p/BCNNUccyOc1/> (дата обращения: 19.07.2017).
- ¹¹ Страница пользователя Olya Slovo [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: https://instagram.com/p/-_1Cz3AEZ3/ (дата обращения: 19.07.2017).
- ¹² Страница пользователя Fedorovskaya [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: <https://instagram.com/p/BBNUDzkw42p/> (дата обращения: 19.07.2017).
- ¹³ Страница пользователя ryazanov_pavel [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: <https://instagram.com/p/BWaZXUbdvHP/>; <https://instagram.com/p/BQrPS8yjYER/>; <https://instagram.com/p/BTD80GXDkWM/>;

- ¹⁴ *Левичева В. Ф.* Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 323.
- ¹⁵ Страница пользователя Anastasia Liskina [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: <https://instagram.com/p/BDT6mnBJYeA/>; <https://www.instagram.com/p/BWIVB79gKP7/?taken-by=nastyaliskina> (дата обращения: 19.07.2017).
- ¹⁶ Страница пользователя Адель Ястребова [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: <https://instagram.com/p/BBFjtVcwYah/>; (дата обращения: 19.07.2017).
- ¹⁷ *Мясникова Л.А., Дроздова А.В., Архипова Ю.В.* Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. URL: <http://teoria-practica.ru/vipusk-19-2014/> (дата обращения: 05.03.2016).
- ¹⁸ Страница пользователя Kate Butusova [Электронный ресурс] // Портал Instagram. URL: <https://instagram.com/p/BCdI-GcH-FY/>.
- ¹⁹ *Зверева В.В.* Указ. соч. С. 148.
- ²⁰ *Тащева И.* Проблема старости: социокультурный феномен // Хрестоматия. Психология старости и старения. Для студентов психол. фак. высших учеб. заведений. М.: АСАДЕМА, 2003. С. 45.
- ²¹ *Лемши В.В.* Феномен геронтокультуры: проблемы исследования // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 6 (14). С. 19.

Мое ароматное «Я»: групповая и индивидуальная самоидентификация пользователей парфюмерных форумов Рунета

В статье рассматриваются язык тематических форумов Рунета, посвященных обсуждению парфюмерии, характерные черты функционирования ядра пользователей этих форумов в качестве сообщества, а также влияние, которое увлечение парфюмерией оказывает на самоидентификацию его участников.

Ключевые слова: парфюмерия, парфюмерный форум, сообщество, индивидуальность, самоидентификация.

Увлечение парфюмерией как хобби – явление в нашей стране относительно недавнее: хотя духи в СССР и не были вовсе недоступны, однако достаточно узкий выбор, долгий и не всегда предсказуемый путь новинок западного рынка на советские прилавки и высокая цена ограничивали возможности ценителей ароматов, да и круг их оставался довольно ограниченным и разобщенным. 1990-е годы ознаменовались не только открытием рынка для настоящего потока парфюмов, но и появлением на постсоветском пространстве нового информационного и коммуникационного поля – Интернета. Со временем стало очевидно, что Интернет позволяет без труда создавать сообщества по интересам, в которых можно было делиться впечатлениями, накапливать тематическую информацию, узнавать о способах определения подделок, меняться неподходящим или лишним парфюмом, договариваться об «оффлайнных» мероприятиях, заводить новых знакомых, создавать собственный язык общения. На материалах двух крупных тематических форумов и основана эта статья.

* * *

Первый из них – это форум или «клуб» fragrantica.ru¹ (185 678 зарегистрированных пользователей по состоянию на 03.04.2016), существующий при крупном ресурсе энциклопедического харак-

тера – «парфюмерном журнале» (пополняемом силами пользователей), «филиале» англоязычной Фрагрантики². Количество участников англоязычной Фрагрантики приближается к четыремстам с половиной тысячам, однако другие европейские ее филиалы производят гораздо более скромное впечатление – на итальянской версии ресурса³ зарегистрировано 225 человек, на французской⁴ же – всего 176. Второй источник – форум lararfumerie.org⁵ (или ЛаПа; 25 165 зарегистрированных пользователей по состоянию на 03.04.2016), сложившийся в свое время вокруг парфюмерного интернет-магазина и доказавший свою жизнеспособность после его закрытия. [Lararfumerie](http://lararfumerie.org) содержит и справочно-энциклопедический раздел – «Парфюмедию»⁶, но по сравнению с форумом Фрагрантики в большей степени ориентирован на обмен парфюмом и его перепродажу среди пользователей: если на Фрагрантике страничка каждого из ароматов содержит информацию о его создателе, парфюмерной компании, годе выпуска, его «пирамидке» и формирующих ее «нотах», стойкости и т. д., а также рассказы пользователей о своих впечатлениях, то [Lararfumerie](http://lararfumerie.org) еще и подсказывает, можно ли в данный момент раздобыть этот парфюм у других участников.

Посетители этих форумов зачастую зарегистрированы на обоих либо читают и тот, и другой. Это заметно в том числе по активному использованию на [Lararfumerie](http://lararfumerie.org) весьма удобного раздела личного профиля участников Фрагрантики – «Парфюмерного гардероба», который позволяет представить всю свою коллекцию. Поэтому есть основания говорить об участниках обоих форумов как о до известной степени единой группе. Ни в коем случае нельзя сказать, однако, что этими двумя ресурсами активность русскоязычных любителей парфюмерии ограничивается – можно назвать еще, например, «Ароманию»⁷, обязанности модератора на которой выполняет Paloma, автор весьма авторитетного в этой среде «Аромаблога»⁸.

Судить о социальном, возрастном, гендерном составе пользователей достаточно сложно: в подавляющем большинстве они скрываются за никнеймами и аватарами. Однако среди них присутствуют люди и весьма состоятельные (либо желающие казаться таковыми) – об этом говорят не только регулярные сообщения о покупке дорогих парфюмов, но и упоминания о новых дизайнерских вещах, украшениях, поездках за границу. Другие же, обладающие скромными возможностями, пришли на форум в надежде на помощь единомышленников в приобретении хотя бы пробирки с несколькими каплями желанного парфюма. Одни участники делятся своими воспоминаниями о первых духах, добытых в 1970-е годы, о том, как на их глазах менялось когда-то оформление коробочек «Climat»⁹,

другие жалуются на недопонимание со стороны однокурсников и даже школьных учителей. Пользовательниц на обоих форумах, похоже, существенно больше, чем пользователей, но в обсуждении участвуют и участники мужского пола (либо представляющиеся в качестве таковых), а на Фрагрантике существует подфорум, посвященный ароматам для мужчин¹⁰. Политические взгляды участников иногда дают о себе знать, но это единичные случаи, поскольку аудитория форумов ориентирована на подчеркнута аполитичный тон и старается избегать острых и болезненных тем.

Ежедневные беседы среди любителей парфюмерии, строго говоря, имеют много общего с разговорами любого иного кружка по интересам, однако увлечение ароматами гораздо более явно заявляет о себе перед посторонней аудиторией. Коллекция кукол остается дома, сообщество, посвященное любимому сериалу, – в Сети, но парфюм выходит в мир вслед за своим обладателем, привлекает внимание и вызывает реакцию, которую носитель аромата не может не замечать. Свои запахи исходят и от людей вокруг, а также от цветов, скошенной травы, мокрого асфальта, свежей краски, помоек и т. д. – и обостренное обоняние любителей парфюма не в состоянии игнорировать эти запахи. Таким образом, посетители парфюмерных форумов вынуждены в существенно большей степени учитывать фактор постоянного взаимодействия с окружающим миром. И наблюдение за их беседами, за самим языком парфюмерных форумов может позволить в более отчетливом виде проследить за проявлением характерных черт сообщества, осознающего себя в качестве такового, за признаками, отличающими «своего» от «чужого», и за тем, как увлечение парфюмом сказывается на групповой и индивидуальной самоидентификации тех, кто изначально мог зайти на форум из мимолетного любопытства.

* * *

Среди поклонников парфюмерии в Рунете сложилась традиция не без иронии именовать самих себя «парфманьяками», реже – «парфюманами». Парфманьяк, разумеется, помешан на ароматах, страдает в разлуке с ними, осознает свою слабость, но не спешит в ней каяться, а, напротив, ищет общества себе подобных:

Я – начинающий парфманьяк! До сего момента увлекалась люксами, но очень хочу приобрести селектив! Уважаемые парфманьяки, подскажите с чего мне начать или что предпочтительнее затестить?¹¹.

16 декабря в 15:00, в Риге, состоится встреча парфманьяков. ...Добро пожаловать!!¹²

«Парфманьяк» осознает, какое впечатление это самоназвание может произвести на непосвященных и охотно подсмеивается над собой и собратьями:

...«Парфманьяки» – звучит конечно жутко, сразу перед глазами возникает образ всклокоченной женщины (или мужчины) с горящими глазами, прижимающей кучу флакончиков к груди-)))¹³.

«Парфманьяк» до известной степени, хотя и не вполне всерьез, уподобляет свое увлечение столь болезненным формам зависимости, как алкоголизм и наркомания:

Меня зовут Лена, и я алк.. парфюман-шопоголик¹⁴.

Надо, наверно, забыть пароль от Лапы и пользоваться тем, чем забиты полочки в шкафу. Но тогда начнется «ломка»¹⁵.

Результатам этой самодиагностики могут вторить и близкие «парфманьяка»:

Сижу с серьёзным лицом, набрызгиваю парфюмку в шприц. Заходит в комнату муж, видит это всё, мягко говоря обалдевает и спрашивает:

– А что через нос уже не пробирает? По вене решила пустить?¹⁶

Словом, «парфманьяк» – это устоявшееся определение, обладающее для сообщества любителей парфюмерии вполне определенным набором коннотаций, поэтому представляется допустимым впредь использовать его без кавычек.

Может сложиться впечатление, что отношение парфманьяков к своему хобби столь же иронично, но остроты и рассказы о забавных переделках служат лишь дополнением к главному, к огромным коллекциям, многомесячной азартной охоте за особенно ценными образцами¹⁷, серьезному изучению парфюмерии и ее истории, чтению доступной на русском языке литературы и переводам недоступной¹⁸. Это увлечение, благодаря которому меняется и обогащается само восприятие окружающего мира.

Для меня парфюмерия – это искусство сродни литературе, а ароматы – как книги, которые я читаю. Некоторые хочется перечитывать много раз до конца жизни, некоторые – прочитав один-два раза и отдать другому читателю, некоторые вообще достаточно бегло пролистать. Но библиотеку хочется собрать большую и содержательную, десятком книг не обойдешься¹⁹.

* * *

В сообществах парфманьяков сформировался набор терминов, имеющих хождение только в этой среде или наделенных принятым только здесь значением, так что новичкам приходится либо самостоятельно вычислять значение незнакомых слов, либо обращаться за консультацией к старожилам, которые поясняют, что такое, например, «отливант»:

Отливанты – это НАСТОЯЩИЕ ароматы, которые девочки отпшикивают для Вас в атомайзер или пробирочку из своих бутылочек большого объема²⁰.

Из употребляемых парфманьяками терминов можно назвать также «распив» – коллективное приобретение большого флакона дорогостоящего или редкого парфюма, в результате которого каждый участник получает «отливант» со своей долей, «намаз» как способ нанесения парфюма, «передоз» – превышение оптимального его количества, «запой»²¹ – невозможность оторваться от одного и того же парфюма в течение относительно долгого срока, «пшик» – как способ измерения количества парфюма, «компот» – либо парфюмерная композиция с доминирующими фруктово-ягодными нотами, либо (чаще) нечто незатейливо-«вкусненькое», предназначенное для нетребовательной аудитории, «минька», «атом» и «милики» – сокращения от «миниатюры», «атомайзера» и «миллилитра». Парфюмы, как следует из процитированного выше, «отпшикивают», а еще они «раскрываются», «замыливаются», «одеколонятся» и даже «индолят».

* * *

Основное содержание парфюмерных бесед составляет, разумеется, обмен не столько шутками, сколько ежедневным опытом взаимодействия с туалетными водами и духами, причем последние в рассказах пользователей предстают обладателями свойств, как будто бы несовместимых с жидкостями во флаконах.

Парфюм уподобляется одежде или аксессуарам, его не только «наносят», но и «наряжаются в него» («наряжусь как я сегодня в Маору Герлен, потрясающе красивый аромат!»²²) или «надевают» («Rouge Avignon, Phaedon. Давненько его не надевала, а тут вдруг захотелось»²³). Как и одежда, парфюм может быть «статусным», может подходить или не подходить для собеседования и для работы в офисе, для роли невесты или подружки на свадьбе, для тематической вечеринки и для выезда на дачу. Пользователи регулярно просят совета на этот счет и охотно делятся опытом. И, как и в случае

с предметами гардероба, подбор аромата в каждом конкретном случае может превратиться в довольно сложную операцию.

Подобно одежде, парфюм может «сесть» или «не сесть»:

Обычно мы говорим – сел аромат или не сел, так как мы его носим (как одежду)... т. е. аромат который в сочетании с Вашей кожей меняется настолько, что узнать его через некоторое время просто невозможно – здесь и уместно выражение – не сел, не садится²⁴.

...Если аромат НА КОЖЕ раскрылся-изменился не в лучшую сторону, это и значит – «не сел». И наоборот, во флаконе/на блоттере запах может не нравиться, но на коже раскрылся неожиданно и красиво – «сел»:)²⁵.

Таким образом, требуется точное соответствие парфюма его носительнице, достижение гармонии между ними. Путь к ней лежит через дотошное изучение ароматов, знакомство с отдельными составляющими их «нотами», чтение любительских описаний и профессиональной литературы. Фактически, серьезное «парфманьячество» требует развития исследовательских навыков и ежедневного их применения:

...Нужно записывать свои ощущения от ароматов, читать чужие отзывы и вдумчиво тестировать и новые ароматы, и уже известные. ...Когда перепробуешь определенное кол-во ароматов, начинаешь выделять ноты, понимаешь индивидуальное звучание определенных аккордов конкретно для тебя. Вдумчивые затесты позволяют почувствовать динамику парфюма, насколько он созвучен тебе²⁶.

Вместе с этим большую роль играет и методичное накапливание информации о результатах «разнашивания» – упорной практической деятельности по выяснению оптимального количества «пшиков» аромата («Один пшик на затылок под волосы – это если парфюм тяжелый...»²⁷) и наиболее подходящих для его ношения погодных условий:

Утром была в mon parfum cheri par camille, приятно раскрылся клубничкой и пачули, но не убедил, посему после обеда переделась в Коромандель. Как же она дивно хороша в холодную ветреную погоду, чудо!²⁸.

En Passant Frederic Malle сегодня как-то запудрился или даже замылился в помещении... странно, ясно одно ему нужен простор и ветер²⁹.

Сегодня была в Мицуко Герлен, как же красиво раскрылся аромат, никогда бы не подумала! Ассоциировался всегда с осенью! Но как красив был сегодня, особенно на воздухе! Видимо пересмотрю сезонную принадлежность аромата³⁰.

Но если даже влияние времени года и погоды на взаимоотношения с парфюмом носят весьма личный характер, то еще более индивидуальным оказывается, естественно, подбор аромата, наиболее соответствующего расположению духа:

Уже полдень, а я так и не поняла, что у меня сегодня за настроение. Так всё ровно, нейтрально, спокойно – значит, самое время для Beige Chanel³¹.

Погода испортилась. Захотелось развеять грусть-тоску. Black Saffron, Bugedo. Ярко, громко, позитивно³².

Готье классик, яркий, солнечный, нахальный, как моё сегодняшнее настроение³³.

А на Fragrantica.ru был даже открыт тред, посвященный «парфюмам-антидепрессантам»³⁴.

Взаимодействие с парфюмерией оборачивается процессом столь увлекательным, непредсказуемым и, главное, настолько индивидуальным, что начинает, судя по высказываниям, восприниматься уже как подобие полноценных взаимоотношений между двумя субъектами, в которых парфюм претендует на весьма активную роль. Описываются эти непростые взаимоотношения примерно так же, как если бы речь шла об отношениях чисто человеческого плана – «романе» или дружбе:

...Были испытания с винтажной Мицуоко в духах – подружились. Красивая, грусти не нашла!³⁵

...Сегодня Кожа дракона решила сделать мне неожиданную козу: выдала жесточайший призыв галантереи, просто удушающий³⁶.

Изменяю Амуажам с Ecstasy Tiziana Terenzi³⁷.

...С парфюмом как с мужчиной: пока он к тебе идёт сам, он тебе не нужен, стоит ему уйти и пропасть из поля зрения, он уже незаменим и желанен³⁸.

И всё! На этом наши отношения закончились, больше не могу носить его вообще. ...Один раз за это время нанесла и убедилась, что да, наши отношения изжили себя. Теперь опасаясь так сильно влюбиться³⁹.

В основном рассказывается о подобных взаимоотношениях с ароматами языком подчеркнуто «женским» – с большим количеством уменьшительно-ласкательных суффиксов, с использованием слов типа «любимка» и с «женских» позиций, когда парфюм уподобляется подруге или любимому. Пользователи мужского пола в среднем стремятся к большей сдержанности, но иногда тоже могут позволить себе подобную экспрессивность⁴⁰.

Обращает на себя внимание также, насколько далек от «научного» стиля язык парфюмерного форума. Само увлечение претендует на серьезный уровень, постепенно превращая своих adeptов в полноценных специалистов, но речь этой серьезности и научности противоречит, речь неформальна и в основном производит впечатление не прошедшей литературную обработку, фактически разговорной. Причем несогласованные фразы, отсутствие знаков препинания, строчные буквы вместо заглавных, орфографические ошибки, описки и намеренные эрративы – все это позволяет судить о том, в каких обстоятельствах реплики на форумах могли набираться: в свободную минутку на работе, в транспорте... Это речь, которую невозможно отделить от повседневной жизни парфманьяков.

* * *

Увлечение парфюмерией – хобби, которое сложно скрыть от посторонних: они, конечно же, реагируют на исходящие от парфманьяков ароматы. К тому же, хотя использование парфюмов и относится к области в целом одобряемого обществом женского «ухода за собой», стоят флаконы по большей части недешево: пополнение коллекции со стороны может выглядеть неоправданным расточительством. Поэтому взаимодействие с родственниками, коллегами и даже случайными прохожими порождает немало щекотливых и конфликтных ситуаций, требующих обсуждения с единомышленниками.

Парфманьяки, как правило, интересуются впечатлениями, которые их парфюмы производят на окружающих⁴¹, более того, изучение таких отзывов входит в «программу» освоения парфюмерной премудрости, но реакция порой оказывается неожиданной и не слишком приятной. Причем к огорчению из-за того, что парфюм может восприниматься как что-то не слишком благоуханное⁴², добавляется и осознание очевидной бестактности и собственной уязвимости перед ней:

Хозяйка сразу спросила, что это за ужасный парфюм, фукала и мне пришлось попробовать его смыть. ...Я с тех пор к ней в гости езжу, не пользуясь парфюмами⁴³.

Я один случай помню, зашла в Сбербанк в Tumulte Лакруа (2–3 пшика), там небольшая очередь. И дама, стоящая передо мной, поворачивается и ехидно так говорит: «Чувствуете, от кого-то одеколом плохо запахло?»⁴⁴

Парфманьяк самим исходящим от него запахом привлекает к себе внимание, – а поскольку речь обычно идет о малоизвестном

парфюме либо о парфюмерной классике, которую полагают старомодной, – заявляет о себе, как о человеке, намеренно выходящем за рамки принятых стандартов. Сам парфюм может даже получить одобрение, но если он не сочетается с представлениями комментаторов о том, кому и какими ароматами надлежит пользоваться, замечание все равно будет сделано⁴⁵. И, становясь объектом резких замечаний, парфманьяк оказывается перед выбором: безропотно принять критику или думать об обороне⁴⁶.

Другие как просто «окружающие» превращаются, таким образом, в «Других», которых парфманьяк постоянно сопоставляет с собой и себе противопоставляет. «Другой», разумеется, тоже может охотно пользоваться парфюмерией, но в основе его интереса все равно будет лежать иной принцип. Парфманьяк кропотливо изучает ароматы, стремится к знакомству с возможно большим их числом и ищет среди них то, что наиболее соответствует ее/его индивидуальности; в центре его/ее внимания с равным успехом могут оказаться как последняя новинка, так и флакон полувековой давности; женщина – не пренебрежет знакомством с мужским парфюмом, а мужчина – с тем, который считается женским. «Другой» же ориентируется на моду, на вкусы большинства, либо на то, что ему представляют в качестве престижного, статусного: он в любом случае стремится к некоему стандарту и позволяет маркетологам делать за себя выбор. «Другой» наивно коверкает названия духов и парфюмерных фирм, верит в наличие в парфюмах феромонов, притягивающих противоположный пол, путает указанное на упаковке количество парфюма в унциях с чем-то вроде индекса стойкости – словом, всячески демонстрирует свою непросвещенность. В среднем «Другой» обычно благоухает чем-то непритязательным, часто перебарщивая с количеством «пшиков» и тем самым навязчиво вторгаясь в личное пространство парфманьяка. Да и сама по себе парфюмерная безграмотность добавляет «Другим» бестактности по отношению к персоне, пользующейся ароматами, с их точки зрения, странными и к тому же слишком дорогими. А добровольный отказ «Других» от того, что так обогащает жизнь парфманьяка, вызывает у последнего недоумение и досаду:

Свежий пример: заскочила к куме, будучи в «Путане» ЭЛДО. Она говорит: «Новые духи? Классные! Почему?» я, с воодушевлением: «На шару! Всего за 38 евро подруга из Лондона прислала!» В ответ «Тю... Я на рынке за 8 евро беру, и тоже сильно пахнет!»⁴⁷

...Вспомнила как одна дама в дьюти фри требовала гуэрлен. И еще по молодости наша однокурсница говорила гукки, а другая спорила

и говорила кучи, но победила самая продвинутая она сказала что правильно говорить кукци. Как вы догадались это все о Гуччи!⁴⁸

...Она мне спустя 3 (!) месяца показывает запечатанную коробочку. Я, конечно, тут же предлагаю открыть понюхать, а она: «Ты что?! А вдруг мне не понравится, а так я смогу его кому-нибудь подарить!» Т. е. людям даже неинтересно, что там скрывается, какое волшебство, настроение или ассоциация...⁴⁹

Добавляет напряженности во взаимоотношения парфманьяков и «Других» и то, что последние, осуждая любителей нестандартных ароматов, склонны вовсе не замечать запахов пота, перегара, застарелого табачного дыма и т. д., причиняющих большие неудобства парфманьякам с их чувствительным обонянием.

Парфюмы им можно критиковать, демонстративно открывать окна в маршрутках и зажимать носы, а потному мужику и сказать никто ничего не может⁵⁰.

У нас вообще женщины редко пользуются парфюмом, чаще улавливается что в магазинах, что на работе зАпах пота, еды (чеснок, лук), окурками и похмельем. Но это считается натуральным зАпахом человека, а парфюм бескультурьем⁵¹.

Впрочем, парфманьяки бывают не прочь и обсудить, и осудить «Другого» и в том случае, если тот не проявляет никакой агрессии по отношению к парфманьяку, даже вовсе его не замечает. Основание для неодобрения будет примерно тем же – очевидная парфюмерная неразвитость, причем это касается как людей предположительно небогатых, для которых парфюм – роскошь, так и тех, кто производит впечатление полного финансового благополучия:

Дама в норковой шубке и с хорошим макияжем неспешно выгуливала бульдожку в нашем дворе. От дамы исходил посыл высокомерной уверенности в себе. От шубки – сильный шлейф кисленького компотика... Увы!⁵².

Отдельную разновидность «Других» представляют те, кто, по идее, должны были бы выступать в роли союзников – продавцы-консультанты из парфюмерных магазинов, люди, ежедневно пребывающие в мире ароматов, но неспособные или нежелательные выйти за пределы стереотипных представлений о своем товаре и его потенциальных покупателях. В глазах консультанта парфюмерные новинки всегда имеют преимущество перед классикой, а хиты продаж – перед ароматами, которые способен оценить только

изощренный вкус. Особое недовольство у парфманьяков вызывает тот факт, что их друзья, мужья, дети, искренне желающие порадовать жену, подругу или мать парфюмерным подарком, нередко становятся «жертвами» консультантов, в результате чего парфманьяк попадает в неловкое положение. Ограниченность и навязчивость усугубляются еще и бесцеремонностью по отношению к покупателям, чьи запросы кажутся консультантам абсурдными.

Видели бы Вы, КАК меня сегодня обхаяла продавщица, когда я покупала себе Нежный Ирис от Букета России. Она говорит: «А Вы пробовали новый аромат от Агилеры?» Отвечаю, что да, не понравился. Она в ответ: «Что Вы, он Не может не нравиться, у Вас совсем нет вкуса! Оно и видно, Букет России покупаете – это же ТОЛЬКО для бабушек, стоит 60 р.. Хотя бы попробовали ради интереса НОРМАЛЬНЫЕ ароматы»⁵³.

Складывается достаточно парадоксальная ситуация – парфюм, который, казалось бы, призван добавить привлекательности своему носителю и подтвердить ее/его статус в обществе, т. е. облегчить для нее/него процесс коммуникации с другими людьми, в случае с парфманьяками, напротив, только усложняет взаимоотношения с непосвященными, увеличивает вероятность конфликтов. Наслаждаясь любимым ароматом не в полном одиночестве, парфманьяк по большей части пребывает в состоянии настороженности, психологически не слишком комфортном, готовясь отстаивать свое право на этот аромат. Но малоприятные последствия увлечения парфюмерией во многом искупаются осознанием собственной парфюмерной просвещенности и наличием круга единомышленников на форуме. Ценность самого парфюма оказывается столь же или даже менее существенной в сравнении с ценностью новообретенного чувства собственного парфюмерного достоинства (зачастую переходящего в парфюмерный снобизм) и ощущением причастности к сообществу себе подобных, наличием места, где всегда можно найти понимание.

Поскольку парфманьяку в любом случае приходится и работать, и жить среди «Других», предстоит продумывать стратегию и тактику сосуществования, и этот круг проблем также весьма охотно обсуждается среди «своих». Среди вариантов поведения по отношению к «Другому» – и игнорирование⁵⁴, и полноценные боевые действия⁵⁵, и попытки установить дипломатические отношения:

...Сама я, надевая на работу очередной новый парфюм из коллекции, просила коллег прямо сказать мне, если для кого-то он невыносим.

По мне, лучше я буду носить аромат куда-то ещё, кроме работы, чем меня за моей спиной будут ненавидеть⁵⁶.

Один из самых привлекательных вариантов – выступить по отношению к парфюмерно неразвитым родственникам, друзьям и коллегам в роли просветителя, эдакого цивилизатора. И хотя этот вариант сложен и дается не всем, рассказы об успехах соратников в области приобщения человечества к прекрасному воспринимаются с воодушевлением и гордостью за «своих»:

Девочка на работе шлейфит Елисейскими полями (скромно потупившись, я посоветовала). Нравятся они мне. И девочка хорошая. А вобще то я своих коллег парфюмками позаражала таки⁵⁷.

Наташ, приучайте их к Хабаните по капельке, и ни за что не уходите на улицу – пусть сидят, и с вами ощущают всю красоту постепенного раскрытия. КультПросвет – в массы⁵⁸.

Недавно показывала маме свою обновку Serge Lutens Tubereuse Criminelle. Сегодня собираюсь на работу, нанесла на себя сей аромат. Мама почувствовала их и говорит: «Это те, которые в “гробике”?» Научила на свою голову терминологии...⁵⁹

И особенно приятно бывает с помощью слова-маячка узнать в потенциальном «Другом» – «своего». Или хотя бы родственника этого «своего»:

...Как-то осенью на одной почтенной даме услышала дивный запах.. такой альдегидный, явно ниша, но мне не знаком был...)) На комплимент и вопрос, что за чудо – дама ответила, что подарила ей дочь, ей не подошёл, название она не помнит... НО..., (вот здесь прикол) – КУПЛЕН БЫЛ НА РАСПИВЕ на каком-то форуме...))⁶⁰.

* * *

Самоидентифицируюсь в качестве парфманьяков, пользуясь понятной лишь «своим» терминологией (в том числе и шуточной), отстаивая свое право на увлечение парфюмерией и заражая им прежде равнодушных к этой теме новичков, ядро пользователей русскоязычных парфюмерных форумов поддерживает друг в друге уверенность в том, что каждый из пользователей имеет полное право на свое хобби. Оно влияет и на характер контактов с другими людьми, и в целом на восприятие окружающего мира – так что ежедневный путь из дома на работу превращается в исследование «запахов города»⁶¹, живопись и музыка рассматриваются в контексте ольфакторных ассоциаций, в книгах

выискиваются упоминания духов, а в фильмах высматриваются и опознаются флакончики, мелькающие в кадре⁶². Столь внимательное отношение к объектам, не вызывавшим пристального интереса до увлечения парфюмерией обратной стороной имеет не менее внимательное наблюдение за собой, за своими реакциями. Итогом становится более четкое представление о том, что собой представляет это самое «Я», где границы между ним и окружающими, какова допустимая степень взаимного воздействия между «Я» и «Другими» и где начинается личная территория, на которой постороннее вмешательство недопустимо. Таким образом, название одного из разделов личной странички пользователя на форуме Фрагрантики, «Мое ароматное Я» (посвященного, разумеется, лучше всего отражающему личность носительницы аромату), невольно указывает на неожиданную роль, которую парфюмерное хобби начинает играть в жизни наиболее преданных своих адептов, – способствуя индивидуализации их представлений о самих себе.

Примечания

-
- ¹ Fragrantica.ru парфюмерный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/> (дата обращения: 03.04.2016).
 - ² Там же.
 - ³ Там же.
 - ⁴ Там же.
 - ⁵ Lparfumerie.org [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lparfumerie.org/> (дата обращения: 03.04.2016).
 - ⁶ Парфюмедиа [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://www.lparfumerie.org/parfumedial/> (дата обращения: 03.04.2016).
 - ⁷ Aromania.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aromania.ru/> (дата обращения: 03.04.2016). 44 443 пользователей по состоянию на 03.04.2016.
 - ⁸ Aromablog.ru. Парфюмерные обзоры и новости [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aromablog.ru/> (дата обращения: 03.04.2016).
 - ⁹ Включая и ту версию, которую в фильме «Ирония судьбы, или с Легким паром!» (1975) Ипполит преподносит Наде.
 - ¹⁰ Количество тем (более полутора тысяч) «Выбора духов. Советов для мужчин» говорит о том, что подфорум действительно востребован. Тем не менее в «Выборе духов. Советов для женщин» – больше четырех тысяч тем.
 - ¹¹ Комментарий пользователя Marisa [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/qgwfSFю> (дата обращения: 03.04.2016).
 - ¹² Комментарий пользователя Monte [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=13792&p=5> (дата обращения: 03.04.2016)..

- ¹³ Комментарий пользователя parazitka [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=13792&p=5> (дата обращения: 03.04.2016).
- ¹⁴ Комментарий пользователя Yelena [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/sQJNYn> (дата обращения: 03.04.2016).
- ¹⁵ Комментарий пользователя Инна Inna [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/UHJxKn> (дата обращения: 03.04.2016).
- ¹⁶ Комментарий пользователя Пусичка Пушистая [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=65008&p=5> (дата обращения: 03.04.2016).
- ¹⁷ Комментарий пользователя Hartley: «Это ж так страшно увлекательно – сидеть в пампасах и караулить! Я вот даже немного опустошенность какую-то чувствую, потому что все, отохотилась, нету куража и азарта» [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/MZUbGO> (дата обращения: 03.04.2016).
- ¹⁸ До выхода на русском языке книги «100 лучших ароматов. Как выбирать и носить духи» Т. Санчез и Л. Турина с мнением Луки Турина, чрезвычайно популярного у парфманьяков, можно было познакомиться только благодаря любительским переводам. См.: *Санчез Т., Турин Л. 100 лучших ароматов. Как выбирать и носить духи.* М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
- ¹⁹ Комментарий пользователя aldanare [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=53119> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁰ Комментарий пользователя Bastinda [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/HLw95y> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²¹ Можно отметить, что «передоз» и «запой» тоже говорят об ироническом уподоблении своей парфюмерной зависимости алкоголизму и наркомании.
- ²² Комментарий пользователя блондик [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/twMzAQ> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²³ Комментарий пользователя svkbak [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/7homIU> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁴ Пользователь Pretu [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/xgX72N> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁵ Комментарий пользователя Людмила [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/xgX72N> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁶ Комментарий пользователя Шардоне [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=94682&p=2> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁷ Комментарий пользователя Damascena [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/pFxfv> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁸ Комментарий пользователя fleur d'hiver [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/f4d5Py> (дата обращения: 03.04.2016).
- ²⁹ Комментарий пользователя Саламандра [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/oE4Lio> (дата обращения: 03.04.2016).

- ³⁰ Комментарий пользователя Ольга777 [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/aUSvfQ> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³¹ Комментарии пользователя Ольга Д [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/ci7ZUs> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³² Комментарий пользователя Туша [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/f9YHYx> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³³ Комментарий пользователя Цыганочка [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/BS1e6s> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³⁴ Fragrantica.ru Парфюмерный журнал [Электронный ресурс] URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=68825> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³⁵ Комментарий пользователя anna-may-may [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/t27RPk> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³⁶ Комментарий пользователя Vakrem [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/zK0RzH> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³⁷ Комментарии пользователя danavi2012 [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/0OQazw> (дата обращения: 03.04.2016).
- ³⁸ Комментарий пользователя omma [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/wjP1jn> (дата обращения: 03.04.2016)..
- ³⁹ Комментарий пользователя Mystery [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/7E8t1U> (дата обращения: 03.04.2016)..
- ⁴⁰ Комментарий пользователя Роман Бузуев: «Перенюхав несколько мужских ароматов, я сразу же, моментально, можно сказать, втрескался в один из них...» [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=129548> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴¹ На Lparafumerie.org есть треды: «Ароматы, которые собрали больше всего комплиментов» [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/i6kbBv>; «Самые необычные комплименты вашим парфюмам» [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/awbUK0>; «Ароматы, которые положительно оценили ваши мужчины» [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/s4SlDh>; а на Фрагрантике – тред «Комплименты» [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=65026> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴² Комментарий пользователя roseorhideya: «... любимый унюхал кошек в классическом Шалимаре))), а я чувствую ваниль и засахаренные апельсиновые корочки, обожаю, при нём не наношу теперь» [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=77074&p=4> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴³ Комментарий пользователя жжжжжж [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=77074&p=3> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴⁴ Комментарий пользователя muza [Электронный ресурс] // Lparafumerie.org. URL: <http://goo.gl/nNDoRS> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴⁵ Комментарий пользователя Еленка Рыжая: «...чаще чем хотелось бы слышала от всяких умных женщин, что мои парфюмерные вкусы мне не соответствуют,

- типа ой, такой аромат дорогой (сексуальный), тебе не подходит, ты губы не красишь и в декольте не ходишь...» [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/4M1C66> (дата обращения: 03.04.2016)..
- ⁴⁶ Комментарий пользователя Kleopatра: «И она повела носом и сказала – *фи! покойниками пахнет!* На что я невозмутимо отреагировала – а вам, говорю, часто доводилось покойников нюхать?! Она сразу замолчала и сделала вид, что ничего не говорила» [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/AqbhpY> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴⁷ Комментарий пользователя Bastinda [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/unS98X> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴⁸ Комментарий пользователя Ниагара [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=65008&p=5> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁴⁹ Комментарий пользователя Пачуля [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/DvGVKL> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵⁰ Комментарий пользователя Violator72 [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=51116&p=2> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵¹ Комментарий пользователя аромашка [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/fLorHR> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵² Комментарий пользователя Sibirochka [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/NOi7qB> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵³ Комментарий пользователя Yanka58 [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/L6pfRZ> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵⁴ Комментарий пользователя Iris: «...про комментарии тех, кто парфюмом не пользуется вообще, и говорить не интересно. Что с них взять? Парфюмерия – как музыка. Для тех, кто всю жизнь слушает только примитивную попсу, симфонический концерт – всего лишь набор раздражающих звуков» [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/reqDQ3> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵⁵ Комментарий пользователя Helena/2012: «Я в своё время боролась всячески: И наносила откровенный термоядер в таких дозах аж самой было противно, использовала совсем малое количество и намазом, и не носила совсем, и язвила в ответ, и критиковала их парфюмы! Даже приходила раньше всех и брызгала самым противным освежителем воздуха! Короче воевала всеми способами, но тщетно! Избавиться от ФУУУ смогла только путем повышения в должности и переходом в отдельный кабинет!» [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=51116> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵⁶ Комментарий пользователя Эльвира [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=51116&p=4> (дата обращения: 03.04.2016).
- ⁵⁷ Комментарий пользователя iriska [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/Pe3Dpz> (дата обращения: 03.04.2016)..

⁵⁸ Комментарий пользователя Samsara1983 [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/ANRLX9> (дата обращения: 03.04.2016).

⁵⁹ Комментарий пользователя zygomaticus [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=64998&p=13> (дата обращения: 03.04.2016); Serge Lutens выпускает парфюмы во флаконах двух типов, которые напоминают пользователям «колокольчики» и «гробики».

⁶⁰ Комментарий пользователя Кэти2 [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/JrIctk> (дата обращения: 03.04.2016).

⁶¹ См.: тред «Ароматы окружающих или Запах города» [Электронный ресурс] // Lparfumerie.org. URL: <http://goo.gl/t5IImF> (дата обращения: 03.04.2016).

⁶² См.: тред «Парфюмы в кино и не только» [Электронный ресурс] // Fragrantica.ru парфюмерный журнал. URL: <http://www.fragrantica.ru/board/viewtopic.php?id=331> (дата обращения: 03.04.2016).

Abstracts

Yu. Asoian

New European morality genealogy of MacIntyre's conception

The conception of Alasdair MacIntyre is discussed in this article. The conception is interpreted within the framework of modern European moral theory genealogy. With regard to the MacIntyre's views the genealogy problematisation of his conception implies certain difficulty. It lies in the fact that MacIntyre does not define his project as "genealogy". Nevertheless, the author shows that the consideration of new European moral theories, categories and concepts of ethics (in the situation of their occurrence) – is an important perspective of MacIntyre's research. Its main problems are associated with the discussion of the controversial values of the universalist "rational justification of morality" in the Age of Enlightenment, the formation of "the individual" structure and how it has affected the entire conceptual field of moral theory.

Keywords: morality genealogy, the Enlightenment project, moral universalism, concept of the individual.

A. Drozdova

Visual representation of the everyday in new media

The article is dedicated to studying visual ways and forms of the everyday representation in new media. It is shown that with the development of network communication the construction of the everyday is exercised through self-representation, or a user's own life world. Transparency of every step on the Web results in that the former Internet hierarchy of primary/secondary, "top"/"bottom" is eliminated, boundaries of the particular are diluted, ways of man' private space representation are changed. In the social networks the user personally creates a version of his own self and a visual trajectory of his everyday life but at that the format of visual messages is specified by socially desired images and socially accepted behavior.

Keywords: new media, the everyday, visuality, content, online communication, self-representation.

A. Lisovskaya

The image of “youth” in the perception of Instagram users

The article analyzes the image “youth” as it is reflected in users’ profiles of Instagram and the methods of definition of its elements. Instagram gives an opportunity to experiment with the self-representation, especially, with characteristics marking the age. Particular consideration is given to an artificial origin of the image “youth” and application of its elements to the user identity creation. In the article some methods used by Instagrammers in the process of the image of “youth” forming are given.

Keywords: social media, image “youth”, self-identification, age.

D. Novgorodova

The Kunstkammer Mineral cabinet catalogs of the 18th century in the context of the collections cultural history

The article deals with the representation of the collections of Mineral cabinet of the Kunstkammer in its catalogs (1745, 1760, 1789) in the perspective of cultural history of the collections. To analyze the complex of specific cultural meanings both individually and in their relations (catalog-collection-specimen), an algorithm developed by the founder of post-procedural archeology, Ian Hodder, was used.

Keywords: history of collections, history of mineralogy, Mineral cabinet of the Kunstkammer, A.E. Fersman Mineralogical museum of RAN, mineral catalogs, mineralogical collection.

E. Pronkina

Methodological issues in studying emotional experience’s representations of users of social media

In this paper an attempt is made to describe some of the issues that the researcher encounters in the process of working with representations of personal emotional experiences of users in the space of social media. Emotional experiences are considered as constructs that focus on user self-presentation and communication with other users in social media. The question is raised about how social media mediates the representation of emotional experiences

Keywords: emotional experiences, social media, representations.

O. Rymarenko

Sci-fiction writers as generators of the scientific ideas

The article is concerned with the connection between the world of writer's imagination and the realization of intentions in artefacts through Karl Popper's concept of three world and growth of objective knowledge by an example of *The Hyperboloid of Engineer Garin* ("The Garin's Death Ray") by Alexei Tolstoi. The author analyzes intertextuality of the novel, metaphor of its title and the main character.

Keywords: hyperboloid, Alexei Tolstoi, Karl Popper, objective knowledge, concept of three world, intertextuality, metaphor of Garin.

E. Savitskiy

Visual representation of social differences at the end of the 19th century. "An artistic album of life photographs" by A.O. Karelin

Andrey Karelin's photographs from 1870–1890-ies are often used to support the nostalgic visions of Russia's prerevolutionary past, and this is made possible by the inherent artistic conception of these works – Karelin created historicizing images of harmonious everyday life in the provincial city of Nizhniy Novgorod. At the same time conditions of making such images allow to see a range of social and cultural oppositions, appropriate for those artworks and related to the imperial and colonial experiences of the time.

Keywords: photography, Andrey Osipovich Karelin, Nizhniy Novgorod, everyday history, social differences, empire, colonization.

A. Tarasova

My own fragrant self. Group and individual self-identification of perfume forums users in Runet

The article explores the language of thematic forums in the RuNet dedicated to a discussion of the perfumery and the specific functioning features of a community formed around the main body of users of those forums and an impact of the passion for perfumery on participants self-identification.

Keywords: perfumery, perfumery forum, community, individuality, self-identification.

Zh. Umanskaya

An issue of the modern scientific knowledge representation in ordinary consciousness

From the position of sociology of knowledge, the article considers various aspects of the representation ideas of nonclassical natural science and the modern natural science picture of the world in the ordinary consciousness of students of the Humanities and graduates of secondary and higher educational institutions.

Keywords: sociology of knowledge, epistemological constructivism, social representations, representation of scientificity in the everyday, commonplace mentality, the modern natural science picture of the world, scientific popularization.

O. Yanutsh

Typology of cultural and historical education models

Cultural study of education is a new area of scientific knowledge, which is call for a search for scientific and theoretical foundations of the typology of cultural and historical education models. The paper proposes a typology version constructed on the basis of system-synergetic approach. The author identifies five models which reflect different types of relationship between such subsystems of education as a cultural educational traditions, educational paradigm and horizontal transmission specified by socio-cultural context. This allows to turn from a simple historical and descriptive review of the education systems of different ages and cultures to a higher level of their theoretical generalization and analysis.

Keywords: typology of culture, cultural and historical education models, cultural educational tradition, institutionalization of education, educational paradigm, cultural transmission, socio-cultural context, system-synergetic approach.

I. Zakharchenko

Digital art presentations in the context of multimedia expositions. Perception issues

Digital culture paradigm creates new socio-cultural practices, the analysis of which provides opportunities to discuss features of the

modern cultural consciousness. Using the current methods of artistic information allows us to raise a question of translation methods for the modern humanities. The analysis of digital art presentations in the format of multimedia exhibits provides evidence of new algorithms for the acquiring knowledge about art and artistic perception, which corresponds to the laws of modern mass entertainment. That makes the media exposure a popular form of entertainment and lucrative commercial product.

Keywords: media technology, art information, art perception, digital copy, multimedia exhibition.

S. Zotov

Alchemy in early USSR

The article is an attempt to show a retrospective of references, practices of alchemy, alchemical allusions and influences in the early USSR in the context of “alchemical thinking”. The author considers a phenomenon of alchemical allusions in verses and popular science texts of the early USSR. The work highlights the correlations of the early Soviet occult tradition and Russian cosmism with alchemical gnosis and offers various options for interpreting the contradictory phenomenon of “Soviet alchemy”.

Keywords: history of alchemy, alchemy, USSR, alchemy in the USSR, V.V. Ryumin, Ya.I. Perelman, cosmism, V.I. Vernadsky, K.E. Tsiolkovsky, esotericism.

Сведения об авторах

Асоян Юлий Арамович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, assoyan@mail.ru

Дроздова Алла Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью факультета социальной психологии Гуманитарного университета (Екатеринбург), drozdovaalla@mail.ru

Захарченко Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, inzakh@gmail.com

Зотов Сергей Олегович – аспирант Русской антропологической школы РГГУ, godlike90@rambler.ru

Лисовская Алиса Олеговна – аспирант кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, slice.of.alicelife@gmail.com

Новгородова Дарья Дмитриевна – научный сотрудник Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН, dnovgorodova@gmail.com

Пронкина Елена Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, pronkina-elena1307@yandex.ru

Рымаренко Оксана Сергеевна – аспирант кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, goxanas@rambler.ru

Савицкий Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, e.savitski@gmail.com

Тарасова Александра Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, aleks.tarasova@gmail.com

Уманская Жанна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований РГГУ, zh.umanskaya@mail.ru

Янутш Ольга Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры факультета философии человека Государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, yanutsh@gmail.com

General data about the authors

Asoian Yulii A. – Ph.D. in Philosophy, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, assoyan@mail.ru

Drozдова Alla V. – Ph.D. in Philosophy, associate professor, head, Department of Advertising and Social Communication, Faculty of Social Psychology, University for the Humanities (Yekaterinburg, Russia), drozdovaalla@mail.ru

Lisovskaya Alisa O. – postgraduate student, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, slice.of.alicelife@gmail.com

Novgorodova Daria D. – researcher, A.E. Fersman Mineralogical Museum, Russian Academy of Science, dnovgorodova@gmail.com

Pronkina Elena S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, pronkina-elena1307@yandex.ru

Rymarenko Oxana S. – postgraduate student, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, roxanas@rambler.ru

Savitskiy Evgeniy E. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, e.savitski@gmail.com

Tarasova Alexandra V. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, aleks.tarasova@gmail.com

Umanskaya Zhanna V. – Ph.D. in Education, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, zh.umanskaya@mail.ru

Yanutsh Olga A. – Ph.D. in Culturology, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Faculty of Human's Philosophy, A.I. Herzen State Pedagogical University, yanutsh@gmail.com

Zakharchenko Irina N. – Ph.D. in History, associate professor, Department of History and Theory of Culture, Division of Socio-Cultural Studies, Russian State University for the Humanities, inzakh@gmail.com

Zotov Sergey O. – postgraduate student, Russian Anthropological School, Russian State University for Humanities, godlike90@rambler.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *Т.Ю. Журавлева*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 18.08.2017.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,6.

Тираж 1050 экз. Заказ № 110

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»
выходит 12 раз в год.
Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 70969
Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!